ГОДЪ 34-й.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896

7. Пров. 50
25101

Стр.

305. Изъ бумагъ и переписки графа Н. П. Шереметева (въ царствованіе Павла Петровича).

342. Записки А. Д. Бестужева-Рюмина о Москвѣ 1812 года.

365. Донесеніе его же министру юстиціи И. И. Дмитріеву.

386. Письма его же къ Д. Ѳ. Шумилову, великому князю Константину Павловичу и императору Александру Павловичу.

399. Свѣдѣнія объ А. Д. Бестужевѣ-Рюминѣ.

403. Старинная сатира.

408. Графъ Е. Е. Комаровскій.

417. Записка А. Г. Тройницкаго объ участіи періодической литературы въ обсужденіи и разрѣшеніи крестьянскаго вопроса (1859).

428. Воспоминанія Ѳ. А. Ома.

453. Еще о перенесеніи праха князя и графовъ Орловыхъ. Замѣтка графа А. В. Орлова-Давыдова.

455. Всеподданнѣйшее прошеніе философа Канта императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ (1758).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1896.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ конторѣ „Русскаго Архива“ въ Москвѣ на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, можно получать, по уменьшенной цѣнѣ, 26 книгъ этого историческаго изданія.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ „АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА“.

I. Личныя бумаги императрицы Елисаветы Петровны. Письма Шуваловыхъ, князя и княжны Кантемиръ, матери Екатерины Великой. Дѣло о Шетарди. Снимки съ писемъ Елисаветы, княгини Іоанны Елисаветы и князя Кантемира.

II. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Письма графа А. П. Бестужева-Рюмина. О Шетарди. Мнѣніе объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи. Переписка съ гр. Санти. Арестъ Ламберта. Письма гр. М. П. Бестужева-Рюмина. Перлюстрація писемъ касательно заговора маркиза Ботты. Бумаги барона Миниха. Прошенія и письма его и Бирона. Письма С. К. Нарышкина, генерала Кейта. Письма и прошенія къ импер. Елисаветѣ.

III. Собственноручный служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги Елисаветинской Конференціи. Письма Л. М. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Письма гр. Санти. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. Мнѣнія графа Бестужева о принятіи Англійскихъ субсидій въ 1747 году. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ. Доклады графа Воронцова за 1758 годъ. Записка гр. Воронцова о Семилѣтней войнѣ. Дѣло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографическое показаніе. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской. Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Письма Вольтера.

VI. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады коллегіи иностранныхъ дѣлъ (1744). Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. М. Шуваловымъ, съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Приложенъ планъ взятія Берлина Русскими войсками.

VII. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (1746—1755). Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло графа Тотлебена. Реляція фельдмаршала графа Бутурлина 21 Августа 1761 года. Проектъ графа П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину. Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV (1758). Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. Приложены портретъ гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ (1791—1825).

IX. Письма графа С. Р. Воронцова къ брату. Съ гравированнымъ на стали портретомъ.

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ брату и разнымъ лицамъ. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ. Со снимкомъ.

ИЗЪ БУМАГЪ И ПЕРЕПИСКИ ГРАФА Н. П. ШЕРЕМЕТЕВА *).

Въ царствованіе Павла Петровича.

Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ родился 28 Іюня 1751 года, въ царствованіе Елисаветы Петровны, у которой особенною милостью пользовалась мать его графиня Варвара Алексѣевна, дочь государственнаго канцлера князя А. М. Черкасскаго. Семи лѣтъ отъ роду онъ лишился старшаго своего брата графа Порфирія (р. въ 1746 г.). Ему было 16 лѣтъ, когда скончалась его мать, а черезъ полгода погибла сестра его, красавица графиня Анна Петровна, невѣста графа Н. И. Панина, бывшая на семь лѣтъ его старше. Ему осталась младшая сестра графиня Варвара Петровна (род. 1759), впослѣдствіи графиня Разумовская, которая и по возрасту, и по способностямъ своимъ не была ему подъ стать. Отрочество и молодость его протекли подъ властью отца его оберъ-камергера гр. Петра Борисовича, дѣятельнаго домохозяина, который наблюдалъ строгій порядокъ въ обстановкѣ и дѣлахъ и пріумножалъ свое состояніе. Крѣпкимъ здоровьемъ графъ Николай Петровичъ не отличался, и товарищъ его по Лейденскому университету и Парижской жизни, князь А. Б. Куракинъ не разъ говоритъ про его болѣзненность (см. „Архивъ Князя Ѳ. А. Куракина“, т. VI). Въ Петербургѣ Шереметевскій домъ былъ на мѣстѣ нынѣшняго дворца Великаго Князя Михаила Николаевича, т. е. въ самой близости отъ Зимняго дворца, и графъ Николай Петровичъ съ дѣтства своего посѣщалъ Цесаревича Павла, который былъ на три года моложе его лѣтами и который, какъ видно по Дневнику Порошина, очень любилъ его. Ребенкомъ записанъ онъ былъ въ Преображенскій полкъ, но никогда не былъ воиномъ и на славнаго дѣда своего фельдмаршала походилъ лишь душевнымъ благородствомъ и живымъ благочестіемъ. Можетъ быть, раннія сердечныя утраты, при некрѣпкомъ тѣлесномъ сложеніи, вызвали въ немъ нѣкоторую мечтательность. Онъ получилъ отличное образованіе. Музыка и сценическое искусство не были для него барскою забавою. Ему было уже 37 лѣтъ, когда скончался отецъ его (30 Ноября 1788), и онъ сталъ первымъ богачомъ въ Россіи. Въ теченіи восьми лѣтъ затѣмъ служилъ онъ сенаторомъ въ Москвѣ. Воцареніе Павла Петровича перенесло этого искренняго друга Музъ и мирныхъ удовольствій въ водоворотъ придворной жизни. Государь назначилъ его своимъ

*) См. выше, стр. 189.

оберъ-гофмаршаломъ, т. е. по нынѣшнему министромъ двора. Можно судить, какъ, при тогдашнихъ быстрыхъ перемѣнахъ, коронаціи и путешествіяхъ Павла Петровича по Россіи, трудна была эта должность, въ особенности для человѣка, не знавшаго дотолѣ мелочныхъ заботъ и недовольно опытнаго въ житейскихъ дѣлахъ. Тѣмъ не менѣе онъ пробылъ оберъ-гофмаршаломъ около двухъ лѣтъ. Тутъ возникли у него новыя отношенія, выразившіяся между прочимъ въ нижеслѣдующей перепискѣ, которая сохранилась у роднаго его внука графа С. Д. Шереметева. П. Б.

Къ неизвѣстному лицу.

25 Декабря 1796.

Милостивый государь мой Иванъ Романовичъ.

Для стола Его Императорскаго Величества присылаемы были Архангело-городскіе барашки и поеные молокомъ телята, то вслѣдствіе высочайшей воли Его Императорскаго Величества прошу васъ всепокорнѣйше, милостивый государь мой, приказать отыскать въ непродолжительномъ времени какъ хорошихъ молодыхъ барашковъ, такъ и поеныхъ телятъ, не болѣе числомъ доселѣ присылаемаго количества ко двору, дабы не сдѣлать ощутительнаго казнѣ симъ приказомъ убытка противу прошедшихъ временъ. Все сіе предоставляю попеченію вашего превосходительства. Графъ Ш.

Къ графамъ Тизенгаузену и Віельгорскому.

1 Генваря 1797.

Милостивые государи мои графъ Иванъ Андреевичъ и графъ Юрій Михайловичъ.

По вчерашнему моему отзыву, изъявляя мое согласіе, прошу васъ всепокорнѣйше войтить въ распоряженіе высочайше конфирмованнаго штата. Я увѣренъ, что мысль ваша на положеніе онаго будетъ согласна, сообразно теченію дѣлъ и конфирмированному штату. Я, конечно, не преминулъ бы и самъ въ семъ случаѣ раздѣлить вашъ трудъ, если бы не болѣзнь, мучившая меня, тому была причиною. Надѣюсь также, что не оставите меня вашимъ увѣдомленіемъ. Пребываю впрочемъ съ моимъ почтеніемъ. Гр. Ш.

Къ Кутайсову.

2 Генваря 1797.

Милостивый государь мой Иванъ Павловичъ.

Радъ бы душевно сдѣлать для васъ сіе, чтобы помѣстить означеннаго Фирсова на просимое имъ мѣсто; но такъ какъ по высочайше конфирмованному штату положенъ всего одинъ секретарь, который уже и опредѣленъ; а между тѣмъ гр. Віельгорскій испросилъ высочай-

шее повелѣніе помѣстить и другаго. Если можетъ онъ выбрать какое либо иное мѣсто, я душевно радъ просить объ немъ и жалѣю очень, что не могу вамъ въ семъ случаѣ выполнить вашей просьбы, пребывая впрочемъ съ моимъ почтеніемъ. Гр. Ш.

Приказъ.

5 Генваря 1797.

По случаю десятидневной моей болѣзни и по неизвѣстности моего выѣзда имѣютъ придворной конторы секретари присылать ко мнѣ черезъ дневальныхъ конюховъ или кого нибудь другаго запечатанныя въ пакетъ о всемъ производимомъ по оной дѣламъ свѣдѣнія и дѣла, слѣдующія къ моему подписанію, дабы я могъ видѣть теченіе дѣлъ; самимъ же секретарямъ кромѣ дѣлъ, требующихъ объясненія, ко мнѣ не ѣздить, дабы чрезъ то не могли терять времени въ производствѣ дѣлъ. О поданной же запискѣ ст. сов. Головцынымъ съ приложеніемъ вѣдомостей по 15 должностямъ, я надѣюсь, что уже о семъ сдѣлано подлежащее разсмотрѣніе, почему и доставить ко мнѣ свѣдѣніе, какъ о сей суммѣ 825.957 р. 25¾ к., которая числится остаточною въ закупленныхъ матеріалахъ, такъ и по мучной поставкѣ за 1795 годъ.

О переданныхъ 65.955 р. я думаю, что (надо) имѣть въ виду о сей передачѣ положеніе, о чемъ и дать мнѣ свѣдѣніе, также и о томъ, что учиненъ ли разсчетъ съ нимъ Карповымъ за прошлый 1796-й годъ, и нѣтъ ли передачи еще. О всемъ томъ и многомъ меня увѣдомить секретарю въ непродолжительномъ времени. Гр. Ш.

Къ графу Безбородкѣ.

7 Генваря 1797.

Милостивый государь графъ Александръ Андреевичъ.

Вслѣдствіе отношенія моего къ в. с. отъ 4-го числа сего мѣсяца касательно высочайшаго путешествія Его Императорскаго Величества въ Москву, будучи понуждаемъ со всѣхъ сторонъ требованіемъ нужныхъ свѣдѣній каждому по своей части, болѣе тѣмъ, что Его И. В. указать мнѣ соизволилъ отнестись о семъ къ в. с., дабы получить отъ васъ обстоятельное свѣдѣніе, то сіе самое ихъ и увѣряетъ, что яко бы я уже имѣю на сіе отзывъ отъ в. с.; въ разсужденіи чего и прошу васъ всепокорнѣйше, м. г., не оставить своимъ благосклоннымъ о семъ извѣщеніемъ. Гр. Ш.

*

7 Генваря 1797.

Его Императорское Величество всемилостивѣйше указать соизволилъ, чтобы по особенной его высочайшей къ его превосходительству господину Аракчееву милости, а не по штату и не по состоящей его

должности, опредѣлить столъ, какъ ему, такъ и его адъютантамъ 8-ми человѣкамъ противъ стола, положеннаго для офицеровъ въ штатѣ 1786 года. И сей Его И. В. указъ къ надлежащему исполненію придворной Конторѣ объявляю.

Подписалъ: графъ Віельгорскій.

Къ Ростопчину.

10 Генваря 1797.

Милостивый государь мой Ѳедоръ Васильевичъ.

Письмо в. пр-ва я имѣлъ честь получить, въ коемъ вы изволите прописывать приказаніе Государя Императора вамъ о наборѣ въ егери 30 человѣкъ, и дабы я позволилъ в. пр-ву взять двухъ истопниковъ по ихъ желанію, коихъ я съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ согласенъ отпустить. Пребываю и проч. Гр. Ш.

Къ Аракчееву.

14 Генваря 1797.

Милостивый государь мой Алексѣй Андреевичъ.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ отправить курьеромъ по комиссіи въ Берлинъ и Лейпцигъ фельдъегеря Евстафія Штоса, которому нужно дать подорожную до тѣхъ мѣстъ. Гр. Ш.

*

Генваря 23 дня 1797.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ, чтобы изъ числа положенныхъ по штату 12 гусаръ было только 8, а остальные 4 гайдуками. Каковый высочайшій указъ Придворной Конторѣ и объявляю къ исполненію. Гр. Ш.

Къ графу Румянцову.

31 Генваря 1797.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ, начертавъ собственною Его Величества рукою въ подносимыхъ отъ меня докладахъ касательно назначенія въ Придворную Контору суммъ по разнымъ статьямъ, не положеннымъ въ штатъ, въ томъ числѣ и о 150.000 рубл. на платежъ за поставку водокъ, медовъ и прочихъ ординарныхъ питей, отнестись о семъ къ в. с., также и о столахъ по прилагаемому при семъ реестру, кои Его Величество сверхъ штата указать соизволилъ производить, съ прибавленіемъ противъ штата 3-го класса получающимъ столы на каждую персону по 2 рубли, дабы в. с. на всю сумму объ отпускѣ оной изъ суммы, положенной на содержаніе двора, въ Придворную Контору, изволили бы поднести

указъ къ подписанію Его В., равно и о сдѣланіи примѣрнаго штата ихъ императорскимъ высочествамъ великимъ княжнамъ съ назначеніемъ людей и ихъ содержанія, соображаясь со штатами дочери царствующаго, когда возмужаетъ и принца крови, полагая все на нихъ содержаніе изъ суммы же, положенной на содержаніе двора, до совершенно-лѣтія ихъ высочествъ назначить число людей изъ онаго штата только нужное по теперешнимъ обстоятельствамъ, каковое высокомонаршее повелѣніе сообщая в. с., честь имѣю пребыть и пр. Гр. Ш.

Къ нему же.

31 Генваря 1797.

По высочайше конфирмованному штату положено отпускать по вѣдѣнію оберъ-гофмаршала на расходы по камерцалмейстерскому 60.000 р. въ годъ; а какъ теперь, по случаю (переѣзда) высочайшаго двора въ Москву, многія вещи заказаны и требуютъ заплаты денегъ, то и прошу покорно в. с. объ отпускѣ на сію треть 20.000 р. подъ росписку комиссара Дудина, дать повелѣніе придворной канцеляріи и когда назначите сей отпускъ суммы, то надѣюсь, что не оставите извѣщеніемъ меня, равно и о 25.000 р., назначенныхъ для вояжу Московскаго, которые намъ теперь крайне нужны на разныя мелочныя отправленія и другія надобности, отпускомъ коихъ премного одолжить изволите. Гр. Ш.

Къ нему же.

Генварь 1797.

Государынѣ Императрицѣ угодно, чтобы сдѣланъ былъ медъ бѣлый лимонный сахарный для питья, такой точно, каковой при покойной Государынѣ былъ сдѣланъ единожды и апробованъ ею.

Къ графу Зубову.

Генварь 1797.

Милостивый государь мой графъ Николай Александровичъ.

По волѣ Его Императорскаго Величества сообщилъ ко мнѣ господинъ Сартій, что потребны для 14 человѣкъ трубачей и одного литаврщика конскіе уборы, сѣдла и пр., также то, чтобъ обучить ихъ верхомъ, поелику они назначены въ церемоніалѣ верхомъ ѣхать, вслѣдствіе чего и прошу покорнѣйше в. с. приказать означеннымъ трубачамъ сдѣлать конскіе уборы со всею принадлежностью, такъ и обучать ихъ верхомъ ѣздить, для чего и можете ихъ истребовать отъ господина Сартія.

Къ Данаурову.

Генварь 1797.

Милостивый государь мой Михаилъ Ивановичъ.

Его Императорское Величество указать мнѣ соизволилъ отнестись къ в. пр-ву объ отпускѣ 16.000 рубл. изъ Кабинета на раздачу изъ экстраординарной военнымъ чинамъ, которымъ производились изъ конторы порціи, денежной, винной, годовой, по неположенію оной въ штатъ, дабы в. пр-во о семъ поднесли указъ къ подписанію Его Величества.

*

1 Февраля 1797 графъ Николай Петровичъ сообщаетъ въ Москву: «По всемилостивѣйшему Его Императорскаго Величества благоизволенію возложенъ на меня орденъ св. Апостола Первозваннаго».

Т. В. Шлыкова*) разсказывала подробности этого пожалованія, со словъ графа. По окончаніи доклада, когда графъ удалялся изъ царскаго кабинета и повернулся къ двери, Государь неожиданно догналъ его и перекинулъ ему черезъ плечо Андреевскую ленту.

Указъ нашей придворной канцеляріи.

Повелѣваемъ по̀ вѣдѣнію нашего оберъ-гофмаршала на положенныхъ сверхъ штата при нашихъ камеръ-фрейлинѣ Протасовой и фрейлинѣ Нелидовой придворныхъ служителей, камеръ-лакеевъ 2, лакеевъ 6, истопниковъ 8, да въ дополненіе штата по двору нашему 8 помощниковъ мундшенскихъ, 12 камердинерскихъ, 4 конфетныхъ подмастерьевъ и 8 учениковъ, отпускать ежегодно имъ жалованье денежное и хлѣбное, также и ливерею противу штата; да сверхъ того, на жалованье по прачешной и другимъ должностяхъ разнымъ служителямъ и служительницамъ по 6524 р. 65 к. изъ суммы трехъ милліоновъ, положенныхъ на содержаніе двора нашего. На подлинномъ: Павелъ.

Въ Спб. Февраля 1 дня 1797.

Къ оберъ-камергеру И. И. Шувалову.

8 Февраля 1797.

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ.

Его Императорское Величество высочайшимъ указомъ соизволилъ, чтобъ, во время высочайшаго отсутствія двора въ Москву, камергеры двора ея высочества государыни великой княжны Александры Павловны имѣли отправиться въ свитѣ при ней.

---

*) О ней, см. „Русскій Архивъ“ 1889, I, стр. 506.

Къ князю Гагарину.

8 Февраля 1797.

Милостивый государь мой князь Сергѣй Сергѣевичъ.

Для будущаго высочайшаго Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Императорскихъ высочествъ присутствія отправляется туда для ученія предварительныхъ по своей части распоряженій гофъ-фурьеръ Антонъ Граве съ командою, которому приказано явиться съ симъ письмомъ къ в. с., и прошу не оставить его зависящими отъ вашей стороны во всемъ пособіями, дабы въ порученномъ ему дѣлѣ не могло произойти какой остановки.

Къ графу Зубову.

10 Февраля 1797.

Милостивый государь мой графъ Николай Александровичъ.

Потребны фуры и коляски для отправленія нѣкоторыхъ вещей въ городъ Павловскъ, коихъ везти туда въ саняхъ нельзя, вслѣдствіе чего и прошу покорнѣйше в. с., по требованію вручителя сего господина камеръ-цалмейстера Кутузова, приказать потребное число отпустить, чѣмъ одолжить изволите.

Февраля 12 дня 1797.

Государь Императоръ изволилъ приказать, дабы находящіеся при дворцѣ при сервизной военные служители были обмундированы темно-зелеными сертуками съ красными воротниками и имѣли бы черные штиблеты суконные.

Подп.: генералъ-маіоръ и кавалеръ Аракчеевъ.

Рескриптъ императора Павла графу Румянцову.

Спб. Февраля 14 дня 1797.

Графъ Николай Петровичъ.

Прилагая при семъ списки, поднесенные намъ отъ оберъ-гофмаршала графа Шереметева о разныхъ чинахъ и служителяхъ, состоящихъ при дворцахъ и придворныхъ церквахъ, кои получали содержаніе отъ Придворной Конторы, а съ состояніемъ оной конторы стата въ оной не вошли, повелѣваемъ слѣдующую по тѣмъ статьямъ сумму, всего въ годъ по 74.719 р. 89¼ коп., равно какъ провіантъ и мундиры, сколько того и другаго по онымъ спискамъ куда означено, съ нынѣшняго 1797 года впредъ до указу, пока о всѣхъ тѣхъ чинахъ и мѣстахъ распредѣленіе учинено будетъ, отпускать изъ придворной канцеляріи. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

На подлинномъ: Павелъ.

При высочайшемъ семъ указѣ отмѣчается: гардеробмейстеру Кутайсову жалованья 1.500 р., г-ну Бартнянскому столовыхъ 1.000 р., 4 парикмахерамъ жалованья 1.600 р.

Къ Данаурову.

16 Февраля 1797.

Милостивый государь мой Михаилъ Ивановичъ.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ истребовать отъ Кабинета: во что́ обошлась богатая статсъ-ливрея, сдѣланная для всего двора въ 1792 году, вообще и порознь по званіямъ на каждаго человѣка, для донесенія Его Величеству завтрашній день, о чемъ сообщаю высокомонаршее повелѣніе.

*

15 Февраля 1797 г. Н. П. пишетъ въ Москву и торопитъ приготовленіями въ Останкинскомъ домѣ. «На Святой недѣлѣ должно все поспѣть; я думаю дней черезъ пять отсюда отправиться; жаль, когда не поспѣешь и тѣмъ помѣшаешь мнѣ принять дорогаго гостя, который третьяго дня былъ у меня отмѣнно милостивъ и очень веселъ, слушалъ концертъ и очень хвалилъ и Парашѣ пожаловалъ перстень. Однимъ словомъ сказать, что милости его неисчетныя».

Прасковья Ивановна Ковалевская съ семилѣтняго возраста воспитывалась въ домѣ графа Петра Борисовича Шереметева подъ руководствомъ княгини Маріы Михайловны Долгоруковой. О ея жизни и о своемъ бракѣ съ нею Николай Петровичъ говоритъ въ завѣщательномъ письмѣ къ сыну своему графу Дмитрію Николаевичу, преисполненномъ высокаго христіанскаго чувства и глубоко-умилительномъ.

Придворной Конторѣ.

Февраля 17 дня 1797.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ, чтобы въ первую и страстную недѣли Великаго поста при высочайшемъ Его Величества дворѣ ни для кого отпуску мясныхъ припасовъ не было.

И сей Его Императорскаго Величества высочайшій указъ Придворной Конторѣ объявляю ко исполненію. Графъ Шереметевъ.

Къ оберъ-камергеру И. И. Шувалову.

17 Февраля 1797.

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ.

По волѣ Его Императорскаго Величества опредѣлены въ пажи трое по фамиліи Мацкевичи, коимъ не даютъ мѣста въ корпусѣ жить; но какъ о семъ проситъ меня генералъ-маіоръ Аракчеевъ, дабы они были помѣщены, вслѣдствіе чего покорно прошу в. высокопр-во сдѣлать мнѣ въ одолженіе означенныхъ пажей приказать помѣстить.

Къ А. Ю. Нелединскому-Мелецкому *).

17 Февраля 1797.

Милостивый государь мой Александръ Юрьевичъ.

Я имѣлъ счастіе сегодняшній день поднести Его Императорскому Величеству указъ для подписанія касательно произвожденія получаемаго вами пансіона по неположенной суммѣ въ Придворной Конторѣ изъ остаточнаго казначейства, каковой высочайшій указъ и препровожденъ къ А. И. Васильеву. Я душевно радуюсь, что Его Величество оный такъ охотно подписалъ.

Къ графу Салтыкову.

18 Февраля 1797.

Милостивый государь мой Николай Ивановичъ.

За письмо в. с. отъ 16-го Ноября и за поздравленія меня съ монаршею милостію, принеся мою покорнѣйшую благодарность, имѣю честь увѣдомить васъ, что я на сихъ дняхъ удостоился получить и другую отъ Государя милость, т. е. орденъ св. Андрея, а въ прошедшую Субботу имѣлъ счастіе принять у себя въ домѣ Его Императорское Величество со всею императорской фамиліею. Гр. Ш.

Приказъ изъ Придворной Конторы.

По случаю высочайшаго изъ С.-Петербурга въ Москву шествія отправиться вамъ и съ вами и ученику Василью Иванову въ Петербургъ и въ Москву, куда въ проѣздъ всѣ состоящіе по Московскому тракту дворцы и при нихъ должности осмотрѣть въ наилучшемъ порядкѣ, и если въ чемъ либо окажется недостатокъ и нужно поправить, починить или вновь сдѣлать, требовать отъ опредѣленныхъ надъ тѣми дворцами начальниковъ и контору немедленно увѣдомлять; осмотря въ дворцахъ или гдѣ высочайшее въ пути пребываніе будетъ, вамъ, вплоть до самой Москвы, и по пріѣздѣ явиться къ управляющему гофъ-штабъ-квартирмейстерской должности камеръ-фурьеру г-ну Волкодаву или на дорогѣ къ г-ну оберъ-гофмаршалу и о всемъ нужномъ донести, и потомъ, ни мало мѣшкавъ, отправиться обратно съ донесеніемъ въ С.-Петербургъ; а на съѣздъ въ Москву и обратно до С.-Петербурга вамъ отъ придворнаго казначейства прогоновъ 93 р. 36 к. Графъ Шереметевъ. Секретарь Николай Смирновъ. № 659.

Февраля 1797.

---

*) Отцу стихотворца. П. Б.

Рескрипты къ графу Румянцову.

Спб., 20 Февраля 1797.

Графъ Николай Петровичъ.

Разсмотрѣвъ поднесенный намъ отъ васъ списокъ ливрейныхъ служителей тѣхъ, кои остались излишними по новому штату нашего двора, повелѣваемъ оставить изъ нихъ при комнатахъ: камеръ-лакеевъ двухъ, лакеевъ 17 и истопниковъ 35 тѣхъ, кои по усмотрѣнію вашему найдутся достойными оставлены быть при дворѣ нашемъ, производя имъ денежное и хлѣбное жалованье, такъ какъ и ливерею, изъ суммы, опредѣленной на содержаніе двора нашего; съ прочими же затѣмъ остающимися поступить на основаніи указа, даннаго отъ насъ государственному казначею Васильеву Генваря 14 дня сего года. На подлинномъ: Павелъ.

20 Февраля 1797.

Графъ Николай Петровичъ!

Для удобнѣйшаго управленія по должности камеръ-цалмейстерской, въ вѣдѣніе ваше поступившей, прибавя нѣкоторыхъ нужныхъ для нея людей и сочиня онымъ штатъ, при семъ препровождаемъ его для пріобщенія къ общему двора нашего штату; а при томъ повелѣваемъ:

Первое. Всѣ хранящіеся нынѣ въ казенныхъ по камеръ-цалмейстерской должности кладовыхъ гардеробы государей императоровъ и другихъ особъ, также серебро и разныя рѣдкости, разобравъ по сортамъ, представить намъ, дабы можно было отдать подъ сохраненіе въ тѣ мѣста, до которыхъ они принадлежатъ.

Второе. Исправленіе мебелей и храненіе оныхъ по дворамъ любезныхъ нашихъ дѣтей великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича предоставить на попеченіе ихъ гофмаршаловъ и изъ тѣхъ самыхъ суммъ, которыя опредѣлено отпускать для содержанія оныхъ дворовъ, не заимствуя болѣе суммы, въ вѣдѣніе ваше отпускаемой.

Третіе. Всѣ мебели и вещи, по загороднымъ дворцамъ находящіяся, отдать подъ присмотръ капитановъ замковъ и ихъ болѣе камеръ-цалмейстерской должности подъ своимъ присмотромъ не имѣть.

На подлинномъ: Павелъ.

Указъ нашей придворной канцеляріи.

Февраля 20-го дня 1797.

Находящимся при любезныхъ нашихъ дочеряхъ великихъ княжнахъ Александрѣ Павловнѣ, Маріи Павловнѣ и Екатеринѣ Павловнѣ

двумъ Швейцаркамъ, мадамѣ Ротъ и мамзелѣ Менцеллѣ, да дѣвицѣ Алединской, которыя по новому штату двора нашего не вошли въ штатное положеніе и не получаютъ отпущаемыхъ прочимъ на приборы и свѣчи деньги, повелѣваемъ отпускать каждой по 60 р. въ мѣсяцъ изъ суммы, опредѣленной на содержаніе двора нашего. На подлинномъ: Павелъ.

Указъ нашей придворной канцеляріи.

Февраля 20-го дня 1797. Спб.

Опредѣляя учредить при главномъ нашемъ домѣ особую пожарную команду, повелѣваемъ въ оной быть одному интенданту въ чинѣ коллежскаго ассесора и двумъ его помощникамъ въ чинѣ провинціальныхъ секретарей, да урядникамъ 8 и пожарнымъ 122 человѣкамъ, назначая на содержаніе ихъ въ годъ по исчисленію намъ представленному по 6.300 р. изъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе двора нашего, ради чего всѣхъ присланныхъ для сей надобности отъ коменданта здѣшней крѣпости генералъ-лейтенанта Вязмитинова чиновъ переименовать ихъ сими чинами, которымъ впредъ и произвожденіе имѣть по гражданской службѣ. На подлинномъ: Павелъ.

*

Въ С.-Петербургѣ, Февраля 22 дня 1797.

Гардеробъ-мейстеръ Кутайсовъ представляетъ на положенное по штату мѣсто секретаря при комнатѣ по вѣдомству его находящагося при казенномъ гардеробѣ титулярнаго совѣтника Дружинина. А какъ оный отправляетъ уже сію должность съ Декабря прошлаго 1796 года, то проситъ объ опредѣленіи ему по штату положеннаго жалованья съ 1-го Генваря сего года. На подлинномъ: Павелъ.

Нашему Кабинету.

На украшенія нѣкоторыхъ комнатъ въ главномъ нашемъ домѣ, препорученныя надзиранію нашего оберъ-гофмаршала, повелѣваемъ отпустить помянутому оберъ-гофмаршалу на первый случай 12.000 рублей изъ суммы Кабинета нашего. На подлинномъ: Павелъ.

22-го Февраля 1797.

Указъ А. И. Васильеву.

Алексѣй Ивановичъ. По случаю отсутствія нашего въ престольный градъ Москву къ отпущеннымъ въ придворную канцелярію по вѣдѣнію нашего оберъ-гофмаршала 25.000 рублей повелѣваемъ отпустить еще 5.000 рублей въ распоряженіе его же изъ суммы, принадлежащей остаточному казначейству. На подлинномъ: Павелъ.

*

Передъ самымъ отъѣздомъ на коронацію изъ Петербурга въ Москву, 28 Февраля 1797 года, записано графомъ Н. П. Шереметевымъ такое распоряженіе императора Павла:

«Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ находящуюся при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Николаѣ Павловичѣ кормилицу отмѣнить и отъ двора уволить *), а остальнымъ при Его Высочествѣ, одной Англичанкѣ и одной камермедхенъ, на содержаніе за столъ довольствоваться: первой по 4, а послѣдней по 3 рубля каждый день».

Подписалъ графъ Тизенгаузенъ.

Придворной канцеляріи.

Находя нужными нѣкоторыя измѣненія въ издержкахъ по двору нашему столовыхъ припасовъ, питей и прочаго въ разсужденіи нашего здѣсь пребыванія, позволяемъ оберъ-гофмаршалу графу Шереметеву дѣлать поверхъ нарядовъ и при окончаніи года тому оберъгофмаршалу, сдѣлавъ исчисленіе о всѣхъ издержкахъ, представить намъ, какою суммою дворъ навсегда довольствованъ быть можетъ.

На подлинномъ: Павелъ.

Въ Москвѣ Апрѣля 3 дня 1797.

Домовой моей канцеляріи.

На сихъ дняхъ ѣдетъ изъ Петербурга въ Москву княгиня Елена Никитична Вяземская, которая остановится въ Талицкомъ домѣ моемъ, почему и предписываю оной для нея приготовить заблаговременно, также если когда вздумаетъ поѣхать въ Кусково или Останкино—допущать и доставлять по временамъ пристойное число фруктовъ, стараясь при томъ во всемъ нужномъ дѣлать всякое вспомоществованіе и угодное ей. Гр. Н. Ш.

23 Апрѣля 1797.

*

Іюня 2-го дня 1797. Павловскъ.

Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ, чтобъ на всемъ высочайшемъ столѣ была посуда стеклянная, позолоченная, а другой совсѣмъ бы не было. И сей Его Императорскаго Величества высочайшій указъ Придворной Конторѣ объявленъ ко исполненію. Графъ Віельгорскій.

*

Іюня 4-го дня 1797, въ Павловскомъ.

Какъ сего Іюня 3-го дня вѣдомства Придворной Конторы кихеншрейберъ Алексѣй Самсоновъ при въѣздѣ въ городъ Павловскъ, на за-

*) Стало быть, Николай Павловичъ кормился грудью только 8 мѣсяцевъ. П. Б.

ставѣ, при спросѣ: что онъ за человѣкъ? объявилъ, что онъ поручикъ, Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ, чтобъ отнынѣ впредъ никогда придворные чины себя такъ не именовали и не сказывали бы, а объявляли всегда тотъ чинъ, какимъ кто при высочайшемъ дворѣ служитъ, о чемъ всѣмъ имъ и объявить. Графъ Віельгорскій.

Къ И. И. Шувалову.

5 Іюля 1797.

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ.

По дружескому ко мнѣ расположенію вашему, будучи увѣренъ въ томъ участіи, которое принимаете вы во всемъ, что до меня касается, а при томъ и за новость посылаю къ в. пр-ву копію съ имяннаго Его Императорскаго Величества указа, который удостоился я на сей день получить, исполняя съ истиннымъ усердіемъ службу мою и стараясь во всей силѣ и по возможности моей дѣлать угодное Его Императорскому Величеству. В. пр-во посудить можете, сколь дорого для меня таковое благоволеніе монаршее. Гр. Ш.

Къ князю Долгорукову *).

9 Іюля 1797.

Милостивый государь князь Иванъ Алексѣевичъ.

За скорымъ отъѣздомъ моимъ изъ Москвы не успѣлъ я проститься съ вами; а притомъ вы знаете, что я всегда убѣгаю прощанья съ такими людьми, которыхъ люблю душевно, дабы избавиться той непріятности, которая при всякомъ разставаніи съ обѣихъ сторонъ встрѣчается. Я, будучи увѣренъ въ принимаемомъ участіи при всякомъ случаѣ что до меня принадлежитъ, посылаю вамъ за новость копію съ высочайшаго благоволенія, которое удостоился я на сихъ дняхъ получить, надѣяся, что и вы обще со мною сему порадуетесь. Гр. Ш.

Къ неизвѣстному лицу.

Monsieur le comte.

J'ai eu l'honneur de recevoir votre lettre et je suis mortifié de vous avoir fait penser un instant comme quoi j'avais envie de vous priver d'un sujet qui vous convient et qui vous est nécessaire.

Pour ma justification je dois dire à votre excellence que Sa Majesté Impériale connaît Guéronant. De jour qu'il m'a honoré de sa présence, ce même homme y apprêtait le souper. Et une autre circonstance, qui m'a fait penser à cet homme, est que mon valet de chambre m'a assuré d'avoir entendu que Guéronant ne vous accompagnait pas.

*) Внуку графа Михаила Борисовича Шереметева.

Je me flatte que v. e. voudrez bien me rendre justice et d'être persuadé que, bien loin de désirer de vous procurer le moindre déplaisir, je suis toujours empressé à conserver votre amitié si précieuse pour moi.

J'ai l'honneur d'être avec la considération la plus distinguée, monsieur le comte, de v. e. c. N. C.

18 Juillet 1797.

(Не къ кому ли нибудь изъ свиты Польскаго короля?)

Отъ Д. П. Трощинскаго.

Милостивѣйшій государь графъ Николай Петровичъ!

Я два раза уже имѣлъ честь лично просить ваше сіятельство о доставленіи мнѣ по высочайшему повелѣнію новаго придворнаго штата и свѣдѣнія на что́ именно употребляются отпущенные къ вамъ на гофъ-интендантскую часть 41.388 рублей; но, не получа ни того ни другаго и опасаясь непріятности, когда дѣло настоять будетъ до вопроса, почему не исполнено высочайше данное мнѣ приказаніе, побужденъ еще разъ напомнить о томъ вашему сіятельству и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить вамъ волю Государя Императора, о которой я также лично объявлялъ вамъ, чтобъ отнынѣ впредь штаты всѣмъ придворнымъ служителямъ содержаны были въ исправности и чтобы не было того, что при разсмотрѣніи сверхштатныхъ придворныхъ служителей, что въ спискѣ поданномъ отъ вашего сіятельства показанъ, между прочимъ, лакей Александръ Внуковъ, по его уже восемнадцать лѣтъ при дворѣ нѣтъ и о которомъ Е. И. В. повелѣлъ мнѣ истребовать отъ Придворной Конторы свѣдѣніе, кому выдавалось вмѣсто его жалованье и кто въ пріемѣ онаго расписывался, а ежели выдаваемо не было, то гдѣ оная сумма осталась, о чемъ и буду ожидать вашего увѣдомленія, пребывая впрочемъ и пр.

Дмитрій Трощинскій.

Петергофъ,
21-го Іюля 1797.

Придворной Конторѣ.

Гатчина, 25 Августа 1797.

Господинъ оберъ-гардеробмейстеръ 4-го класса Кутайсовъ объявилъ мнѣ, что Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ находящемуся при Его Величествѣ берейтеру Витту производить съ 21-го числа минувшаго Іюля мѣсяца на столъ по четыре рубли въ день, получая отъ придворной канцеляріи. И сей Его Императорскаго Величества высочайшій указъ Придворной Конторѣ объявляю къ исполненію. Графъ Николай Шереметевъ.

На докладъ о производствѣ актерамъ столовыхъ денегъ послѣдовала высочайшая резолюція:

«Столовыхъ денегъ не давать, да и выданныя безъ высочайшаго повелѣнія и въ счеть казеннаго расхода не пріемлются, впредь же запрещается подобные расходы дѣлать безъ докладу Его И. В.».

Въ Гатчинѣ,
Сентября 2 дня 1797.

Указъ нашей Придворной Конторѣ.

По прошенію находящагося двора нашего при пажахъ гофмейстеромъ маіора Шевалье-де-Вильнѳ, уволивъ его за старостію и болѣзнями отъ сей должности, повелѣваемъ быть гофмейстеромъ надъ пажами Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса поручику Литвинову съ жалованьемъ по штату положеннымъ, а дирекцію надъ пажами и корпусомъ имѣть генералъ-маіору отъ артиллеріи Шапошникову, который жалованье по чину его будетъ получать изъ нашего Кабинета.

На подлинномъ: Павелъ.

Въ Гатчинѣ, Сентября 13 дня 1797.

Къ неизвѣстному лицу.

17 Сентября 1797.

Милостивая государыня моя Анна Александровна.

Буду я въ готовности, во исполненіе воли монаршей, возвратиться опять въ Гатчину и помѣщаться въ тѣхъ покояхъ, отъ которыхъ уже немало потерпѣлъ по той причинѣ, что къ одной стѣнѣ пришли кухня и страшные очаги, горящіе почти день и ночь, нагрѣваютъ стѣну такъ сильно, что тотъ одинъ покой, въ которомъ я помѣщаюсь, столько всегда жарокъ, что нѣтъ способу въ немъ жить и здоровому человѣку, не только мнѣ, ослабѣвающему отъ сильнаго гемороидальнаго теченія, для коего и не столь сильный жаръ совершенно дѣлается вреднымъ. Представьте же къ тому и нынѣшнія холодныя ночи, при которыхъ не можно отворять окошекъ. Я, будучи увѣренъ въ дружественномъ расположеніи ко мнѣ в. пр—ва, ищу чрезъ васъ уже протекціи у Петра Христофоровича и надѣюсь, что вы, милостивая государыня моя, пожалѣете о здоровьи моемъ и испросите мнѣ какъ нибудь два или три покоя, хотя небольшіе, чтобы я могъ только избѣгнуть столь вреднаго для меня зною. Повѣрьте мнѣ, что не ищу лучшихъ покоевъ, но только такихъ, гдѣ бы могъ имѣть хоть малое убѣжище по моей болѣзни, чѣмъ чувствительно обяжете того, который съ совершенной благодарностью и искреннимъ почтеніемъ пребудетъ навсегда и пр.

P. S. Петру Христофоровичу свидѣтельствую мое почтеніе и васъ покорнѣйше прошу сдѣлать совершенное одолженіе въ приказаніи, перемѣнить мнѣ покои. Вы не только что обяжете меня благодарностью, но и спасете мое слабое здоровье и за то будете два вѣка жить, чего искренно желаю.

Указъ нашей придворной канцеляріи.

Препровождая при семъ въ оригиналѣ доклады, поданные намъ отъ дѣйств. тайн. сов. князя Юсупова, повелѣваемъ все потребное для содержанія Эрмитажа нашего въ порядкѣ и чистотѣ, равнымъ образомъ и все то, что̀ и прежде отпускалось для находящихся въ оном̀ какъ людей, такъ птицъ и звѣрьевъ, отпускать и нынѣ изъ придворной нашей канцеляріи безостановочно, держа сему расходу, яко въ штатѣ не положенному, особливое исчисленіе, которое намъ по окончаніи каждаго года представить на усмотрѣніе. На подлинномъ: Павелъ.

Въ Гатчинѣ. Сентября 29 дня 1797.

При семъ докладѣ списки звѣрьямъ, птицамъ и счисленіе сколько для иныхъ чего потребно.

Рескриптъ графу Віельгорскому.

Октября 4-го, въ Гатчинѣ (1797).

Господинъ гофмаршалъ графъ Віельгорскій.

Все то, что̀ по штату двора нашего и по особо даннымъ отъ насъ указамъ предписано въ должность оберъ-гофмаршала, по случаю болѣзни нынѣшняго оберъ-гофмаршала графа Шереметева и въ отсутствіи его, предоставляемъ исполнять вамъ, надѣясь, что вы во всемъ томъ, а наипаче въ сбереженіи казны нашей, должное радѣніе и попеченіе имѣть не упустите. Впрочемъ пребываемъ вамъ благосклонный

На подлинномъ: Павелъ.

Приказъ слугѣ.

18 Октября 1797.

Иванъ Чистой! Для убору въ Смольномъ монастырѣ уборнаго покоя отпусти подъ росписку г-на Герасимова матеріи бѣлой съ голубыми разводами такой, какою убранъ у меня въ Фонтанномъ домѣ гостинной покой; потребное число и сколько отпущено будетъ, меня увѣдомить. Гр. Николай Шереметевъ.

Придворной конторѣ.

Ноября 30-го дня 1797.

Господинъ оберъ-гардеробмейстеръ 4-го класса Кутайсовъ объявилъ мнѣ, что Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ фарфоровый Андреевскій сервизъ не мѣшать съ Андреевскимъ Гарднеровскимъ сервизомъ, сдѣланнымъ въ Москвѣ; а что̀ къ оному Саксонскому сервизу будетъ недоставать, то добавлять изъ луч-

шихъ сервизовъ. Каковой Его Императорскаго Величества высочайшій указъ Придворной Конторѣ объявляю къ исполненію. Графъ Николай Шереметевъ.

Отъ П. С. Валуева,

11 Декабря 1797.

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

За приглашеніе къ обѣду, которымъ я надѣюсь пользоваться, всепокорнѣйше благодарю; а между тѣмъ напомнаю, что канунъ праздниковъ, и по сіе время повѣстки нѣтъ; того ради берегитесь, чтобъ не опоздать. Я затѣмъ не поѣхалъ въ Сенатъ, что ожидаю оную отъ васъ, дабы имѣть время сего утра разослать оную, куда слѣдуетъ. Ради Христа постарайтесь о томъ поскорѣе. Я пребываю съ должною преданностью и пр. Петръ Валуевъ.

Отъ князя П. В. Урусова.

Сіятельный графъ милостивый государь.

Приношу в. с. милостивому государю всенижайшую мою благодарность за присланную жизненную эссенцію, которую я получилъ 4-го числа сего мѣсяца; а тѣмъ паче чувствую в. с. ко мнѣ милость, что я оную получилъ, когда уже у меня послѣдняя склянка окончилась. Моя княгиня въ крайнемъ мученіи; вчерась у меня былъ консиліумъ, и доктора предписали ей продолжать оную эссенцію, а притомъ мѣшать въ оную капли, которыя они написали. Дней съ 10 назадъ былъ у меня вашъ управитель и сказывалъ, что изволите писать, чтобъ поискать сѣраго Датскаго жеребца для заводу, то я у многихъ охотниковъ спрашивалъ; но какъ оныя породы уже давно оставлены, и только и можно найти Датской породы у графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, тутъ только они ведутся, то не знаю, найдется ли въ продажу сѣрый. Объ ономъ я постараюсь узнать и увѣдомлю. Я видѣлъ во снѣ, что в. с. пріѣхали въ Москву. Дай Боже, чтобы оное случилось въ скоромъ времени на яву, чтобы въ моей горести единственная была отрада. Князь Петръ Урусовъ.

8 Апрѣля 1798.

Отъ графа В. А. Зубова.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Подноситель сего прежде служившій при дворѣ Арапъ, коего желаніе есть оставить здѣшній городъ, почему и прошу ваше сіятельство снабдить его пашпортомъ. Такъ какъ сіе совершенно зависитъ отъ васъ, почему смѣю надѣяться, что для меня сего ему пособія сдѣлать не откажете. Пребуду навсегда и пр. Графъ Валеріанъ Зубовъ.

18 Апрѣля 1798.

Рескриптъ Государя.

Графъ Николай Петровичъ. Крайне пріемля участіе въ здоровьѣ вашемъ, ласкаюсь видѣть поправленіе онаго, а между тѣмъ, желая васъ сохранить при себѣ, прошу васъ и, считая на вашу ко мнѣ привязанность, несомнѣнно надѣюсь, что вы не откажетесь и въ тягость себѣ не поставите остаться при нынѣшнемъ вашемъ мѣстѣ, сдѣлавъ симъ и особливое мнѣ удовольствіе. Будьте увѣрены съ моей стороны о непремѣнномъ моемъ къ вамъ благоволеніи, съ которымъ пребуду вамъ доброжелательный Павелъ.

Въ Павловскѣ,
Апрѣля 24 дня 1798.

Во время постигшей графа Николая Петровича тяжкой болѣзни, его посѣщалъ императоръ Павелъ. Больной выдержалъ мучительную операцію. «Трудно описать», сообщалъ онъ сестрѣ своей, графинѣ Варварѣ Петровнѣ Разумовской, «или совсѣмъ невозможно: домъ былъ какъ внѣ себя, на людей жалко было глядѣть; рѣзали шесть разъ. На Бога надежда не бываетъ никогда тщетна, и при семъ мучительномъ случаѣ послано отъ Всевышняго утѣшеніе: ибо Государь оказать изволилъ великое въ болѣзни сей участіе, всякій день посылаетъ по два раза освѣдомляться и, наконецъ, сей день осчастливить изволилъ своимъ посѣщеніемъ; сидѣлъ у постели моей. Я хотя довольно слабъ, но благодарное мое сердце ничего не потеряло. Государь держалъ меня за руку, обнималъ, поздравляя съ благополучнымъ окончаніемъ, и я обливался радостными слезами. Государыня также очень о болѣзни сожалѣетъ и всякій день освѣдомляется».

О томъ же посѣщеніи онъ писалъ князю Лопухину. «Сегодня, сверхъ чаянія, удостоился я высокомонаршаго посѣщенія. Пока здоровье позволитъ самому повергнуть къ стопамъ его благодарнѣйшее сердце мое, усерднѣйше прошу изъяснить при случаѣ всю благодарность, которую ощущаютъ преискреннѣйшія чувства мои».

Въ другой разъ, во время болѣзни графа, когда прислуга сидѣла въ сосѣдней комнатѣ, откуда вела дверь на черную лѣстницу, дверь эта, къ великому изумленію всѣхъ, тихонько отворилась, и изъ-за нея появилась голова императора Павла. Прислуга встрепенулась, но Государь пригрозилъ пальцемъ, чтобы не шумѣли и, освѣдомившись о положеніи больнаго, тотчасъ удалился. (Со словъ графа Д. Н. Шереметева и Т. В. Шлыковой).

Отъ княгини Репниной.

Князь Николай Васильевичъ поручилъ мнѣ доставить къ вашему сіятельству 50 бутылокъ сладкаго вина (vin de lunelle) для поднесенія Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ. Исполняя данное мнѣ порученіе, пребываю съ истиннымъ и должнымъ моимъ почтеніемъ вашего сіятельства покорная слуга княгиня Наталья Репнина.

22 Апрѣля 1798.

Къ Д. П. Трощинскому.

Милостивый государь мой Дмитрій Прокофьевичъ.

Благосклоннѣйшее расположеніе в. пр. подаетъ мнѣ смѣлость ввѣрить еще дружественному свѣдѣнію вашему обстоятельства, которыя изъ прилагаемой здѣсь записки усмотрѣть изволите.

Прибавки сверхъ получаемыхъ денегъ отъ стола и прочія требованія по комнатамъ питей и приборовъ начались еще съ самаго того времени, когда въ прошломъ году графъ Вѣльгорскій неожиданнымъ образомъ вступился въ распоряженія моей части, ибо до того времени держался я точно штатнаго положенія и никакъ изъ него не выходилъ. Когда же послѣ вступилъ я опять въ правленіе должности, то, нашедъ тѣ излишки, не могъ уже оные пресѣчь, чрезъ что̀ навлекъ бы я только совершенно на себя неудовольствіе всего двора; а что̀ и болѣе рѣшило меня оставить сіе въ такомъ положеніи, то ощутительный опытъ: ибо, когда я не выходилъ за границы штата, то получилъ не только неудовольствіе всѣхъ, но и высочайшее замѣчаніе, несоотвѣтственное моему ожиданію, было мнѣ весьма ощутительно. Почему покорнѣйше прошу не оставить меня дружескимъ замѣчаніемъ вашимъ, что̀ мнѣ въ таковыхъ обстоятельствахъ дѣлать: оставить ли какъ оное есть, или искать средства прекратить излишки и доводить въ прежнее положеніе? Я столько уже привыкъ чтить дружбу вашу, что основательнѣйшимъ правиломъ поставляю совѣтъ вашъ. Пребываю всегда съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію гр. Н. Ш.

Къ сему приложена записка «О нужныхъ къ замѣчанію частяхъ».

7 Мая 1798.

Отъ графини А. М. Матюшкиной.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Покорнѣйше прошу в. с. дать мнѣ свѣдѣніе, что какъ слѣдуетъ выдавать жалованья тѣмъ двумъ фрейлинамъ графинямъ Салтыковымъ, которыя въ Москвѣ, такъ же какъ и прежде сего, за всю треть года, или выдать имъ по разсчету по то самое число, по которое онѣ от-

пущены. И если имъ выдать по разсчету, то слѣдовательно на мѣсто ихъ, въ число двѣнадцати фрейлинъ, должны будутъ поступать старшія двѣ фрейлины. О чемъ и прошу в. с. взять на себя сей трудъ меня увѣдомить.

Ежели же я осмѣливаюсь трудить и безпокоить васъ моею просьбой, если вы не будете жить на своей дачѣ, то не отдадите ли мнѣ ее помѣсячно въ наймы, которую я бы охотно у васъ наняла, о чемъ такожъ покорно прошу в. с. меня увѣдомить. Впрочемъ пребуду в. с. милостиваго государя моего покорная услужница графиня Анна Матюшкина.

10 Мая 1798.

Отъ князя А. Б. Куракина.

Мая 11-го 1798 г.

Почитая всегда пріятнымъ исполнять желанія в. с., не оставилъ я приказать по письму вашему отъ 9-го Мая, которымъ ходатайствуете за игумена Устюжскаго Николаевскаго монастыря сдѣлать въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ выправку. Изъ приложенной у сего оной копіи усмотрите вы, что Коллегія ничего въ пользу его сдѣлать не можетъ, и долженъ онъ въ семъ случаѣ обратиться въ Св. Синодъ. Князь Александръ Куракинъ.

Къ митрополиту Платону.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь мой.

Находящаяся на Черкасскомъ моемъ огородѣ съ давняго времени деревянная церковь пришла уже въ совершенную ветхость, а при томъ бывшій при оной священникъ скончался, почему вся утварь, ризница и деньги находятся еще въ той церкви; а какъ между тѣмъ съ благословенія вашего высокопреосвященства строющаяся на томъ же мѣстѣ въ новозаводимомъ моемъ шпитальномъ корпусѣ церковь приходитъ уже къ окончанію, почему и осмѣливаюсь я трудить васъ, моего милостиваго архипастыря, всепокорнѣйшею просьбою приказать всю имѣющуюся въ томъ обвѣтшаломъ храмѣ утварь освидѣтельствовать и по описи препроводить въ сохраненіе дому моего приставниковъ или, по освидѣтельствованіи, запечатать въ томъ храмѣ. Когда же церковь будетъ совсѣмъ отдѣлана, дать благословеніе ваше на пренесеніе въ оную той утвари и ризницы въ дополненіе къ той, которую я отъ усердія своего содѣлаю, чѣмъ чувствительное мнѣ одолженіе явить изволите. Предая впрочемъ себя въ архипастырскія молитвы ваши, остаюсь съ искреннѣйшимъ почитаніемъ и совершенной преданностью.

Іюня 6-го дня 1798.

Отъ митрополита Платона

Сіятельнѣйшій графъ Николай Петровичъ, милостивый государь.

Относительно писанія вашего сіятельства я обѣщаюсь все ваше требованіе исполнить, только благоволите прислать формальное прошеніе, чтобы прежнюю приходскую Ксеніевскую церковь, яко ветхую, разобрать и перенести оную въ новостроющійся домъ съ оставленіемъ именоваться ей по прежнему приходскою и назначивъ пристойное содержаніе священнику съ двумя церковниками. Утварь же и ризницу описать и хранить, гдѣ пристойно, предоставлено разсужденію вашему. За симъ, при желаніи благословенія Божія, съ истиннымъ моимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя, усерднѣйшій богомолецъ и слуга Платонъ митрополитъ Московскій.

1798 г. Іюня 21-го дня. Виѳанія.

Въ прошеніи своемъ графъ Шереметевъ писалъ: «Изъ усердія своего состроилъ каменнаго зданія шпиталь, въ коемъ расположился содержать разнаго званія бѣдныхъ и увѣчныхъ людей на своемъ иждивеніи, и при томъ шпиталѣ желаю соорудить въ каменномъ же зданіи церковь, коя чтобъ была приходская».

Старая церковь въ с. Черкасскомъ Огородѣ, какъ говорится въ томъ же прошеніи, «имѣлась построенная изъ давнихъ лѣтъ... во имя Пресвятыя Троицы и пр. Св. Арх. Михаила и Преп. Ксеніи» (ангелы царя Михаила и Великой Старицы).

Отъ графа Віельгорскаго.

Милостивый государь графъ Николай Петровичъ.

Письмо вашего сіятельства имѣлъ я честь получить того же дня. Сожалѣю чрезвычайно, что вы нездоровы, зная при томъ совершенное ваше усердіе и безпокойство къ должности, спѣшу увѣдомить, что по пріѣздѣ моемъ нашелъ я все въ порядкѣ и хорошемъ расположеніи. Никто ничего по сіе время не требуетъ и кажутся всѣ быть довольными. Хотя господинъ капитанъ замка Чижовъ адресовался къ вашему сіятельству о доставленіи нѣкоторыхъ потребностей по камерцалмейстерской должности, но я не нахожу по сіе время ихъ нужными, какъ только можетъ быть къ будущему празднику потребны они будутъ, которой Государь Императоръ изволилъ отложить до 22-го числа сего мѣсяца, и время довольно еще имѣется. Ихъ Императорскія Величества довольно веселы, и ни въ чемъ не было у насъ остановки. Я очень желаю васъ видѣть, во-первыхъ, для пріуготовленія намъ къ приближающемуся празднику, а во-вторыхъ, собственно для надобности своей, ибо я намѣренъ былъ отлучиться въ городъ на нѣсколько дней; однако

прошу ваше сіятельство не безпокоиться: лучше я желаю васъ видѣть совершенно здоровымъ и веселымъ, нежели въ безпокойствіи прибыть къ намъ.

Пребывъ съ совершеннымъ и истиннымъ почтеніемъ и преданностью, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

графъ Віельгорскій.

Петергофъ, 9 Іюля 1798.

Къ князю Юсупову.

Милостивый государь мой князь Николай Борисовичъ.

Увѣренъ будучи въ благопріязненномъ ко мнѣ расположеніи вашего сіятельства, покорнѣйше прошу вручителю сего живописцу мосму Николаю Аргунову позволить имѣть входъ въ Эрмитажъ для скопированія картинъ; доставленное симъ мнѣ удовольствіе ваше послужитъ пріятною обязанностію при всякомъ случаѣ выполнять угодное волѣ вашего сіятельства мнѣ препорученное.

Имѣю честь пребыть съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и совершенною преданностію гр. Н. Ш.

10 Іюля 1798.

Къ духовнику.

Высокопочтенный отецъ духовникъ Исидоръ Петровичъ,
милостивый государь мой.

Весьма пріятнымъ бы почелъ я случай къ удостовѣренію васъ въ той готовности, съ какою всегда желаю вамъ служить; немало не помѣшкая бы опредѣлить къ Михайловскому дворцу представляемаго вами Насонова, если бы только не препятствовала мнѣ въ томъ самая невозможность, ибо Государь Императоръ на поднесенный отъ меня докладъ въ Мартѣ мѣсяцѣ сего года объ опредѣленіи нѣкоторыхъ служителей къ Михайловскому дворцу, высочайше предоставить соизволилъ собственной своей волѣ опредѣленіе и укомплектованіе по оному дворцу всѣхъ служителей, когда въ томъ впредь настоять будетъ надобность.

Сердечно сожалѣю, что не могу уже затѣмъ оказать вамъ сей малой услуги; прошу впрочемъ быть увѣрену о томъ истинномъ почтеніи и совершенной преданности, съ каковыми остаюсь всегда вашего высокопреподобія, милостиваго государя моего, гр. Н. Ш.

14 Іюля 1798.

Къ графинѣ Разумовской.

Милостивая государыня моя сестрица графиня Варвара Петровна.

Получилъ я послѣднее письмо ваше отъ 5-го сего Іюля, коимъ увѣдомляете о намѣреніи вашемъ имѣть подъ своимъ смотрѣніемъ человѣка, который бы могъ управлять всѣми дѣлами вашими и имѣніемъ. Если вы за лучшій способъ тотъ находите, то я на оное также согласенъ; но совѣтую вамъ, не входя въ дальныя хлопоты и не упуская должнаго, раздѣлаться съ оберъ-камергеромъ *), но при томъ самымъ деликатнѣйшимъ и пристойнымъ образомъ и такъ, что если бы въ иныхъ малыхъ обстоятельствахъ что́ было бы упущено, то дружески совѣтую сего почтеннаго старца не оскорблять. Почему и потребенъ къ сему дѣлу такой опытный человѣкъ, на котораго бы прямо положиться и вы могли и который, при знаніи дѣлъ, имѣлъ бы и свойства добраго, кроткаго и здравомыслящаго человѣка; а при томъ какія есть деньги въ наличности, можно принять вамъ и самимъ, какъ и бывшія у Ивана Ивановича Голохвастова 5.000 р., о которыхъ я слышалъ отъ Андреяна Андреяновича Лопухина, что были у него. Если вы совершенную пользу и спокойствіе въ томъ находите, то я никакъ вамъ не препятствую и, желая всякаго добраго въ томъ успѣха, увѣряю васъ чистосердечно, что я навсегда есмь съ искреннимъ къ вамъ расположеніемъ и дружелюбною преданностью вашъ вѣрный другъ и братъ гр. Н. Ш.

15 Іюля 1798.

Отъ графини В. П. Разумовской.

Милостивый государь мой братецъ графъ Николай Петровичъ.

Увѣдомилась я отъ большаго сына, служащаго въ Астраханскомъ гренадерскомъ полку полковникомъ, что онаго полку шефъ объявилъ ему и всѣмъ того полку офицерамъ въ готовности быть къ походу; когда же наслано будетъ повелѣніе, тогда выступить имъ въ 24 часа непремѣнно во всякой исправности. Сынъ же мой объяснилъ мнѣ, что онъ къ сему походу не въ готовности, какъ то: верховыхъ лошадей; дорожныхъ экипажей и палатки необходимо нужныхъ въ походѣ вещей не имѣетъ. Я, матерински соболѣзнуя о нечаянной моей съ нимъ разлукѣ и за его ко мнѣ отличную горячность, необходимостью поставила ассигновать къ пріуготовленію его 5.000 р. изъ оброчной суммы; но безъ вашего согласія и воли выдать ему не разсудила, о чемъ васъ покорнѣйше прошу на оное согласиться и съ

*) Княземъ А. М. Голицынымъ. П. Б.

первою почтой непремѣнно меня увѣдомить, дабы медлительною выдачею назначенныхъ мною денегъ не навлечь ему прискорбія, а по командѣ за неисправность строгаго взысканія. Въ ожиданіи сего съ моею къ вамъ искреннею дружбою и совершеннымъ усердіемъ навсегда пребуду вашъ вѣрный другъ и покорная ко услугамъ сестра графиня Варвара Разумовская.

22 Іюля 1798.

Отъ Платона Уварова.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Готовясь имѣть счастіе соединить судьбу мою съ ея сіятельствомъ княжной Елисаветой Петровной Волконской, пріятнѣйшимъ долгомъ почитаю рекомендовать себя въ милость вашу, прося васъ принять и содержать меня въ оной; я же съ моей стороны приложу всѣ мои старанія къ тому, чтобъ удостоиться благосклонности вашей и тѣмъ самымъ засвидѣтельствовать вамъ отличное мое къ особѣ вашей почтеніе, съ коимъ пребыть честь имѣю, милостивый государь мой, всепокорнѣйшій вашъ слуга Платонъ Уваровъ.

26 Августа 1798.

Отъ П. В. Лопухина.

Милостивый государь мой, графъ Николай Петровичъ.

Всеподданнѣйшее вашему сіятельству благодареніе за высочайшее посѣщеніе имѣлъ я честь представить Его Императорскому Величеству и нахожу истинное удовольствіе сообщить вамъ, милостивый государь мой, что оно съ благоволеніемъ удостоено всемилостивѣйшаго принятія.

Петръ Лопухинъ.

Октября 27 дня 1798.

Указъ нашему Сенату.

Двора нашего оберъ-гофмаршалу графу Шереметеву всемилостивѣйше повелѣваемъ быть оберъ-камергеромъ. Павелъ.

С.-Петербургъ,
Ноября 1-го дня 1798 г.

О своемъ назначеніи оберъ-камергеромъ такъ увѣдомлялъ онъ сестру свою: «Послѣ письма моего, пущеннаго передъ симъ, былъ я еще восхищенъ новыми знаками монаршаго ко мнѣ благоволенія и, зная сколько сія новость будетъ для васъ пріятна, спѣшу увѣдомить, что сего Ноября 19-го пожалованъ новымъ достоинствомъ, переименовавшимъ меня въ оберъ-камергеры, и я теперь, благодаря Бога, надѣюсь быть поспокойнѣе въ сравненіи тѣхъ трудовъ, какіе имѣлъ прежде».

*

Отъ А. Я. Протасова.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ благоугодно было меня увѣдомить, что ваше сіятельство, снисходя къ здѣшнему Воспитательному Дому, по сродному вамъ состраданію, дали повелѣніе въ Московскую домовую контору, на случай настоящаго недостатка въ кормилицахъ, уговорить изъ близъ лежащихъ къ Москвѣ вашихъ деревень. Но не могъ я также равнодушно слышать обѣщаніе отъ васъ награды тѣмъ, которыя дѣтей вскормятъ, сверхъ получаемой отъ Дома. Но какъ уже нѣкоторое къ тому время прошло и ни одной кормилицы изъ вашихъ вотчинъ не явилось, когда же я посылалъ въ нѣкоторыя, то охочихъ довольно было; а не смѣли на то пуститься безъ позволенія вашего главнаго управителя. Между тѣмъ погибаетъ у насъ много дѣтей, то и побуждаюсь симъ всепокорно ваше сіятельство просить о подтвержденіи въ здѣшнюю домовую контору о семъ человѣколюбивомъ вашемъ подвигѣ, ибо я увѣренъ о склонности вашей и готовности ко всякому добру.

Принимая участіе во всемъ до вашего сіятельства принадлежащемъ, искренно поздравляю съ высочайшимъ наименованіемъ оберъ-камергеромъ, находя съ своей стороны ваше сіятельство увѣдомить, что въ бывшее 28 Октября производство и я пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, ибо увѣренъ о всегдашнемъ вашемъ ко мнѣ расположеніи и дружбѣ, съ каковыми при совершеннѣйшемъ почтеніи на всегда пребуду, вашего сіятельства милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Александръ Протасовъ.

22 Ноября 1798 (Москва).

Отъ А. Ѳ. Малиновскаго.

Сіятельный графъ милостивый государь.

Ни одного случая къ изъявленію преданности моей в. с. пропустить не могу и, чувствуя обязанности мои къ особѣ вашей, всеусерднѣйше приношу поздравленіе мое съ полученною вами знаменитою въ государствѣ степенью оберъ-камергера.

Имѣю честь препроводить в. с. проповѣдь, говоренную батюшкою моимъ при вступленіи имъ въ новую должность, увѣренъ будучи, что, по благоволенію вашему, которымъ вы всегда соизволили удостоивать его, примете оную благосклонно.

Препоручая себя въ продолженіе вашего покровительства, въ честь вмѣняю себѣ быть на вѣкъ и пр. Алексѣй Малиновскій.

22 Ноября, 1798 г.

Къ Ростовскому архимандриту.

Высокопреподобный отецъ архимандритъ, милостивый государь мой.

Весьма пріятно для меня имѣть знакомство толь почтеннаго человѣка, который заступилъ мѣсто покойнаго отца Авраамія, къ коему привыкши питать въ чувствіяхъ души моей почтительнѣйшую дружбу, оставилъ и по кончинѣ его вѣчный для себя памятникъ; почему и прошу быть увѣрену, что я за удовольствіе поставляю пользоваться и вашимъ знакомствомъ, а притомъ и споспѣшествовать тѣмъ намѣреніямъ, которыя являете вы къ довершенію начатаго храма покойнымъ Авраамiемъ. Ничего столь я не желаю, какъ имѣть когда случай быть въ обители вашей и поклониться святымъ мощамъ угодника Димитрія и лично съ вами познакомиться; но не знаю, когда въ состояніи найдусь оное исполнить. Между тѣмъ же прошу быть увѣрену о истинномъ почтеніи, съ каковымъ остаюсь вашего высокопреподобія, милостиваго государя моего, покорный слуга гр. Н. Ш.

P. S. Послѣ покойнаго отца Авраамія остался у меня въ обители вашей отецъ Амфилохій, котораго благочестивое житіе и богомоліе совершенно заставили меня почитать и имѣть къ нему душевную привязанность. Я смѣю препоручить его вашему высокопреподобію какъ такого человѣка, въ коемъ принимаю я особенное участіе и прошу принять его въ благорасположеніе ваше.

27 Ноября 1798.

Къ П. И. Измайлову.

Милостивый государь мой Петръ Ивановичъ.

Пользуясь на самыхъ опытахъ благопріязненнымъ ко мнѣ расположеніемъ в. в., пріятнѣйшимъ случаемъ поставляю отъ искренняго сердца моего поздравить васъ съ наступившимъ новымъ годомъ и пожелать, да Всевышній благоволитъ, какъ сей, такъ и многіе послѣдующіе годы желаемымъ вами благоденствіемъ и вожделѣннымъ здравіемъ. Получа на сихъ дняхъ 12 картузовъ самаго лучшаго Англійскаго табаку и того сорту, котораго в. в. употреблять изволите, особеннымъ удовольствіемъ нахожу служить онымъ, который при семъ къ в. в. и доставляю съ усерднѣйшимъ желаніемъ, чтобъ оный былъ вамъ угоденъ. Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и т. д. Гр. Н. Шереметевъ.

P. S. Ея в-ву Аннѣ Васильевнѣ свидѣтельствую мое искреннее почтеніе и прошу, чтобы не лишала меня прежнихъ ея милостей. Если вамъ угодно на меня возложить какое порученіе, то съ охотою исполнить желаю.

3 Генваря 1799.

Къ А. Л. Нарышкину.

Милостивый государь мой Александръ Львовичъ.

Какъ небезъизвѣстно в. в., что Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить высокомонаршее благоволеніе назначеніемъ мнѣ будущей Пятницы для балу, почему и искалъ я удобнаго случая возъимѣть дерзновеніе всеподданнѣйше просить, чтобъ осчастливить меня высочайшимъ своимъ посѣщеніемъ; но обстоятельства и занятія освященной особы его сими днями удержали во мнѣ сіе стремленіе; почему, опасаясь пропустить время, осмѣливаюсь, въ надеждѣ на дружественное расположеніе ко мнѣ ваше, всепокорнѣйше просить повергнуть за меня сію дерзновенную просьбу къ стопамъ Его Императорскаго Величества, и когда буду я столько счастливъ, что удостоюсь таковой монаршей милости, не оставить меня предварительнымъ извѣщеніемъ вашимъ. Имѣю честь впрочемъ остаться и т. д. Гр. Ш.

21 Февраля 1799.

2 Марта 1799.

Письмо къ его сіятельству графу Ивану Петровичу Салтыкову, коимъ представляетъ находящагося въ службѣ при королевскомъ Прусскомъ дворѣ капельмейстера г на *Гюммел*", выѣхавшаго въ Россію на короткое время. А какъ сей человѣкъ одаренъ талантомъ въ разсужденіи сочиненія музыки, то и препоручаетъ его въ милостивое руководство.

Письмо отдано присланному отъ г-на Гюммеля человѣку того-же числа.

Къ А. Ѳ. Малиновскому.

Государь мой Алексѣй Ѳедоровичъ.

Съ отмѣнною пріятностью читаю всегда труды ваши; съ удовольствіемъ моимъ получилъ я и послѣднія двѣ комедіи переводу вашего. Но какъ обстоятельства уже перемѣнились и прилагаемыя копіи съ письма и высочайшаго указа совершенно могутъ вамъ сіе подтвердить, то хотѣлъ бы я только знать: нужно ли вамъ будетъ, чтобъ я препроводилъ присланныя ко мнѣ комедіи отъ себя къ А. Л. Нарышкину, что охотно приму я на себя по полученіи увѣдомленія вашего. Гр. Н. Ш.

8 Апрѣля 1799.

Къ графинѣ Кутайсовой.

Милостивая государыня моя графиня Анна Петровна.

Съ усерднѣйшимъ чувствіемъ совершеннаго соучастія честь имѣю поздравить в. с. съ полученіемъ толь знаменитаго достоинства, означающаго особливую высокомонаршую милость. Я не могу довольно

изъяснить вамъ той радости, которую ощущаю по всегдашней и нелицемѣрной къ вамъ привязанности моей и, желая при сей новой степени всякаго вамъ благополучія, съ истиннымъ почитаніемъ и совершенной преданностью остаюсь навсегда, м. г. моя, в. с. пок. слуга

гр. Николай Шереметевъ.

Для доставленія взялъ князь Гаврила Петровичъ Гагаринъ.

1 Мая 1799 г.

Домовой моей канцеляріи.

3 Іюня 1799.

По копіи, доставленной ко мнѣ съ рапорта села Прудовъ отъ прикащика Седраха Балагаева о крестьянахъ въ с. Прудахъ и Красномъ, пришедшихъ въ несостояніе платить государственныя подати, ни мало не медля, доложить всѣ обстоятельства подробно, отчего именно пришли они въ такой упадокъ и несостояніе и какой способъ можно придумать для поправленія состоянія ихъ на предбудущее время и какое мнѣніе, доставить ко мнѣ немедленно. А между тѣмъ подлежащія казенныя подати велѣть взнесть, сколько оныхъ недостаетъ въ с. Прудахъ и Красномъ, хотя изъ моихъ доходовъ, какъ и резолюціею канцеляріи моей Мая отъ 24 дня заключено; и если въ Прудскомъ вотчинномъ правленіи въ наличности суммы не окажется, то нужное число дополнить хотя изъ наличныхъ суммъ въ Московской канцеляріи находящихся. Гр. Ш.

Архіепископу Ростовскому и Ярославскому.

10 Іюня 1799.

Высокопреосвященнѣйшій владыко милостивый государь мой!

Неоднократныя просьбы Вощажниковской вотчины моей села Вѣсковъ крестьянъ, которые отъ всего міру неотступно просятъ меня о испрошеніи защиты и покровительства вашего высокопреосвященства отъ притѣсненій и разныхъ обидъ, наносимыхъ имъ отъ тамошняго священника Димитрія Иванова, дьякона и пономаря, которые по общему между собою согласію доводили вражды свои до того, что приносили жалобы на крестьянъ моихъ Земскому Суду, который по обслѣдованіи на мѣстѣ не нашелъ однакоже въ нихъ никакой справедливости. Таковыя распри между крестьянъ моихъ и священно и церковнослужителями, нанося безпрестанное почти безпокойство всему тамошнему селенію, понуждаютъ меня покорнѣйше просить в. в. о перемѣнѣ того священника съ показаннымъ причтомъ другими спокойными и добрыми людями, коимъ не упущу и я съ своей стороны доставить все, что́ только къ спокойному ихъ пребыванію нужно быть можетъ.

Какъ нынѣ и каменная церковь въ томъ селѣ стараніемъ крестьянъ моихъ и способствомъ моимъ пришла уже въ отдѣлку, и желаніе ихъ есть освятить оную во имя Николая Чудотворца, старую же деревянную, пришедшую въ ветхость, церковь упразднить и антиминсъ со всею церковною утварью перенести въ ту каменную церковь, почему покорнѣйше испрашивая на сіе благословенія вашего, приму оное съ истинною благодарностью и не престану чувствовать толь одолжительнаго ко мнѣ благорасположенія вашего. А затѣмъ, препоручая себя въ священныя молитвы ваши, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю остаться навсегда гр. Ш.

Къ графу Салтыкову.

Милостивый государь графъ Николай Ивановичъ.

Высочайшія милости ко мнѣ Его Императорскаго Величества съ самаго моего младенчества и умноженіе оныхъ съ восшествіемъ на блистательный престолъ Россіи, когда благоугодно было меня приблизить къ священной его особѣ, какъ источнику верховнаго моего блага, и возложить на меня священный орденъ Іоанна Іерусалимскаго, котораго знаки имѣлъ счастіе носить и дѣдъ мой графъ Шереметевъ, какъ первый кавалеръ Россіи; все сіе поселило въ душѣ моей неизгладимую благодарность изъявить чувствованія мои. Но и самое пламенное усердіе не имѣло по сіе время счастія достигнуть своей цѣли.

Графъ Н. П. Шереметевъ, во изъявленіе всеглубочайшей благодарности за всѣ милости, коими онъ облагодѣтельствованъ Его Императорскимъ Величествомъ во всѣ времена, а паче при восшествіи его на престолъ, желая содѣйствовать, поелику способы вѣрноподданнаго то позволяютъ, человѣколюбивымъ взглядамъ Августѣйшаго Монарха и дабы основать на всѣ грядущія времена памятникъ благоговѣнія своего къ ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго, къ коему дѣдъ его фельдмаршалъ графъ Борисъ Шереметевъ, конечно, первый изъ Россійскихъ дворянъ, достигшихъ таковой почести, въ 1698 году наизнаменитѣйшимъ образомъ причисленъ былъ, установляетъ навсегда въ пользу воспитанниковъ Императорскаго Военнаго Сиротскаго Дома два командорства подъ наименованіемъ командорствъ Военнаго Сиротскаго Дома. Подписалъ «учредитель графъ Шереметевъ».

«Какъ именнымъ Е. И. В. высочайшимъ указомъ 1798 Декабря въ 21 день всемилостивѣйше дозволено мнѣ учредить командорство Jus Patronatus моего имени, то этого самаго числа должно взноситься въ учрежденный капитулъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго и доходу назначенной мной деревни не менѣе 3.000 рублей».

Возстановленіе Св. ордена Іоанна Іерусалимскаго и сверхъ того приведеніе въ блестящее состояніе Сиротскаго Дома, какъ плода добродѣтельной души его зиждителя, подаютъ мнѣ лестный случай къ изъявленію чувствованій души моей; а по сему и осмѣливаюсь покорнѣйше просить в. с. о исходатайствованіи высочайшаго повелѣнія, дабы я могъ установить въ пользу государственныхъ воспитанниковъ, сверхъ фамильнаго моего Jus patronatus, опредѣляя на сіе 500 душъ не такъ, какъ знакъ благодарныхъ чувствъ къ высочайшей особѣ, на которое въ сравненіи съ его милостями все существо мое было бы недостаточно, но такъ какъ единственное желаніе хотя мало способствовать благотворнымъ его видамъ. Намѣреніе мое въ установленіи сего командорства состоитъ въ томъ, чтобы оно, по смерти командора, не переходило на потомство, но обращалось на другихъ, какъ слѣдствіе награды тѣмъ, которые мужествомъ и добродѣтелью достигли цѣлей, предположенныхъ Его Императорскимъ Величествомъ. Что же касается до наименованія сего командорства, то я оное, равно какъ и выборъ командора, осмѣливаюсь предоставить высочайшему благоизволенію.

При семъ случаѣ покорнѣйше прошу в. с., повергнувъ меня предъ священною особою Его Императорскаго Величества, изобразить тѣ чувствованія, которыя имѣю счастіе питать въ душѣ моей, пребывая къ вамъ съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностью. Гр. Ш.

5 Іюля 1799.

Отъ Тихвинскаго архимандрита Герасима.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь и благодѣтель.

Извѣщенъ будучи отъ Дымскаго отца строителя іеромонаха о оказанной в. с. къ той бѣдной обители милости, побуждаемый не какимъ либо предполагаемымъ пристрастіемъ, но сердечною признательностью къ добротамъ души вашей, спѣшу принесть за то в. с. усерднѣйшую мою благодарность, моля отъ всего помышленія моего Господа, да воздастъ вамъ за сіе милостью Своею и да сотворитъ, чтобъ сколь милосердное къ человѣчеству, толико и благочестивое сердце ваше рѣшилось въ благословенномъ и во всемъ отечествѣ нашемъ любимомъ домѣ вашемъ при Его всемощномъ содѣйствіи оставить подобныхъ вамъ во всемъ отраслей..... Вотъ, сіятельнѣйшій графъ, о чемъ моя усерднѣйшая, да думаю и многихъ, просьба первая; а вторая—если я симъ прогнѣвляю васъ, то прошу о прощеніи. Но душа моя желаетъ, да всеблагій Господь услышитъ первую, также и вы. А при семъ съ истиннымъ особы вашей почитаніемъ имѣю пребыть навсегда в. с. милостиваго государя и благодѣтеля усерднѣйшій послушникъ и богомолецъ Тихвинскій архимандритъ Герасимъ.

26 Іюля 1799.

Къ А. Л. Нарышкину.

27 Сентября 1799.

Совершенное удостовѣреніе мое въ справедливости, отдаваемой в. в. заслугамъ, а притомъ и благопріязненное расположеніе ваше ко мнѣ ободрять меня обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою о дансёрѣ Гульельми. Въ теченіе 13 лѣтъ служенія умножившееся семейство его, а съ другой стороны возвышеніе цѣнъ на всѣ жизненные припасы столько затруднили его состояніе, что весьма недостаточно теперь для безнужнаго продовольствія получаемое имъ жалованье.

Удостойте, милостивый государь мой, обратить ваше вниманіе на его обстоятельства и долговременную службу и не откажите ему въ человѣколюбивомъ пособіи прибавкою жалованья въ сравненіи съ товарищами, получившими таковое награжденіе. Милость ваша къ нему крайне чувствительна для меня будетъ, сколько по моему въ немъ искренному участію, столько же и потому, что она будетъ новымъ знакомъ благосклонности вашей къ моему ходатайству. Гр. Ш.

Отъ Николая Владимировича Шереметева.

Милостивый государь дядюшка, графъ Николай Петровичъ.

Знавъ, что гроздіе вареное изъ сада моего в. с. жалуете кушать, то, лучшее изъ онаго собравъ и приготовя такъ, какъ и прежде, при семъ съ камердинеромъ вашимъ Николаемъ Никитичемъ посылаю и желаю кушать на здоровье. А за симъ всепокорнѣйше прошу не оставить милостивыми вашими мнѣ письмами, ибо въ теченіе болѣзни моей ничто другое столь много меня не утѣшаетъ, какъ то, когда буду видѣть изъ писемъ вашихъ, что вы, милостивый государь, находитесь въ добромъ здравіи и въ желаемомъ благополучіи и что я въ незабвенной милости вашей ко мнѣ и донынѣ нахожусь; и симъ конча, пребуду навсегда съ достодолжнымъ вамъ моимъ высокопочитаніемъ и преданностію, какъ и есмь, м. г. мой, в. с. всепокорный слуга

Николай Шереметевъ.

3 Октября 1799.

Къ зятю своему графу А. К. Разумовскому.

Милостивый государь мой графъ Алексѣй Кирилловичъ.

Спѣшу сообщить пріятную вамъ новость, что Государь Императоръ пожаловать изволилъ сына вашего, а моего племянника, графа Кирилу Алексѣевича въ дѣйствительные камергеры, съ чѣмъ васъ поздравляю и думаю, что оное и вамъ немалое сдѣлаетъ удовольствіе. А при томъ покорнѣйше прошу, не помѣшкавъ, его прислать въ Пе-

тербургъ для отправленія своей должности. О семъ снесшись мы единомысленно и съ Николаемъ Александровичемъ Загряжскимъ и положили васъ о семъ просить и увѣрены, что вы согласны будете съ нами и въ скоромъ времени его отпустите. Я же, пользуясь симъ случаемъ, могу увѣрить о томъ совершенномъ почтеніи и преданности, съ которыми навсегда пребыть честь имѣю. Гр. Ш.

19 Октября 1799.

Отъ зятя его графа А. К. Разумовскаго.

Милостивый государь мой графъ Николай Петровичъ.

Въ самое то время, когда получилъ я пріятнѣйшій отзывъ в. с. на письмо мое къ вамъ касательно покупки дому нашего*), столь сильно вдругъ занемогъ, что къ крайнему прискорбію моему никакъ не въ силахъ былъ приняться за перо. Послѣ того дошло ко мнѣ другое ваше письмо отъ 18-го Октября, увѣдомляющее о пожалованіи сына моего камергеромъ, и сіе отъ васъ пріятное извѣщеніе принялъ я за искреннѣйшій знакъ благосклоннаго и дружественнаго вашего ко мнѣ расположенія, котораго всю цѣну чувствуя преисполненнымъ къ вамъ чистосердечною преданностью сердцемъ, чувствительнѣйшую благодарность приношу. Послѣдуя совѣту в. с., не замедлю я отправленіемъ моего сына въ Петербургъ, сколь ни тягостенъ нынѣшній путь и сколь ни нужно бы мнѣ его продержать здѣсь для снабденія всѣмъ тѣмъ, что́ имѣть должно къ представленію его ко двору; ибо, не предвидя случившагося нынѣ, не могъ я ничего того исполнить; да и надобности не имѣлъ онъ ни въ чемъ, не обращаясь еще въ свѣтѣ. Однако чего сдѣлать не успѣю, то до Петербурга оставлю, гдѣ буду просить васъ промедлить нѣсколько представленіемъ его ко двору. Между тѣмъ, рекомендуя его въ вашу милость, всепокорно прошу не отказать ему въ вашемъ покровительствѣ и по отдаленности моей дозволить ему почитать васъ не какъ дядю роднаго, но какъ отца. По молодости лѣтъ его, по неопытности и по вѣтренности съ тѣмъ сопряженной имѣю я довольно причинъ опасаться худыхъ слѣдствій таковаго расположенія; но ободряетъ меня при томъ мысль та, что, по дружескому вашему расположенію къ отцу, не оставите покровительствовать и сыну.

Обращаюсь теперь къ другой матеріи и отвѣчаю на послѣднее письмо ваше, вчера мною полученное. Вы изволите увѣдомлять меня о томъ, что рѣшились купить домъ нашъ на кондиціяхъ, мною вамъ

*) Это Шереметевскій домъ въ Москвѣ на Воздвиженкѣ, гдѣ долго помѣщалась Городская Дума. П. Б.

предложенныхъ, и желаете быть увѣдомлены о подтвердительномъ ко мнѣ отвѣтѣ отъ батюшки; почему и имѣю честь увѣдомить васъ, что я оный получилъ и что онъ согласенъ на все, мною вамъ представленное, о чемъ не преминулъ бы я уже къ вамъ написать, еслибы болѣзнь моя въ томъ не воспрепятствовала. И такъ отъ васъ единственно зависѣть будетъ довершить дѣло, когда только угодно. Если же рѣшиться на то изволите въ непродолжительномъ времени, то останется мнѣ только просить у васъ дозволенія пробыть въ домѣ на нѣкоторое время, пока найду нанять или купить другой, куда бы мнѣ переѣхать, что̀ буду стараться исполнить сколь возможно скорѣе.

Къ графу И. П. Салтыкову, Московскому военному губернатору.

Милостивый государь дядюшка графъ Иванъ Петровичъ.

Получа почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 4-го сего Ноября съ благосклоннымъ увѣдомленіемъ въ пособіяхъ, каковыя угодно было оказать по дѣлу Булатова, и лестнымъ при томъ для меня изъясненіемъ о неоставленіи помощію вашею впредъ въ подобныхъ дѣлахъ, долгомъ поставляю я спѣшить къ принесенію вамъ искреннѣйшей благодарности моей, чувство коей не въ силахъ я довольно описать. Слышалъ я между тѣмъ, что в. с. изволили быть въ сосѣдствѣ Останкина съ охотою и что изволили поберечь моихъ зайцовъ. Оное конечно принимаю я во всей цѣнѣ благопріятнѣйшаго ко мнѣ расположенія вашего, которое стараюсь я всегда заслуживать моею усерднѣйшею и родственническою привязанностью, какъ къ вамъ, такъ и къ милостивой государынѣ тетушкѣ графинѣ Дарьѣ Петровнѣ; но признаться долженъ, что я ихъ всегда сберегаю для себя. Однакожъ ежели могло бы сіе принести в. с. хотя малое удовольствіе, то совершенно отдаюсь я въ томъ на волю вашу, соотвѣтствуя истинному почтенію и непремѣнной преданности, съ каковыми навсегда за честь поставлю остаться. Гр. Ш.

P. S. Село же Троицкое, которое также недалеко отъ Москвы, предоставляю въ полную волю в. с. ѣздить съ охотою и веселиться сколько угодно, окружныя дачи коего рекомендую особенно, ибо въ нихъ зайцовъ всегда бываетъ много.

11 Ноября 1799.

Отъ князя П. В. Урусова.

Сіятельнѣйшій графъ милостивый государь.

Въ теченіе шестаго мѣсяца горестнаго моего положенія, вчерась первый день ощутилъ я отмѣнное удовольствіе, удостоясь получить письмо в. с., милостиваго государя, и удостовѣреніе вашей ко мнѣ ми-

лости, за что́ приношу мою всенижайшую благодарность. Надѣюсь, что Николай Бемовъ *) доносилъ в. с., который у меня былъ наканунѣ своего отъѣзда въ Петербургъ, какъ мы съ нимъ вмѣстѣ поплакали: я о лишеніи своей княгини, которая меня оставила съ бѣдной моей дочерью и двумя сыновьями въ дряхлости и въ совершенной нищетѣ; а онъ сердешной—о потерѣ своего сына въ крайнемъ огорченіи остался. Но власть Всемогущаго Творца! Что́ Ему угодно, должно безъ роптанія сносить. Я же по несчастію третій мѣсяцъ страдаю отъ жестокой боли въ ногѣ и въ поясницѣ, гдѣ приложилъ по совѣту г-на Фреза пластырь изъ Бургонской смолы; но очень слабая помощь. Вашему же сіятельству, милостивому государю, сердечно желаю совершеннаго здоровья и могу увѣрить, что никто столько не желаетъ вамъ благополучія, какъ тотъ, который навсегда пребудетъ съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію с. гр., м. г. в. с. всениж. и всепок. слуга князь Петръ Урусовъ.

14 Ноября 1799.

Къ сестрѣ своей графинѣ В. П. Разумовской.

Милостивая государыня моя графиня Варвара Петровна.

Принося вамъ искреннѣйшую благодарность мою за поздравленіе съ новымъ годомъ, душевно желаю и вамъ препроводить оной во всякомъ благополучіи и при добромъ здравіи достигнуть многихъ послѣдующихъ. А при томъ имѣю вамъ сказать: съ сердечнымъ удовольствіемъ, слѣдуя долгу родства, принимаю участіе во всемъ, что́ до сына вашего, теперь здѣсь находящагося, принадлежитъ. Почитая весьма основательнымъ замѣчанія, сдѣланныя на счетъ его графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ, чистосердечно даю вамъ мой совѣтъ: не отступая отъ нихъ, дѣлать ему по временамъ нужное вспоможеніе ваше, ибо неизвѣстность ожидаемаго пособія въ деньгахъ конечно молодому человѣку полезна и весьма нужна къ обузданію тѣхъ излишностей, каковыя обыкновенно молодостью бываютъ вперяемы. Я во всякое время долгомъ почту отъ искренности сердца моего преподавать ему мои совѣты и сердечно буду радъ, когда увижу, что они для него будутъ пріятны.

30 Декабря 1799.

Рескриптъ Государя.

Господинъ оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ. Соизволяю на желаніе его величества короля Французскаго удостоить васъ орденомъ Святаго Лазаря. Препровождая при семъ знаки онаго, повелѣваю вамъ оный возложить на себя. Пребываемъ къ вамъ благосклонный Павелъ.

С.-Петербургъ, Февраля 19 дня 1800.

*) Камердинеръ графа Николая Петровича.

Вслѣдъ за тѣмъ помѣты:

«Выдать управителю Петру Петрову для отдачи подкамердинеру Его Императорскаго Величества за наколоніе звѣзды при пожалованіи ордена Св. Лазаря денегъ 200 рублей».

«Выдать двумъ придворнымъ ординарцамъ и двумъ поверстнымъ, разносившимъ билеты для зову на балъ и ужинъ гостей къ 18-му числу— 200 рублей».

A monsieur le comte de Rostopchine, à Gatchina.

Monsieur le comte.

J'ai l'honneur d'informer votre excellence que, conformement à ses désirs, j'ai fait remettre aujourd'hui à son écuyer le cheval que je lui ai cédé, l'assurant que, loin de m'en être fait une privation, je suis, au contraire, très charmé d'avoir pu lui rendre ce léger service, et souhaite de tout mon coeur que ce cheval puisse lui convenir et lui procurer toute la satisfaction qu'elle en attend. J'ai l'honneur d'être etc.

St.-Pétersbourg, le 1 Septembre 1800.

Къ графу И. П. Кутайсову.

Милостивый государь мой графъ Иванъ Павловичъ.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ первымъ долгомъ почелъ я узнать, какое сдѣлано исполненіе въ разсужденіи пажа Голенищева-Кутузова, почему и поспѣшаю в. с. извѣстить, что отъ меня въ тоже время, какъ только получено высочайшее повелѣніе, и предписано директору пажей сдѣлать исполненіе. А какъ Голенищевъ-Кутузовъ опредѣленъ въ пажи сверхъ комплекта, почему если онъ не получаетъ штатныхъ продовольствій, то какъ вся сумма находится въ придворной канцеляріи, то по полученіи оной въ Пажескій корпусъ ни малѣйше не помедлю и я къ доставленію Голенищеву-Кутузову, поставляя всякій случай пріятнымъ свидѣтельствовать истинное почтеніе и совершенную преданность, съ коими честь имѣю остаться гр. Ш.

19 Сентября 1800.

Къ графу А. С. Шереметеву.

Милостивый государь мой графъ Алексѣй Сергѣевичъ.

Княгиня Варвара Алексѣевна Касаткина-Ростовская просила меня о снабженіи ея парою лошадокъ; почему, желая по родству ее снабдить, прошу васъ выбрать изъ заводскихъ, не очень молодыхъ, но и не старыхъ, доброѣзжихъ пару и смирныхъ лошадей и приказать къ ней отъ меня доставить, пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ. Гр. Н. Ш.

30 Декабря 1800.

Къ графу Ростопчину.

Милостивый государь мой графъ Ѳедоръ Васильевичъ.

Извѣстное расположеніе къ благодѣяніямъ, оказываемое в. с. ко всѣмъ, ищущимъ помощи вашей, а при томъ сердечное участіе, пріемлемое мною въ подателѣ сего письма г-нѣ Реметевѣ *), позволяетъ мнѣ смѣлость безпокоить в. с. и еще всепокорнѣйшею просьбою моей, которая состоитъ въ томъ, чтобы, при нынѣшнемъ штатномъ размѣщеніи чиновниковъ, не лишить и его счастія продолжать службу свою подъ высокимъ начальствомъ вашимъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Чѣмъ не только оказать изволите ему совершенную милость, но и мнѣ собственно толь чувствительное одолженіе доставите, которое запечатлѣетъ въ душѣ моей безконечную признательность при истинномъ почитаніи и совершеннѣйшей преданности, съ каковыми честь имѣю пребыть гр. Ш.

11 Генваря 1801.

Къ князю П. В. Урусову.

Милостивый государь мой князь Петръ Васильевичъ.

Зная, сколько вы всегда любили покровительствовать нѣжности сего свѣта и потому отдавая вамъ справедливость во вкусѣ и выборѣ, пріятнымъ случаемъ почелъ рекомендовать в. с. отправляющагося изъ С.-Петербурга въ Москву торговца деликатностей Сибена и Comp., который, сверхъ многихъ новѣйшихъ модныхъ товаровъ, изобилуетъ самыми лучшими ароматными снарядами, коихъ пріятный запахъ предвѣщаетъ уже издалека въ улицѣ жилище его. Я прошу васъ принять его въ руководство вамъ и быть увѣрену о совершенномъ почтеніи и непремѣнной привязанности, съ которыми навсегда остаюсь гр. Ш.

4 Февраля 1801.

---

*) Яковъ Петровичъ *Реметевъ*, побочный братъ графа Николая Петровича; донынѣ здравствуетъ въ Орлѣ его внукъ, Александръ Петровичъ Реметевъ, сынъ Петра Яковлевича.

ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ ДМИТРІЕВИЧА БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

Краткое описаніе происшествіямъ въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году.

Вступленіе.

Прежде нежели приступлю къ описанію происшествій въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи, въ какомъ находилась Москва съ 1-го Января 1812 года, то-есть, о бывшихъ въ это время начальникахъ въ ней, и о себѣ самомъ, какъ о человѣкѣ, игравшемъ нѣкоторую роль во время пребыванія въ ней непріятеля, и показать причины, почему я остался въ его власти.

Въ началѣ 1812 года былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ генералъ-фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ; гражданскимъ губернаторомъ Николай Васильевичъ Обрѣзковъ, оберъ-полицеймейстеромъ Петръ Алексѣевичъ Ивашкинъ, а полицеймейстерами Александръ Александровичъ Волковъ и Егоръ Александровичъ Дурасовъ (что̀ нынѣ сенаторъ). Съ 1806 года я жилъ постоянно въ Москвѣ, числясь при Герольдіи для опредѣленія къ дѣламъ.

Съ половины еще 1811 года стали поговаривать въ Москвѣ о разрывѣ мира, который заключенъ былъ въ 1807 году съ Французами въ Тильзитѣ; однакожъ ничего не было примѣтно, и все оставалось спокойно; напротивъ, еще въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ вѣдомостяхъ величали Наполеона великимъ. Я часто ходилъ въ Греческія гостиницы читать иностранныя газеты, и хотя изъ многихъ листовъ видѣлъ, что что-то не ладно между нами и Французами, но все это большаго вѣроятія не заслуживало; потому что газеты иностранныя часто наполняются всякими неосновательными слухами, единственно для того, чтобы только что нибудь печатать. Но когда многіе листы иностранныхъ вѣдомостей были задерживаемы, то стали догадываться, что что нибудь да есть, а движеніе войскъ нашихъ, которыя отвсюду

стремились къ западнымъ границамъ, дѣлали догадки вѣроятными. Въ концѣ же 1811 года явно уже говорили, что съ Французами будетъ война, и война жестокая. Однакожъ 1812 годъ начался весьма спокойно и, благодаря Бога, Москва ничѣмъ возмущена не была: масляницу провели очень весело, не подозрѣвая никакихъ опасностей, и не думали даже о нихъ.

Такъ какъ статсъ-секретарь Петръ Сепановичъ Молчановъ еще въ прошедшемъ 1811 году объявилъ бывшему тогда министромъ юстиціи Ивану Ивановичу Дмитріеву, что Его Императорское Величество высочайше повелѣть изволилъ опредѣлить меня къ должности, то, въ слѣдствіе сего высочайшаго повелѣнія, въ половинѣ Февраля мѣсяца 1812 года, директоръ Департамента Юстиціи, графъ Сергій Петровичъ Салтыковъ увѣдомилъ меня письмомъ, что открылась вакансія въ губернскомъ городѣ Вологдѣ губернскаго стряпчаго, и предлагалъ мнѣ это мѣсто, но я отъ него отказался.

Въ концѣ Марта мѣсяца я опять получаю письмо отъ директора Департамента Юстиціи, графа Салтыкова, въ которомъ онъ увѣдомилъ меня, что открылась вакансія въ Москвѣ въ Вотчинномъ Департаментѣ, и я охотно принялъ оное.

По изъявленіи моего согласія на принятіе службы въ Вотчинномъ Департаментѣ, 2-го Маія, указомъ Правительствующаго Сената, я опредѣленъ вторымъ членомъ, а 20 тогожъ Маія, присягнувъ на службу, вступилъ въ отправленіе моей должности.

Мѣсто, которое я занялъ въ Вотчинномъ Департаментѣ, принадлежало до сего колежскому ассессору Дмитрію Ивановичу Дмитріеву (родному братцу бывшаго тогда министромъ юстиціи Ивана Ивановича Дмитріева). Сей Дмитрій Ивановичъ Дмитріевъ, мѣсто котораго я занялъ, вступилъ въ Вотчинной Департаментъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1811 года изъ отставныхъ маіоровъ, а въ Мартѣ мѣсяцѣ 1812 года, по представленію министра юстиціи, роднаго своего братца, за отличное служеніе пожалованъ въ надворные совѣтники и посаженъ въ Сенатъ за оберъ-прокурорской столъ съ жалованьемъ по тысячѣ рублей въ годъ. Такимъ образомъ сіе мѣсто и очистилось для меня. Провидѣніе избрало меня, чтобъ сохранить архиву сего Департамента отъ совершеннаго истребленія оной непріятелемъ. Сія архива необходима для общаго спокойствія.

Вотчинной Департаментъ съ его четырью архивами находился, какъ и нынѣ находится, въ 3-мъ этажѣ Сенатскаго зданія, что́ въ Кремлѣ, и имѣетъ изъ оконъ своихъ видъ въ три стороны города.

Присутствующими въ Вотчинномъ Департаментѣ были: 1-й членъ или предсѣдатель онаго, г. статскій совѣтникъ Адріанъ Ѳедоровичъ Аничковъ, имѣвшій тогда около 70 лѣтъ, если не болѣе; 2-й членъ былъ я; 3-й членъ былъ надворный совѣтникъ Матвѣй Кузьмичъ Ивановъ, изъ приказнослужителей сего департамента, имѣвшій тогда болѣе 75 лѣтъ, и въ личномъ его вѣдѣніи были деньги, принадлежавшія департаменту. Вотчинной Департаментъ, по производству дѣлъ своихъ, состоялъ подъ непосредственнымъ главнымъ надзоромъ Правительствующаго Сената г. оберъ-прокурора, графа Матвѣя Александровича Дмитріева-Мамонова. При департаментѣ служили: экзекуторъ, четыре секретаря, да 138 чиновниковъ и приказнослужителей; караулъ состоялъ изъ инвалидовъ, которыхъ департаментъ нанималъ.

Происшествія въ столицѣ Москвѣ до вторженія въ оную непріятеля.

Маія 15 дня. По прошенію главнокомандовавшаго въ Москвѣ, генералъ-фельдмаршала графа Гудовича, Государь Императоръ всемилостивѣйше дозволилъ ему сложить съ себя званіе сіе, для поправленія разстроеннаго его здоровья.

Маія 29 дня. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и двора Его Императорскаго Величества оберъ-камергеръ, графъ Растопчинъ всемилостивѣйше переименовывается въ генералы отъ инфантеріи и назначается военнымъ губернаторомъ въ Москву.

Я не имѣлъ чести знать лично графа Гудовича, не видывавъ его никогда, но въ достоинствахъ его нисколько не могъ сомнѣваться: ибо онъ и въ царствованіе Великія Екатерины занималъ важныя мѣста, а потому заслуги его должны быть извѣстны Отечеству; но графа Растопчина я очень хорошо зналъ по многимъ отношеніямъ, а особливо по несправедливому поступку его съ пріятелемъ моимъ, Петромъ Петровичемъ Дубровскимъ, который 25 лѣтъ находился внѣ предѣловъ Отечества при разныхъ посольствахъ и служилъ всегда съ честью и похвалою *). Графъ Растопчинъ не зналъ даже лица его, но при вступленіи въ званіе вице-канцлера, въ царствованіе императора Павла I-го, исключилъ его Дубровскаго изъ службы, единственно по тому, что онъ не былъ никому знакомъ изъ приближенныхъ къ графу, и такою несправедливостью ввергнулъ его въ самое затруднительное положеніе возвратиться въ отечество; и потомъ, когда онъ, Дубровскій кое-какъ возвратился и явился къ нему Растопчину, онъ оболгалъ его предъ

*) Этотъ Дубровскій привезъ въ Россію изъ Франціи много историческихъ рукописей. П. Б.

Государемъ, и Дубровскій высланъ былъ изъ С.-Петербурга. Признаюсь откровенно: лишь только я узналъ о сей перемѣнѣ начальства, сердце облилось у меня кровью, какъ будто я ожидалъ чего-то очень непріятнаго.

Іюня 15 дня напечатанъ былъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», № 50, высочайшій рескриптъ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта, генералъ фельдмаршала, графа Николая Ивановича Салтыкова, коимъ Государь Императоръ увѣдомляетъ, что Французскія войска вошли въ предѣлы нашей Россійской Имперіи. Рескриптъ сей служилъ объявленіемъ войны съ Французами, и съ 54 номера сихъ же «Московскихъ Вѣдомостей» начали печатать извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ.

Іюля 3 дня выдано въ Москвѣ слѣдующее печатное объявленіе:

«Московской военной губернаторъ, графъ Растопчинъ, симъ извѣщаетъ, что въ Москвѣ показалась дерзкая бумага, гдѣ, между прочимъ вздоромъ, сказано, что Французской императоръ Наполеонъ обѣщается чрезъ шесть мѣсяцовъ быть въ обѣихъ Россійскихъ столицахъ. Въ 14 часовъ полиція отыскала и сочинителя, и отъ кого вышла бумага. Онъ есть сынъ Московскаго второй гильдіи купца Верещагина, воспитанный иностранцемъ и развращенный трактирною бесѣдою. Графъ Растопчинъ признаетъ нужнымъ обнародовать о семъ, полагая возможнымъ, что списки сего мерзкаго сочиненія могли дойти до свѣдѣнія и легковѣрныхъ, и наклонныхъ вѣрить невозможному. Верещагинъ же сочинитель и губернской секретарь Мѣшковъ, переписщикъ ихъ, преданы суду и получатъ должное наказаніе за ихъ преступленіе».

Я нужнымъ поставлю приложить при семъ точныя копіи съ сихъ двухъ дерзкихъ бумагъ.

1.

«Письмо Наполеона къ Прусскому королю.

Ваше величество! Краткость времени не позволила мнѣ извѣстить васъ о послѣдовавшемъ занятіи вашихъ областей. Я для соблюденія порядка опредѣлилъ въ нихъ моего принца; будьте увѣрены, ваше величество, въ моихъ къ вамъ искреннихъ чувствованіяхъ дружбы. Очень радуюсь, что вы, какъ курфирстъ Бранденбургской, заглаживаете недостойной вашъ союзъ съ потомками Чингизъ-Хана желаніемъ присоединиться къ огромной массѣ Рейнской монархіи. Мой статсъ-секретарь пространно объявитъ вамъ мою волю и желаніе, которое, надѣюсь, вы съ великимъ рвеніемъ исполните. Дѣла моихъ ополченій зовутъ теперь меня въ мой воинскій станъ. Пребываю вамъ благосклонный Наполеонъ».

2.

«Рѣчь, произнесенная Наполеономъ къ князьямъ Рейнскаго союза въ Дрезденѣ.

Вѣнценосные друзья Франціи! Дѣла въ Европѣ взяли другой оборотъ. Повелѣваю, какъ глава Рейнскаго союза, для общей пользы, удвоить свои ополченія, приведя ихъ въ готовность пожинать лавры подъ моимъ начальствомъ на полѣ чести. Вамъ объявляю мои намѣренія: желаю возстановленія Польши. Хочу исторгнуть ее изъ неполитическаго существованія на степень могущественнаго королевства. Хочу наказать варваровъ, презирающихъ мою дружбу. Уже берега Прегеля и Вислы покрыты орлами Франціи. Мои народы! Мои союзники! Мои друзья! Думайте со мною одинаково. Я хочу и поражу древнихъ тирановъ Европы. Я держалъ свое слово и теперь говорю: прежде шести мѣсяцевъ двѣ сѣверныя столицы Европы будутъ видѣть въ стѣнахъ своихъ побѣдителей Европы».

Читая эти бумаги, съ первыхъ строкъ можно было замѣтить, что двадцатилѣтній купеческій сынъ Верещагинъ, отъ какого бы иностранца образованіе свое ни получилъ и какою бы трактирною бесѣдою развращенъ ни былъ, такихъ бумагъ не напишетъ; а потому и объявленіе это главнокомандующаго Москвою всѣмъ показалось ложью, что́, конечно, не могло поселить къ нему ни довѣрія, ни искренняго уваженія *).

Я люблю правду, и всякой гражданинъ, приверженный не одними словами, но душею и сердцемъ, къ престолу законнаго Монарха и Отечеству, долженъ любить правду: ибо помазанникъ Божій, Государь, изрекаетъ судъ по правдѣ и тогда уже не подвергаетъ себя Божескому суду. И такъ, я объясню дѣло о Верещагинѣ слѣдующею истиною. Дни за четыре до напечатаннаго объявленія графомъ Растопчинымъ, съ пришедшею изъ С.-Петербурга почтою, были получены и иностранныя вѣдомости, и въ Усть-Эльбскихъ эти, такъ названныя, дерзкія двѣ бумаги были напечатаны. Какимъ же образомъ Верещагинъ прочелъ тѣ газеты и успѣлъ перевести изъ нихъ рѣчь Наполеона на Русской языкъ, я не знаю; но списки его перевода скоро разошлися по рукамъ: я самъ видѣлъ ихъ у многихъ моихъ чиновниковъ

*) Исторія о Верещагинѣ можетъ наполнить собою цѣлую книгу: такъ много о ней написано. Не обращено однако должнаго вниманія на то, что для графа Ростопчина, вступившаго въ управленіе Москвою, когда уже приближалась къ Русскимъ предѣламъ почти вся вооруженная Европа, важенъ былъ не столько Верещагинъ, какъ предлогъ, давшій ему возможность имѣть почту въ рукахъ надежныхъ и удалить отъ нея масона Ключарева, у котораго Верещагинъ бралъ иностранныя газеты. Графу Ростопчину необходимо было обезпечить себя съ этой стороны. П. Б.

въ департаментѣ и списалъ для себя копіи, но, прочитавъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе графа Растопчина, и чтобъ не подвергнуть себя непріятностямъ, сжегъ ихъ у себя тогда же, и потомъ уже въ 1814 году списалъ ихъ вновь изъ печатной Русской книги, заглавія которой не запомню.

Между тѣмъ главной Московской почтъ-директоръ, тайной совѣтникъ Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ, человѣкъ съ большими достоинствами, обремененный лѣтами и дряхлостью, но личный врагъ графу Ростопчину, былъ въ ночь арестованъ новымъ третьимъ полиціймейстеромъ столицы Москвы, г. Брокеромъ.

Для поясненія тогдашнихъ отношеній, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о г. Брокерѣ. Адамъ Ѳомичъ Брокеръ, съ давнихъ лѣтъ приверженный къ графу Ростопчину и самой короткой человѣкъ въ его домѣ, служилъ въ Главномъ Московскомъ Почтамтѣ экзекуторомъ, и по назначеніи графа Ростопчина военнымъ губернаторомъ Москвы, по покровительству его, получилъ мѣсто третьяго Московскаго полиціймейстера, съ переименованіемъ его въ военный чинъ; и этому-то чиновнику графъ Ростопчинъ поручилъ арестовать Ключарева, чиновнику, который, за двѣ недѣли назадъ, находился подъ непосреднымъ его, Ключарева, начальствомъ! Арестованный старецъ подъ стражею высланъ въ городъ Воронежъ, а оставшееся имѣніе его содѣлалось пищею пламени и расхищено въ непріятельское нашествіе.

Поступокъ сей съ Ключаревымъ еще болѣе утвердилъ ложь Ростопчина относительно Верещагина, потому что если бумаги писалъ Верещагинъ, то не было никакого повода такъ беззаконно поступать съ заслуженнымъ старцемъ, генераломъ; если же, напротивъ, Верещагинъ перевелъ сіи списки изъ иностранныхъ вѣдомостей, то не слѣдовало объявлять, что Верещагинъ сочинилъ ихъ: ложь была очевидна въ обоихъ случаяхъ.

Впрочемъ, бумаги сіи и сами по себѣ не сдѣлали особеннаго впечатлѣнія въ народѣ. Народъ говорилъ: «Мы, де, Русскіе и должны держаться Русской пословицы: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». И не знали чему дивиться: дерзости ли Наполеона, которую оказывалъ онъ къ вѣнценоснымъ друзьямъ своимъ, или кротости и снисхожденію сихъ вѣнценосныхъ его друзей.

Въ самое это же время слухъ прошелъ въ Москвѣ, что будто въ С.-Петербургѣ открыта измѣна въ особахъ Государственнаго Совѣта: секретарѣ Михайлѣ Михайловичѣ Сперанскомъ и Михайлѣ Леонтье-

вичѣ Магнитскомъ, что они уже арестованы министромъ полиціи Балашовымъ, и что ихъ везутъ подъ стражею чрезъ Москву въ опредѣленные имъ города для жительства. Говорили при томъ, что лишь только они въ Москву въѣдутъ, то будутъ истерзаны народомъ; но, слава Богу, они съ Твери поворотили въ другую сторону и въ Москвѣ не были *).

Іюля 5 дня. Первой членъ Вотчиннаго Департамента, статской совѣтникъ Аничковъ, по случаю ваканціи, уволенъ былъ отъ должности на 28 дней; ему данъ былъ паспортъ, и онъ изъ Москвы выѣхалъ, а я остался начальникомъ департамента.

Іюля 11 дня. Государь Императоръ изволилъ прибыть въ столицу Москву. Съ Его Величествомъ прибыли гг. оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ, генералъ-адъютантъ, министръ полиціи Балашовъ, вице-адмиралъ, государственной секретарь Шишковъ, генералъ-адъютантъ князь Волконскій, генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій.

Въ сей же день рано утромъ читали мы слѣдующій печатный манифестъ:

«Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ.

Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи! Онъ идетъ разорять любезное наше Отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе, однакожъ по отеческому сердоболію и попеченію нашему о всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, не можемъ мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности, да не возникнетъ изъ неосторожности нашей преимущества врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся мы къ древней столицѣ предковъ нашихъ, Москвѣ: она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей, текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества, для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, престола, царства того требуютъ. Итакъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства нашего и во всѣхъ прочихъ сословіхъ духъ той праведной брани, какую благословляютъ Богъ и Православная наша церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее

*) Высылка Сперанскаго и Магницкаго изъ Петербурга произошла еще 17 Марта 1812 года. П. Б.

рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!»

На подлинномъ: «Александръ».

Въ лагерѣ близъ Полоцка, 6 1юля 1812 года.

Всякой, кто читалъ это воззваніе къ столицѣ Москвѣ, былъ тронутъ до глубины сердца, всякой готовъ былъ жертвовать собою для защиты престола и Отечества. Я въ сей день, со многими другими, обѣдалъ у начальника моего, графа Дмитріева-Мамонова. Сей вельможа Россійскаго государства, истинный сынъ Отечества, безъ лицемѣрнаго притворства, приверженный къ престолу Монарха, при своемъ состояніи, рѣшился сформировать пѣхотный полкъ изъ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ и на свой счетъ; онъ приглашалъ меня способствовать ему и вмѣстѣ служить въ оном полку съ нимъ. Я охотно согласился и подалъ прошеніе о увольненіи меня изъ Вотчиннаго Департамента; но, къ сожалѣнію, дней чрезъ шесть графъ Дмитріевъ-Мамоновъ перемѣнилъ свое намѣреніе и, вмѣсто пѣхотнаго полка вздумалъ сформировать конной полкъ; а такъ какъ я не только не умѣю ѣздить верхомъ, но, откровенно говорю, боюсь даже сѣсть на лошадь, и потому поданную мною просьбу о увольненіи меня изъ Вотчиннаго Департамента взялъ обратно, изорвалъ и остался при своемъ мѣстѣ.

Іюля 15 дня. Въ сей день собраны были дворянское и купеческое сословія въ залахъ Слободскаго Дворца. Я самъ былъ тамъ лично. По прибытіи Государя Императора въ залу, въ которой собралось дворянство и по прочтеніи воззванія къ первопрестольной столицѣ Москвѣ, оное общимъ согласіемъ положило обмундировать и вооружить съ одной Московской губерніи, для отраженія врага, восемьдесять тысячъ воиновъ. Государь, принявъ сіе пожертвованіе съ душевнымъ умиленіемъ, изрекъ дворянству: «Инаго я не ожидалъ и не могъ отъ васъ ожидать. Вы оправдали мое о васъ мнѣніе». Потомъ Государь Императоръ вошелъ въ залу, въ которой ожидали его купечество и мѣщанство, и я туда пошелъ, чтобы слышать, что они будутъ говорить; и по прочтеніи того же воззванія, они общимъ голосомъ от-

вѣчали: «Мы готовы жертвовать тебѣ, отецъ нашъ, не только своимъ имуществомъ, но и собою». И тутъ же началась подписка денежнаго пожертвованія. Я возвратился въ квартиру свою.

Съ чувствомъ истиннаго прискорбія, невольно дѣлаю нѣкоторое замѣчаніе, совершенно однакоже справедливое. Оно можетъ показаться весьма непріятно, но правда всегда священна. До воззванія къ первопрестольной столицѣ Москвѣ Государемъ Императоромъ, въ лавкахъ купеческихъ сабля и шпага продавались по 6 р. и дешевле; пара пистолетовъ Тульскаго мастерства 8 и 7 р.; ружье, карабинъ того же мастерства 11, 12 и 15 р.; дороже не продавали. Но когда прочтено было воззваніе Императора и учреждено ополченіе противу врага, то таже самая сабля или шпага стоила уже 30 и 40 р.; пара пистолетовъ 35 и даже 50 р.; ружье, карабинъ не продавали ниже 80 р. и проч. Купцы видѣли, что съ голыми руками отразить непріятеля нельзя, и безсовѣстно воспользовались этимъ случаемъ для своего обогащенія. Мастеровые, какъ-то портные, сапожники и другіе, утроили или учетверили цѣну работы своей; словомъ, все необходимо нужное, даже съѣстные припасы, высоко вздорожало. Графъ Растопчинъ, главнокомандующій въ Москвѣ, могъ бы легко такое беззаконное лихоимство властію своею остановить и предать виновныхъ суду; но онъ смотрѣлъ на это зло равнодушно, и за недѣлю только до входу непріятеля въ Москву публиковалъ въ вѣдомостяхъ слѣдующее: «Дабы остановить преступное лихоимство купцовъ Московскихъ, которые берутъ непомѣрную цѣну за оружіе, необходимое для вступившихъ въ ополченіе противу врага, онъ, главнокомандующій, открылъ государственный цейхаузъ, въ которомъ будетъ продаваться всякое оружіе дешевою цѣною».

Дѣйствительно, цѣна продаваемому оружію изъ арсенала или цейхауза была очень дешева, ибо ружье или карабинъ стоили 2 и 3 рубли, сабля 1 р., кортикъ, пики и проч., все очень дешево; но, къ сожалѣнію, все это оружіе къ употребленію не годилось: ибо ружья или карабины были или безъ замковъ, или безъ прикладовъ, или стволы у нихъ согнутые, или измятые, сабли безъ эфесовъ, у другихъ клинки сломаны, зазубрены, и лучшее, что́ было въ цейхаузѣ, то скуплено уже было купцами; но, не взирая на негодность оставшагося оружія, покупали еще оное, и арсеналъ или цейхаузъ былъ полонъ народу.

Итакъ пожертвованія дворянства были гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе для отечества, чѣмъ пожертвованія купцовъ, мѣщанъ, масте-

ровыхъ. Первые шли на защиту отечества сами, съ дѣтьми своими, нѣсколько возмужалыми, жертвуя не только имуществомъ, но и жизнію, для отраженія врага, брали съ собою еще дружину изъ крѣпостныхъ своихъ дворовыхъ людей и крестьянъ отъ 10 душъ одного, или и двухъ; а вторые приносили въ жертву однѣ только деньги въ ассигнаціяхъ, которыя въ то время никакой цѣны не имѣли, и тотъ еще излишекъ денегъ своихъ, которыя они лихоимственно получили отъ дѣйствительныхъ защитниковъ Отечества за оружіе и прочія необходимыя вещи; сами же они съ своими повѣренными, прикащиками и сидѣльцами удалялись заблаговременно изъ Москвы на нѣсколькихъ сотняхъ троекъ лошадей, чтобы не быть свидѣтелями ужасовъ нашествія непріятеля, оставя въ домахъ своихъ только то, чего увезти съ собою не могли.

Повторю, что я съ большимъ прискорбіемъ сдѣлалъ сіе замѣчаніе.

Вотъ еще одно обстоятельство, которое случилось во время пребыванія Государя въ Москвѣ и о которомъ умолчать я почелъ бы преступленіемъ.

Дворянство Рязанской губерніи, въ которой имѣлъ я небольшую деревню, узнавъ о воззваніи Императора къ первопрестольной столицѣ Москвѣ, немедленно выслало своихъ депутатовъ, состоящихъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, съ тѣмъ, чтобъ они, по пріѣздѣ въ Москву, повергнувъ себя къ стопамъ Государя, донесли Его Величеству, что Рязанское дворянство готово поставить на защиту Отечества шестдесятъ тысячъ воиновъ вооруженныхъ и обмундированныхъ. Самъ же губернской предводитель сего дворянства, Левъ Дмитріевичъ Измайловъ, въ числѣ депутатовъ, по болѣзни своей, не былъ.

Депутаты, частію мнѣ знакомые люди, по пріѣздѣ въ Москву, остановились въ домѣ губернскаго своего предводителя Измайлова, что́ у Мясницкихъ воротъ, и на другой день явились къ министру полиціи, генералъ-адъютанту Балашову, прося его, чтобъ онъ доложилъ объ нихъ Государю Императору.

Генералъ Балашовъ принялъ ихъ самымъ неблагосклоннымъ образомъ, кричалъ на нихъ, говоря, какъ смѣли они отлучиться отъ должностей своихъ; и, когда депутаты отвѣчали, что они это сдѣлали по общему приговору дворянства и съ личнаго дозволенія г-на Рязанскаго гражданскаго губернатора, Бухарина, тогда Балашовъ сказалъ, что онъ сдѣлаетъ строгое взысканіе, и почти выгналъ ихъ отъ себя.

Хотя депутаты Рязанской губерніи чрезвычайно оскорбились и огорчились такимъ неделикатнымъ поступкомъ съ ними генерала Балашова, однакожъ не отчаявались и обратились къ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Растопчину, который и принялъ ихъ очень вѣжливо и ласково. Они, объяснивъ ему причину своего пріѣзда въ Москву, не умолчали о поступкѣ съ ними генерала Балашова, и графъ Растопчинъ, порицая поступокъ Балашова, обѣщалъ въ тотъ же день доложить объ нихъ Государю Императору. На другой день рано чрезъ Московскую полицію приказано имъ было выѣхать немедленно изъ столицы. Они съ сердцемъ преисполненнымъ горести, что не видѣли Государя и не выполнили на нихъ возложеннаго препорученія Рязанскимъ дворянствомъ, возвратились во свояси. Что́ должно думать о генералъ-адъютантѣ, министрѣ полиціи, Балашовѣ? Искренно ли онъ любилъ благодѣтеля своего, Государя Императора, и истинный ли былъ сынъ Отечества? По поступку его можно усомниться.

Іюля 18 дня. Обнародованъ составъ военной Московской силы, и Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Москвы въ С.-Петербургъ.

Съ отъѣздомъ Государя Императора движеніе народа было необыковенное. Множество пріѣзжихъ изъ деревень наполняло вечернія гулянья на бульварахъ, такъ что тѣсно отъ нихъ было; всѣ почти были въ мундирахъ Московскаго ополченія, вооруженные, готовые кровью своею искупить мать Русскихъ градовъ; но мало по малу эта толпа становилась рѣже и рѣже, а недѣли черезъ три бульвары и вовсе опустѣли.

Графъ Растопчинъ, по отъѣздѣ Государя Императора, рѣдкій день не выдавалъ печатныхъ афишекъ, какъ о дѣйствіи армій нашихъ, такъ особенно и отъ себя въ народное извѣстіе, писанныхъ особеннымъ слогомъ, который нѣкоторые находили соотвѣтствующимъ времени и обстоятельствамъ, но большая часть пошлымъ и площаднымъ. Онъ писалъ, что глазъ у него болѣлъ, а теперь глядитъ въ оба; что Французъ не тяжеле хлѣбнаго снопа, и мы его на вилы, де, подымемъ; чтобы народъ не пугался, когда увидитъ шаръ воздушной, и на немъ 50 человѣкъ; этотъ шаръ истребитъ армію непріятельскую, и проч. и проч. Однакожъ, смѣясь надъ шаромъ, я долженъ упомянуть, что многіе этому вѣрили отъ души. Я говорилъ о воздушномъ шарѣ съ вельможею, сенаторомъ, котораго имени не хочу назвать; онъ былъ точно увѣренъ, что воздушный шаръ истребитъ непріятельскую армію, и доказывалъ, увѣряя честью своею, что уже сдѣлана проба, и собрано

было стадо овецъ, надъ которыми поднялся шаръ съ тремя человѣками, и стадо истреблено.

Августа 9 дня. Первый членъ Вотчиннаго Департамента Аничковъ возвратился изъ отпуска къ должности своей, и такъ какъ вакантные дни еще продолжались, то испросилъ и я себѣ увольненіе на 28 дней. Мнѣ данъ былъ на сей срокъ законной паспортъ, и я не присутствовалъ уже въ Вотчинномъ Департаментѣ.

Въ день, въ которой данъ былъ мнѣ паспортъ, нисколько еще не помышляли, чтобъ непріятель могъ овладѣть Москвою; а какъ срокъ моему увольненію долженъ былъ окончиться около 9 числа Сентября, а непріятель овладѣлъ Москвою 2 Сентября, слѣдовательно безъ малѣйшей отвѣтственности для меня и подозрѣнія, что я будто въ духѣ труса бѣжалъ отъ непріятеля, не заботясь ни мало о сохраненіи сокровищей отечественныхъ, которыя заключаются въ архивѣ Вотчиннаго Департамента, могъ я съ семействомъ свободно уже удалиться безъ потери моего имущества, и не быть притомъ свидѣтелемъ ужаснаго нашествія врага. Въ ономъ достаточно оправдывало меня данное мнѣ законное увольненіе.

Августа 18 дня. Главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Ростопчинъ, предложилъ письменно Вотчинному Департаменту слѣдующее: «Вотчинной Департаментъ долженъ уложить всѣ дѣла свои и имѣть оныя въ готовности къ отвозу въ безопасное мѣсто, если необходимость можетъ того потребовать; а нужное количество лошадей на отвозъ сихъ дѣлъ чтобы департаментъ самъ уже отъ себя испросилъ отъ Московскаго гражданскаго губернатора».

Такъ какъ я не совершенно еще воспользовался даннымъ мнѣ отпускомъ и изъ Москвы не выѣзжалъ, то первой членъ Вотчиннаго Департамента Аничковъ, получившій выше прописанное предложеніе графа Ростопчина, прислалъ ко мнѣ въ оригиналѣ оное и, вмѣстѣ съ симъ, прислалъ сегодня же, то есть 18 Августа, вышедшее печатное объявленіе отъ него же, графа Ростопчина, слѣдующаго содержанія:

«Отъ главнокомандующаго въ Москвѣ.

Здѣсь есть слухъ, и есть люди, кои ему вѣрютъ и повторяютъ, что я запретилъ выѣздъ изъ города. Если бы это было такъ, тогда на заставахъ были бы караулы и по нѣскольку тысячъ каретъ, колясокъ и повозокъ во всѣ стороны не выѣзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьевъ,

и родню, которые при женщинахъ, въ будущихъ, отправились безъ возврату. Если по ихъ есть опасность, то непристойно; а если нѣтъ ея, то стыдно. Я жизнію отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ почему: въ арміяхъ 130 тысячъ войска славнаго, 1800 пушекъ и свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, истинно государевъ избранный воевода Русскихъ силъ и надо всѣми начальникъ; у него сзади непріятеля генералы Тормасовъ и Чичаговъ, вмѣстѣ 85 тысячъ славнаго войска; генералъ Милорадовичъ изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ съ 36 тысячами пѣхоты, 3.800 кавалеріи и 84 пушками пѣшей и конной артиллеріи. Графъ Марковъ чрезъ три дни прійдетъ въ Можайскъ съ 24 тысячами нашей военной силы, а остальныя 7 тысячъ вслѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ Подольскѣ 14 тысячъ пѣхоты. А естьли этого мало для погибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: «Ну, дружина Московская! Пойдемъ и мы!» И выйдемъ сто тысячъ молодцовъ, возмемъ Иверскую Божію Матерь да 150 пушекъ, и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У непріятеля же своихъ и сволочи 150.000 человѣкъ; кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вотъ что я думаю и вамъ объявляю, чтобъ иные радовались, а другіе успокоились, а больше еще тѣмъ, что и Государь Императоръ на дняхъ изволитъ прибыть въ вѣрную свою столицу. Прочитайте; понять можно, а толковать нечего».

Я не смѣю дѣлать никакого замѣчанія на это объявленіе, но спрошу только: какъ надобно было понимать оное?

Сей день 18 Августа былъ черной день для меня. Я поздно узналъ, что не надобно мнѣ было возвращать паспорта, а идти по указанію случая; насъ всегда губитъ мудрованіе! Прочитавъ съ большимъ вниманіемъ, какъ предложеніе графа Растопчина Вотчинному Департаменту, такъ и объявленіе его къ жителямъ Москвы, помѣщенныя въ семъ послѣднемъ слова: «непристойно, стыдно», меня какъ громомъ поразили. Я думалъ, что сдѣлаю постыдное преступленіе, если воспользуюсь счастливымъ случаемъ, даннымъ мнѣ законнымъ увольненіемъ, и удалюсь изъ Москвы. Я страшился, чтобъ удаленіе мое въ такое время, когда самимъ Провидѣніемъ испытуется усердіе служащаго чиновника и сына Отечества, не постановлено бы мнѣ было поступкомъ, близкимъ къ измѣнѣ или предательству, и полагалъ: чѣмъ кто имѣетъ именитѣе происхожденіе свое, тѣмъ болѣе обязанъ служить престолу и Отечеству по правдѣ. И въ таковыхъ-то мысляхъ рѣшился я возвратить данной мнѣ паспортъ и остаться при своей должности.

Сего жъ 18 Августа графъ Растопчинъ далъ письменное приказаніе Московскому Магистрату, чтобы онъ «людямъ купеческаго и мѣщанскаго

сословія не давалъ уже паспортовъ о выѣздѣ ихъ изъ Москвы, кромѣ женъ ихъ и малолѣтныхъ дѣтей».

Вышедшее вышеприписанное отъ графа Растопчина печатное объявленіе, равно какъ и приказаніе его Магистрату, чрезвычайно скоро разошлись по уѣзду, и толковали слова «непристойно, стыдно», всякой по своему; запрещеніе же Магистрату давать купцамъ и мѣщанамъ паспорты о выѣздѣ изъ Москвы совершенно вложило въ голову, что сіе запрещеніе есть всѣмъ вообще, и потому тѣ люди, которые не имѣли нужды просить особенныхъ паспортовъ, удаляясь изъ Москвы, находили въ пути своемъ большія непріятности или, лучше сказать, были въ величайшей опасности отъ подмосковныхъ крестьянъ, чрезъ селенія которыхъ должны были ѣхать. Они называли удалявшихся трусами, измѣнниками и безстрашно кричали въ слѣдъ тѣмъ, которые мимо селеній ѣхали: «Куда, бояре, бѣжите вы съ холопами своими? Али невзгодье и на васъ пришло? И Москва въ опасности вамъ не мила уже». И которые изъ удалявшихся по необходимости должны были останавливаться въ селеніяхъ для отдохновенія и корму лошадей, то таковые вынуждаемы были хозяевами дворовъ, у которыхъ останавливались, платить себѣ за овесъ и сѣно въ три-дорога, и сверхъ того просто за постой не по пяти копѣекъ съ человѣка, какъ то обыкновенно платили, но по рублю и болѣе, и безпрекословно должны были повиноваться сему закону, если не хотѣли сдѣлаться жертвою негодованія противъ своего побѣгу освирѣпѣвшаго народа. Многіе изъ удалявшихся изъ Москвы на своихъ собственныхъ лошадяхъ возвратились опять въ Москву пѣшками, лишившись дорогою и лошадей своихъ съ экипажемъ, и имущества. Я свидѣтельствуюсь въ истинѣ сихъ происшествій тѣми, кои удалялись въ то время изъ Москвы и сами разсказывали со слезами о горестномъ своемъ положеніи. Между тѣмъ въ самой Москвѣ такъ вздорожалъ наемъ извощичьихъ и даже крестьянскихъ лошадей, что за 50 верстъ просили съ нанимающаго на три лошади триста рублей и болѣе, потому что богатые господа и купцы всѣхъ лошадей забрали; слѣдовательно обремененный семействомъ человѣкъ въ недостаткахъ своихъ по неволѣ долженъ былъ остаться во власти непріятеля, тогда въ скоромъ времени овладѣвшаго Москвою.

Августа 19 дня. Возвративъ данный мнѣ паспортъ или свидѣтельство о увольненіи меня отъ должности на 28 дней, я присутствовалъ въ Вотчинномъ Департаментѣ съ прочими членами онаго. Мы имѣли разсужденіе относительно предложенія графа Растопчина, «чтобъ были дѣла наши въ готовности къ отправленію оныхъ въ безопасное мѣсто», и по предмету сего заключили опредѣленіемъ, всѣми тремя членами подписаннымъ и за скрѣпою секретаря, слѣдующаго содержа-

нія: «Такъ какъ по справкѣ оказалось, что при Вотчинномъ Департаментѣ, кромѣ текущихъ дѣлъ, которыя оставить можно на произволъ судьбы, находится много самыхъ нужныхъ документовъ къ разрѣшенію споровъ тяжущихся между собою по вотчиннымъ дѣламъ, и документы сіи состоятъ частію въ огромныхъ книгахъ въ переплетѣ, частію въ связкахъ и въ сверткахъ, всего числомъ 42160; и по математической истинѣ сдѣланному вычисленію, полагая на каждую крестьянскую лошадь 18 пудъ, то потребно будетъ до тысячи лошадей», и проч. и проч. Мы представили это наше опредѣленіе на разсмотрѣніе главному нашему начальнику, графу Дмитріеву-Мамонову, который, съ своей стороны, немедленно, съ приложеніемъ этого нашего опредѣленія въ оригиналѣ, отнесся къ графу Растопчину, и просилъ меня, чтобъ я конвертъ его лично доставилъ въ собственныя руки графа, дабы избѣгнуть дальнѣйшей переписки и проволочки по сему предмету: ибо я, какъ членъ департамента, могъ дать ему нужныя свѣдѣнія и объясненія.

Графъ Растопчинъ въ сіе время жилъ внѣ Москвы, въ загородномъ своемъ домѣ, и потому доставилъ я конвертъ графа Дмитріева-Мамонова на другой уже день, и отдалъ оный, какъ приказано мнѣ было, въ собственныя руки его сіятельства; но графъ, спросивъ меня только: «отъ кого?» не удостоилъ болѣе разговоромъ и не оказалъ большаго вниманія къ отношенію графа Дмитріева-Мамонова, даже не распечаталъ конверта, а кинулъ оный на столъ. (Надобно знать, что графъ Растопчинъ былъ личный врагъ графу Дмитріеву-Мамонову). Послѣ двухъ часовъ ожиданія отвѣта, правитель канцеляріи его мнѣ объявилъ, что графъ Растопчинъ самъ будетъ въ Правительствующемъ Сенатѣ трактовать о дѣлахъ и архивѣ Вотчиннаго Департамента. Съ таковымъ отвѣтомъ и возвратился я къ графу Дмитріеву-Мамонову.

Августа 27 дня въ Москвѣ узнали о кровопролитномъ сраженіи при селѣ Бородинѣ, разстояніемъ отъ Москвы 120 верстъ.

Первый членъ департамента Аничковъ испросилъ себѣ отъ графа Дмитріева-Мамонова опять увольненіе отъ должности на 8 дней, и просилъ меня не только убѣдительно, но даже униженно, чтобъ не сдѣлалъ я ему препятствія въ полученіи паспорта, поелику онъ видѣлъ, что я самъ имѣлъ полное право на отпускъ. И я, снисходя тому жалкому положенію, въ которомъ онъ тогда находился и не могши ожидать отъ него никакой помощи себѣ въ сохраненіи архива Вотчиннаго Департамента, буде нужда того потребуетъ, да и казалось

*) Графъ Растопчинъ обыкновенно проводилъ утро на Тверской въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, за тѣмъ былъ въ своемъ домѣ на Большой Лубянкѣ (нынѣ Кредитнаго Общества), а вечеромъ уѣзжалъ къ себѣ на дачу въ Сокольники (позднѣе дача Митькова, на лѣво отъ въѣзда изъ Москвы). Ему случалось по недѣлямъ не раздѣваться. П. Б

мнѣ, что онъ прежде времени умеръ (ибо былъ блѣденъ и говорилъ дрожащимъ языкомъ, такъ что понять нельзя было, что́ онъ говорилъ) и потому не препятствовалъ я ему получить паспортъ, который я самъ и подписалъ.

Такимъ образомъ я опять остался старшимъ членомъ Вотчиннаго Департамента.

Въ сей же день, 27 Августа, получено изъ С.-Петербурга отъ министра юстиціи Дмитріева предписаніе, чтобы главной надзоръ надъ Вотчиннымъ Департаментомъ, вмѣсто графа Дмитріева-Мамонова, поступившаго съ полкомъ, имъ формированнымъ, въ составъ арміи, имѣлъ оберъ-прокуроръ Озеровъ.

Августа 28 дня привезли въ Москву раненыхъ при селѣ Бородинѣ и помѣстили ихъ въ разныхъ казенныхъ и партикулярныхъ домахъ.

Въ ночи съ 29 на 30 число Августа господа оберъ-прокуроры Правительствующаго Сената всѣхъ департаментовъ имѣли необыкновенное свое ночное засѣданіе, и отъ оберъ-прокурора Озерова, принявшаго главной надзоръ надъ Вотчиннымъ Департаментомъ, приказано было, чтобы и я съ чиновниками моими въ это время находились при своемъ мѣстѣ. Я воздерживаюсь дѣлать какія нибудь замѣчанія о семъ ночномъ засѣданіи, но долженъ сказать, что господа оберъ-прокуроры, послѣ многаго разсужденія относительно къ представшей опасности столицѣ Москвѣ (ибо и главная, де, квартира непріятеля, говорили они, не далѣе уже сорока верстъ), не приняли, однакожъ, никакихъ мѣръ къ сохраненію архива Вотчиннаго Департамента, равно какъ и небольшой суммы денегъ, частію въ мѣдной монетѣ прежняго чекана, при ономъ состоящей, и ночное свое засѣданіе заключили опредѣленіемъ, которое и мнѣ объявили: «Послать нарочнаго курьера въ С.-Петербургъ и, съ прописаніемъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится Москва, испросить отъ министра юстиціи приказаніе, что́ дѣлать съ архивомъ Вотчиннаго Департамента». И курьеръ съ таковымъ донесеніемъ отправленъ на другой уже день поздно, то есть 31 Августа.

Сіе ночное засѣданіе составляли господа оберъ-прокуроры: графъ Кутайсовъ, Озеровъ, Засѣцкій и Лужинъ. Оное продолжалось съ 10 часовъ вечера до 3 часовъ слѣдующаго утра.

Августа 30 выдано въ народъ слѣдующее печатное объявленіе:

«Свѣтлѣйшій князь, чтобъ скорѣе соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ

мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ. Къ нему идутъ отсюда 48 пушекъ съ нарядами; а свѣтлѣйшій говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли; дѣла прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ, и деревенскихъ; я кличъ кликну дни за два, а теперь не надо, я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: Французъ не тяжеле снопа аржанаго. Завтра послѣ обѣда я поднимаю Иверскую въ Екатерининскую гошпиталь къ ранепымъ; тамъ воду освятимъ; они скоро выздоровѣютъ. И я теперь здоровъ; у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба».

Подписалъ: «Графъ Растопчинъ».

30 Августа 1812 года.

Это объявленіе въ народъ, которое, казалось бы, само по себѣ ничего не значило, причинило, однакожъ, ужасное волненіе въ народѣ, волненіе самое убійственное: стали разбивать кабаки; питейная контора на улицѣ Поварской разграблена, на улицахъ крикъ, драка; останавливали прохожихъ, спрашивая, гдѣ непріятель? Трудно было отойти отъ нихъ. Въ Серебряномъ ряду двое Нѣмцовъ, жившихъ въ Россіи нѣсколько десятковъ уже лѣтъ, желали размѣнять ассигнаціи на серебро, и когда они не хотѣли дать промѣнъ, который мѣнялы требовали, то силою отняли у нихъ деньги, а самихъ ихъ избили до полусмерти, подъ предлогомъ, будто они шпіоны *). Словомъ, Москва въ этотъ день какъ будто вовсе была безъ начальства. Я, проходя въ 10 часовъ утра изъ дому въ Вотчинной Департаментъ, встрѣтилъ въ городѣ, у Лобнаго мѣста, что́ близъ Кремлевскихъ Спасскихъ воротъ, огромное стеченіе народа, большею частію пьяныхъ, готовыхъ на всякое буйство. Въ толпѣ сей говорили, что графъ Растопчинъ сзываетъ уже сыновъ Отечества на Три Горы, куда и самъ явится предводительствовать народомъ, для отраженія врага отъ Москвы, и что завтрешній день съ восходомъ солнца народъ долженъ сбираться, кто съ чѣмъ можетъ, въ назначенное имъ мѣсто.

Въ Вотчинномъ Департаментѣ я нашелъ все въ порядкѣ: дежурные чиновники были при своихъ мѣстахъ. Однакоже многіе удалились уже изъ Москвы, безъ вѣдома моего.

---

*) Сперанскій въ Нижнемъ тоже покупалъ звонкую монету и писалъ своему подручнику Масальскому, что будетъ покоенъ, когда наберетъ столько-то тысячъ червонцевъ. Графъ Растопчинъ долженъ былъ посылать въ Нижній своихъ людей, чтобы уберечь бывшаго государственнаго секретаря отъ яростз простонародья. П. Б.

Въ сей же день, по вечеру, пріѣхали за мною отъ графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго шесть лошадей въ двухъ повозкахъ; а супруга его, графиня Анна Володимировна, прислала мнѣ 400 рублей ассигнаціями, которыя я отъ аптекаря Ауербаха и получилъ. Сверхъ того, графъ Бобринскій прислалъ мнѣ, при особой запискѣ своей съ человѣкомъ, пріѣхавшимъ съ лошадьми за мною, 240 Голландскихъ червонцовъ и просилъ меня, чтобъ я поспѣшилъ къ нему пріѣздомъ *).

Это частность, и я упомянулъ объ ономъ только для того, чтобы доказать, что я всѣ способы имѣлъ удалиться отъ непріятеля: имѣлъ и деньги, и лошадей, но не имѣлъ ни отъ какого начальства приказанія оставить мое мѣсто, а самому собою нарушить присягу и, въ духѣ труса, спасая себя, кинувъ архивъ Вотчиннаго Департамента на произволъ судьбы, я не думалъ имѣть право. И если впослѣдствіи сей подвигъ усердія моего поставленъ мнѣ былъ въ преступленіе, и безъ суда еще совершены на мнѣ жестокости наказанія, то все-таки преступленіе мое было похвальное, а подвигъ истинно-патріотическій, коимъ я имѣю полное право гордиться и хвалиться: по крайней мѣрѣ, сохраненіемъ архива Вотчиннаго Департамента я заплатилъ любезному Отечеству за воспитаніе мое.

Августа 31 дня. Я рано вышелъ изъ дому моего, желая посмотрѣть, что́ дѣлается въ городѣ, и прошелъ до Прѣсненской заставы, изъ которой дорога на Три Горы. Боже мой! Съ какимъ сердечнымъ умиленіемъ взиралъ я на православной Русской народъ, моихъ соотечественниковъ, которые стремились съ оружіемъ въ рукахъ, дорого отъ корыстолюбивыхъ торговцовъ купленнымъ. Другіе шли съ пиками, вилами, топорами въ предмѣстіе Три Горы, чтобы спасти отъ наступающаго врага Москву, колыбель Православія и гробы праотцевъ, и съ духомъ истиннаго патріотизма въ одинъ голосъ кричали: «Да здравствуетъ батюшка нашъ Александръ!» Малѣйшая поддержка этого патріотическаго взрыва, и Богъ знаетъ, взошелъ ли бы непріятель въ Москву. Народъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, такъ что трудно было, какъ говорится, яблоку упасть, на пространствѣ 4 или 5 верстъ квадратныхъ, съ восхожденіемъ солнца до захожденія, не расходился, въ ожиданіи графа Растопчина, какъ онъ самъ обѣщалъ предводительствовать ими; но полководецъ не явился, и всѣ съ горестнымъ унынiемъ разошлись по домамъ.

Сентября 1 дня. Рано утромъ разбуженъ я былъ приходомъ ко мнѣ третьяго члена Вотчиннаго Департамента, Иванова. Онъ принесъ мнѣ конвертъ, содержащій въ себѣ предложеніе оберъ-прокурора Озе-

*) Графъ Бобринскій жилъ тогда за Тулою въ Бобрикахъ, и тамъ въ слѣдующемъ году скончался. Супруга его была урожденная Унгернъ-Штернбергъ. П. Б.

рова, которому препорученъ главной надзоръ надъ Вотчиннымъ Департаментомъ. Распечатавъ конвертъ, прочиталъ я слѣдующее:

«Вотчинному Департаменту

Такъ какъ оберъ-прокуроръ Сената г. Озеровъ отправляется съ Правительствующимъ Сенатомъ въ городъ Казань, то и передаетъ власть свою надъ департаментомъ старшему по себѣ».

Но какое удивленіе мое было! Лишь прочиталъ я сіи строки, увидѣлъ у ногъ моихъ его, Иванова, блѣднаго, трепещущаго, умоляющаго меня подписать ему паспортъ о выѣздѣ изъ Москвы, который онъ уже держалъ въ рукахъ своихъ. Я подписалъ сей паспортъ. Въ противномъ случаѣ онъ уѣхалъ бы и безъ паспорта моего, а можетъ быть еще и того хуже: умеръ бы отъ страху, и причину смерти его приписали бы мнѣ.

Такъ какъ я оставался старшимъ въ Вотчинномъ Департаментѣ или, лучше сказать, оставался одинъ съ нѣсколькими чиновниками: то, по уходѣ отъ меня Иванова, поспѣшилъ въ домъ оберъ-прокурора Озерова, чтобъ узнать отъ него, въ чемъ власть его надъ Вотчиннымъ Департаментомъ, которую онъ передаетъ мнѣ, и принять наставленіе, что́ мнѣ самому дѣлать въ опасностяхъ, отъ которыхъ онъ удаляется. Но его превосходительства я не могъ видѣть: онъ уже далеко былъ отъ Москвы.

Возвратясь на квартиру, я разсуждалъ, что трусость, которую обнаружу подлымъ бѣгствомъ отъ непріятеля, кинувъ сокровища отечественныя, которыя заключаютъ въ себѣ архивы Вотчиннаго Департамента, на произволъ судьбы, будетъ со стороны моей подлымъ нарушеніемъ присяги. Возложивъ все упованіе мое на Всемогущаго Творца, оставилъ я квартиру свою со всѣмъ моимъ въ оной имуществомъ, приказавъ людямъ моимъ не оставлять квартиры до самой уже невозможности быть въ оной, отпустилъ лошадей графа Бобринскаго, присланныхъ за мною и, взявъ жену и малолѣтныхъ моихъ дѣтей, пошелъ съ ними въ Кремль, гдѣ я сдѣлалъ самого себя стражемъ Вотчиннаго Департамента.

Послѣ полудня ходилъ я къ Дорогомиловской заставѣ, въ которую долженъ входить непріятель передовыми своими войсками, и на Арбатской улицѣ встрѣтилъ генерала отъ артиллеріи Лёвенштерна и адъютанта его Фадѣева, съ которымъ я давнымъ давно знако́мъ, но около девяти лѣтъ не видался съ нимъ. Мы оба обрадовались свиданію нашему. Я узналъ отъ него, что непріятель непремѣнно войдетъ

въ Москву, потому что наша армія почти погибла и осталась не въ большомъ числѣ, но что еще дни два, какъ кажется, сказалъ онъ, простоимъ около Москвы. Фадѣевъ имѣлъ какое-то препорученіе, и мы скоро разстались. Когда стало смеркаться, то съ берегу Москвы-рѣки, у самого Дорогомиловскаго моста, видно было, что освѣтились бивуаки нашей арміи, расположенной у Поклонной горы, версты три отъ заставы Дорогомиловской. Народное буйство въ Москвѣ, бывшее въ этотъ вечеръ, описать нельзя. Возвратясь въ Вотчинной Департаментъ, я нашелъ тамъ все благополучно: семейство мое уже покоилось; караулъ, стоявшій на кругломъ дворѣ Сенатскаго зданія, билъ, по обыкновенію, вечернюю зорю, и я, осмотрѣвъ обѣ двери въ Вотчинной Департаментъ, заперъ ихъ и ключъ взялъ къ себѣ.

Сентября 2 дня я почти совсѣмъ не спалъ, а дремалъ только и, къ удивленію моему, стоявшій караулъ на внутреннемъ кругломъ дворѣ Сенатскаго зданія и бившій вчерашняго вечера еще зорю, ночью снятъ былъ съ своего мѣста. Я предоставляю отцамъ семейства посудить о положеніи, въ которомъ долженъ я былъ находиться.

Въ 8 часовъ утра стали сходиться въ Вотчинной Департаментъ чиновники и приказнослужители. Я имѣлъ, какъ начальникъ ихъ, справедливую причину выговаривать нѣкоторымъ, почему они, бывъ дежурные и дневальные, не находились въ сію ночь при своихъ мѣстахъ, и за такое ихъ нерадѣніе и пренебреженіе къ службѣ угрожалъ послать ихъ къ наказанію къ г-ну Московскому коменданту; но бывшій секретаремъ сего департамента, а потомъ дѣйствительнымъ членомъ онаго, Рыбниковъ, язвительно мнѣ отвѣчалъ: «Ни коменданта, ни главнокомандующаго Москвою, ни оберъ-полиціймейстера, ни полицейскихъ чиновниковъ, никого уже нѣтъ въ Москвѣ; а вы хотите, чтобъ мы были при своихъ мѣстахъ». И въ самое это время вошедшій въ департаментъ чиновникъ (не помню имени его) сказалъ: «Ахъ, Алексѣй Дмитріевичъ, какой ужасъ я видѣлъ, проходя мимо дома графа Растопчина, котораго дворъ былъ полонъ людьми, большею частью пьяными, кричавшими, чтобъ шелъ онъ на Три Горы предводительствовать ими къ отраженію непріятеля отъ Москвы. Вскорѣ (продолжалъ чиновникъ) на такой зовъ вышелъ и самъ графъ на крыльцо и громогласно сказалъ: «Подождите, братцы! Мнѣ надобно еще управиться съ измѣнникомъ». И тутъ представленъ ему несчастный купеческій сынъ 20 лѣтъ, Верещагинъ, приведенный уже съ утра изъ временной тюрьмы (ямы) въ тулупѣ на лисьемъ мѣху, и Растопчинъ, взявъ его за руку, вскричалъ народу: «Вотъ измѣнникъ! Отъ него погибаетъ Москва!» Несчастный Верещагинъ, блѣдный, только успѣлъ

громко сказать: «Грѣхъ вашему сіятельству будетъ!» Растопчинъ махнулъ рукою, и стоявшій близъ Верещагина ординарецъ графа, по имени Бурдаевъ (нынѣ онъ въ Москвѣ полицейскій чиновникъ, квартальнымъ надзирателемъ) ударилъ его саблею въ лицо. Несчастный палъ, испуская стоны, народъ сталъ терзать его и таскаетъ по улицамъ. Самъ же графъ Растопчинъ, воспользовавшись этимъ смятеніемъ, сошелъ съ крыльца и въ задніе ворота дому своего выѣхалъ изъ Москвы на дрожкахъ»*).

Слушая чиновника, разсказывавшаго сіе ужасное происшествіе, я душевно страдалъ и, не продолжая болѣе выговоровъ моихъ виновнымъ моимъ чиновникамъ, приказалъ протоколисту Бородину сдѣлать журналъ слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ я одинъ цѣлаго присутствія Вотчиннаго Департамента составлять не могу, а потому и закрываю присутствіе. Но какъ чиновники и приказнослужители сего департамента за истекшій Августъ мѣсяцъ не получали слѣдуемаго имъ жалованья, и Правительствующаго Сената 6-го Департамента, отъ котораго долженъ я требовать разрѣшенія о выдачѣ онаго, въ Москвѣ уже не находится: то и опредѣляю выдать сіе жалованье, кому сколько слѣдуетъ, а по раздачѣ онаго выдать еще впередъ за два мѣсяца на собственную мою отвѣтственность начальству». Подписавъ сей журналъ, приказалъ я расходчику Рудакову, вмѣстѣ съ экзекуторомъ департамента Гиринымъ и двумя чиновниками при нихъ, принести изъ кладовой ящикъ съ ассигнаціями, а мѣдную монету въ мѣшкахъ перенести въ присутственную камору. Оставивъ кладовую не запертою уже, выдалъ я расходчику Рудакову нужную сумму для раздачи чиновникамъ и приказнослужителямъ, на лицо состоящимъ по списку, опредѣленное имъ жалованье за одинъ только мѣсяцъ истекшій Августъ.

Надобно знать, что я въ личномъ вѣдѣніи моемъ никакой суммы денегъ не имѣлъ, а находившаяся при Вотчинномъ Департаментѣ состояла подъ вѣдѣніемъ 3-го члена департамента Иванова, который вчерашняго числа выѣхалъ изъ Москвы, не сдавъ оной никому; а также и секретарь, при сей суммѣ находившійся, титулярный совѣтникъ Воробьевъ (изъ господскихъ людей) уѣхалъ изъ Москвы, дней

*) Какъ извѣстно читателямъ, самъ графъ Растопчинъ лишь за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ узналъ, что сраженія подъ Москвою не будетъ, а утренними сумерками этого дня его полицейскіе проводили Кутузова отъ Дорогомиловской заставы къ Арбатскому мосту. Жившій у гр. Растопчина въ Лубянскомъ его домѣ Карамзинъ тоже ожидалъ сраженія и готовъ былъ принять въ немъ участіе, какъ показываютъ письма его къ брату въ Симбирскую губернію. П. Б.

пять тому назадъ, какъ сказывалъ мнѣ приказнослужитель, съ нимъ вмѣстѣ жившій, не испрося, однакожъ, ни отъ кого позволенія. Сей денежной казны, при Вотчинномъ Департаментѣ состоящей, 1-го Сентября свидѣтельства по обыкновенію дѣлаемо не было, потому что 1-е Сентября было Воскресенье, а болѣе по смутнымъ обстоятельствамъ.

Экзекутору департамента коллежскому ассессору Гаврилѣ Петровичу Гирину, осьмидесятилѣтнему старику, приказалъ я со всѣмъ его семействомъ перебраться въ Вотчинной Департаментъ и находиться при мнѣ. Онъ и вышелъ изъ департамента въ свой домъ, но я его уже болѣе не видѣлъ.

Расходчикъ Рудаковъ раздавалъ жалованье чиновникамъ и приказнослужителямъ, а я пошелъ посмотрѣть, что̀ дѣлается въ городѣ. На Лобномъ мѣстѣ, что̀ близъ Кремлевскихъ Спасскихъ воротъ, площадь была полна народу, такъ что тѣсно было; въ воздухѣ же былъ нестерпимой смрадъ отъ того, что лавки москательнаго ряда были уже зажжены и какъ говорили, зажигалъ лавки самъ частной приставъ городской части, какой-то князь. Тутъ, на Лобномъ мѣстѣ, встрѣтилъ я графа Дмитріева-Мамонова. Онъ былъ на конѣ и, увидя меня, соскочилъ съ лошади и спросилъ: «Что̀ ты тутъ дѣлаешь, Бестужевъ? Непріятель входитъ уже въ Москву!» Я отвѣчалъ: «Любезный графъ! Я не имѣю особеннаго повелѣнія оставить моего мѣста, а самому собою нарушить присягу и, въ духѣ труса, кинувъ на произволъ судьбы архивъ Вотчиннаго департамента, отъ непріятеля бѣжать не думаю быть въ правѣ, а потому и остаюсь при своемъ мѣстѣ; что̀ будетъ, то и будетъ».—«Ну, прощай», сказалъ графъ и, поцѣловавшись со мною, примолвилъ: «Да сохранитъ тебя Господь Богъ!» и поѣхалъ.

Возвратись въ Вотчинной Департаментъ, я подписалъ многимъ чиновникамъ и приказнослужителямъ паспорты о свободномъ имъ выѣздѣ изъ Москвы; расходчикъ Рудаковъ еще продолжалъ раздачу жалованья. Было 3 часа по полудни, и я распустилъ чиновниковъ и приказнослужителей по квартирамъ ихъ, приказавъ часа черезъ два возвратиться въ Вотчинной Департаментъ, а оставилъ при себѣ однихъ только дежурныхъ и дневальныхъ.

Любопытствуя узнать, что̀ дѣлается на большой Арбатской улицѣ, по которой, какъ я думалъ, непріятель долженъ входить (а онъ, напротивъ, вошелъ во всѣ заставы, которыя на сторонѣ къ городу Смо-

ленску, то есть, въ Дорогомиловскую, Прѣсненскую, Тверскую, Мюзскую и другія), я взялъ съ собою чиновника и вышелъ изъ Кремля. Въ сіе время на Ивановской колокольнѣ ударилъ колоколъ къ вечерней молитвѣ.

Лишь только я съ чиновникомъ вышли изъ Кремля, то встрѣтили пьянаго господскаго человѣка, у котораго въ одной рукѣ было ружье со штыкомъ, а въ другой карабинъ. Сей человѣкъ былъ въ самомъ безобразномъ видѣ и, покачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, что-то бормоталъ про себя. Я, усмѣхнувшись, сказалъ бывшему со мною чиновнику довольно громко: «Вотъ видишь, что̀ значитъ безначаліе», и отошелъ уже отъ сего пьянаго нѣсколько шаговъ, какъ кинулъ онъ въ меня ружье со штыкомъ, которымъ, слава Богу, не попалъ, но вслѣдъ за онымъ кинулъ и карабинъ, которымъ ушибъ меня крѣпко въ ногу. Почувствовавъ чрезвычайную боль въ ногѣ, я воротился и кое-какъ дотащился до Вотчиннаго Департамента.

Въ 4 часа пополудни пушечные выстрѣлы холостыми зарядами, по Арбатской и другимъ улицамъ, возвѣстили входъ непріятеля въ Московскія заставы. Я считалъ выстрѣлы, ихъ было 18. Звонъ на Ивановской колокольнѣ утихъ. Вскорѣ Троицкіе ворота въ Кремлѣ, которые были наглухо заколочены, и только одна калитка для проходу оставлена, выломлены, и нѣсколько Польскихъ улановъ[1]) въѣхало въ Кремль чрезъ оные. Мѣсто это изъ оконъ Вотчиннаго Департамента видно, ибо нѣкоторыя окна прямо противъ Троицкихъ воротъ. Я вскричалъ: «вѣрно, это непріятель!»—«Э, нѣтъ!» отвѣчалъ мой знакомой, пришедшій въ департаментъ со мною проститься; «это нашъ арріергардъ отступающій». Но увидѣли мы, что въѣхавшіе уланы стали рубить стоящихъ у арсенала нѣсколько человѣкъ съ оружіемъ, которое они изъ онаго только что взяли, и уже человѣкъ десять пали окровавленные, а остальные, отбросивъ оружіе и ставъ на колѣни, просили помилованія. Уланы сошли съ коней своихъ, отбили приклады у ружей, и безъ того къ употребленію негодящихся, забрали людей и засадили ихъ въ новостроющуюся Оружейную Палату[2]). Я заперъ входъ и выходъ въ Вотчинной Департаментъ, взялъ ключи къ себѣ и приставилъ къ дверямъ къ каждой по одному инвалиду, изъ служащихъ при департаментѣ, приказавъ тотчасъ увѣдомить меня, коль скоро кто будетъ стучаться.

Вскорѣ, за передовыми Польскими уланами, стала входить и непріятельская конница. Впереди ѣхалъ генералъ, и музыка гремѣла.

[1]) И такъ Польскіе уланы первые вошли въ нашъ Кремль. Можетъ быть, въ числѣ ихъ были прямые потомки тѣхъ Поляковъ, которые, двѣсти лѣтъ назадъ, хозяйничали въ Московскомъ Кремлѣ. Тотъ же Савка, но въ другой шапкѣ. П. Б.

[2]) Она была на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Кремлевскія казармы. П. Б.

Когда сіе войско входило въ Кремль, то на стѣнныхъ часахъ, которые въ департаментѣ, показывало $4^1/_2$ часа. Это войско входило въ Троицкіе и Боровицкіе ворота, проходило мимо Сенатскаго зданія и вышло въ Китай-городъ чрезъ Спасскіе ворота; шествіе этой конницы продолжалось до глубокихъ сумерекъ безпрерывно. Ввезена въ Кремль пушка и сдѣланъ выстрѣлъ къ Никольскимъ воротамъ, холостымъ зарядомъ; вѣроятно, сей выстрѣлъ служилъ сигналомъ.

Одинъ изъ инвалидныхъ солдатъ, которыхъ я поставилъ у входа дверей въ департаментъ, пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что кто-то стучится крѣпко въ двери. Я отперъ. Это были люди мои, которые оставались на квартирѣ. Они сказали, что непріятель овладѣлъ уже совершенно Москвою, и что въ домъ, въ которомъ я жилъ, взошло около 40 человѣкъ, но что имъ никакой обиды сдѣлано не было. Когда стало смеркаться, то пламя зажженнаго утромъ москательнаго ряда освѣтило комнаты департамента такъ, что никакой надобности не было въ свѣчахъ. Круглой въ Сенатскомъ зданіи дворъ занятъ непріятельскими солдатами, и видно было изъ оконъ департамента, что нѣсколько человѣкъ бѣгали съ огнемъ по комнатамъ, въ которыхъ присутствовали сенаторы, выкидывали столы и стулья на дворъ, для бивакъ своихъ. Хотя ночь эта и была ужасная ночь для меня, но, слава Богу, никто изъ непріятелей не входилъ въ Вотчинной Департаментъ, и какъ я самъ, такъ и всѣ бывшіе при мнѣ оставались спокойны.

По сю пору мы не видали еще крови, кромѣ крови несчастнаго Верещагина, и часа два тому назадъ непріятельскими уланами избитыхъ у арсенала.

Симъ кончаю описаніе происшествій въ 1812 году въ Москвѣ, до входа непріятельскихъ войскъ въ сію столицу. Я описалъ и причины, почему я остался во власти непріятеля. И если таковой примѣрной подвигъ усердія моего, которой бы долженъ былъ заслужить вниманіе, уваженіе и награду, но несправедливостію бывшаго тогда министромъ юстиціи Дмитріева и главнокомандовавшаго Москвою графа Растопчина, почитается преступленіемъ и наказывается жесточайшимъ образомъ: въ такомъ случаѣ надобно дать новую форму клятвенному нашему обѣщанію и положить въ оной предѣлы, до которыхъ поръ служащій чиновникъ долженъ сохранять присягу свою, и буде только до того времени, покуда чиновнику личная опасность не представится, то невѣроятно, чтобъ царствующій Монархъ имѣлъ бы истинно приверженныхъ къ престолу своему, а Отечество останется

безъ пламенныхъ сыновъ, и несправедливость, мнѣ оказанная, можетъ устрашить всякаго служить по правдѣ и прямымъ путемъ службы искать себѣ чести.

Второе отдѣленіе сего описанія *) будетъ заключать въ себѣ ужасныя происшествія въ Москвѣ въ шестинедѣльное пребываніе въ ней непріятеля. Я говорю ужасныя, потому что съ дѣтства жилъ подъ благотворными и кроткими законами возлюбленныхъ нашихъ монарховъ и подобныхъ дѣяній не видѣлъ.

О происшествіяхъ, случившихся въ Москвѣ во время пребыванія въ оной непріятеля въ 1812 году. Донесеніе члена Вотчиннаго Департамента А. Д. Бестужева-Рюмина г. министру юстиціи.

Его превосходительству, господину тайному совѣтнику, министру юстиціи и разныхъ орденовъ кавалеру, Ивану Ивановичу Дмитріеву, отъ надворнаго совѣтника Бестужева-Рюмина доношеніе.

2-го Маія прошедшаго 1812-го года, указомъ Правительствующаго Сената, по предложенію вашего превосходительства, опредѣленъ я членомъ Вотчиннаго Департамента. 2 Сентября того жъ 1812-го года, непріятель овладѣлъ Москвою, и дѣла Вотчиннаго Департамента, при которыхъ я былъ изъ членовъ въ наличности одинъ, остались во власти его, въ которой и находились по 11 число Октября мѣсяца: въ сей день непріятель совершенно очистилъ Москву, оставя въ Воспитательномъ Домѣ однихъ больныхъ и раненыхъ. Вскорѣ потомъ учреждена, по имянному Его Императорскаго Величества повелѣнію, коммисія о разсмотрѣніи, виновны ли тѣ, кои, при нахожденіи Французовъ въ сей столицѣ, имѣли должности? Коммисія засѣданія свои уже кончила; а какъ и я былъ подъ слѣдствіемъ оной и извѣстился при томъ, что ваше превосходительство предписаніемъ г. статскому совѣтнику Огареву (пребывающему нынѣ въ Москвѣ по дѣламъ службы) приказали запретить мнѣ присутствовать въ Вотчинномъ Департаментѣ: а потому, окончивъ такимъ образомъ служеніе мое подъ начальствомъ вашимъ, поставляю однакожъ долгомъ сдѣлать вашему превосходительству полное донесеніе объ обстоятельствахъ, почему дѣла Вотчиннаго Департамента оставались не вывезенными по примѣру прочихъ мѣстъ, а равно и о моихъ усиліяхъ къ сохраненію сихъ дѣлъ во время пребыванія непріятеля въ Москвѣ и, наконецъ, о всѣхъ происшествіяхъ, которыя могутъ оправдывать мои дѣйствія въ сіе время безначалія,

*) Этой второй части Записокъ Бестужева-Рюмина мы не имѣемъ. Ея отсутствіе пополняется нижеслѣдующимъ его донесеніемъ. П. Б.

на пользу Отечества и несчастныхъ соотечественниковъ моихъ, находившихся со мною въ плѣну.

Въ началѣ Іюля совѣтникъ департамента, г. статскій совѣтникъ Аничковъ, по предложенію главнаго директора графа Дмитріева-Мамонова, уволенъ, по надобностямъ его, на 28 дней, а управленіе департаментомъ препоручилъ мнѣ. А какъ онъ, г. Аничковъ, явился на срокъ къ должности своей, то есть, въ первыхъ числахъ Августа мѣсяца, тогда изъявилъ я желаніе быть уволену на 28 дней по моимъ необходимостямъ въ Тульскую губернію, въ городъ Богородскъ. Присутствіе Вотчиннаго Департамента входило съ представленіемъ о семъ моемъ увольненіи къ главному директору, графу Дмитріеву-Мамонову, которой и изъявилъ на оное свое согласіе предложеніемъ, и потому 9-го Августа, получа паспортъ, я кончилъ присутствіе мое въ департаментѣ, однакожъ, по причинѣ болѣзненнаго состоянія жены моей, изъ Москвы не выѣхалъ.

18-го Августа получено отношеніе на имя департамента отъ г. главнокомандующаго въ Москвѣ, графа Ѳедора Васильевича Растопчина. Въ семъ отношеніи его сіятельство предлагалъ департаменту уложить дѣла онаго и имѣть ихъ въ готовности къ отвозу, буде нужда того потребуетъ, а о нужномъ количествѣ на то лошадей предоставилъ департаменту самому требовать отъ г. гражданскаго губернатора. Въ разсужденіи таковыхъ обстоятельствъ я почиталъ преступленіемъ оставить департаментъ, когда нужно было дѣйствовать къ спасенію его общими силами; и если я, по новости служенія моего въ ономъ мѣстѣ, не могу равнять себя противъ сотоварищей моихъ въ знаніи дѣлъ, принадлежащихъ оному департаменту, то могу сказать, что я болѣе ихъ чувствовалъ всю необходимость къ внутреннему спокойствію Отечества сохраненіемъ архива и дѣлъ онаго, и потому, возвратя данной мнѣ паспортъ, остался при должности моей. Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, въ семъ мѣстѣ сдѣлать нѣкоторое замѣчаніе. Въ предписаніи вашемъ г. статскому совѣтнику Огареву касательно меня сказано: «который не успѣлъ выѣхать». Сіе несправедливо вамъ донесено. Я не не успѣлъ выѣхать изъ Москвы, узнавъ объ опасности, а не хотѣлъ безъ особаго повелѣнія ни подъ какимъ предлогомъ оставить своего мѣста. Въ понятіи моемъ большая разница въ сихъ словахъ и въ отношеніи присяги, и въ отношенію усерднаго сына Отечества.

19 Августа присутствіе Вотчиннаго Департамента, по справкамъ оказавшимся, что въ архивахъ онаго находится книгъ въ переплетѣ, въ связкахъ и въ свертках всего числомъ 42.160, кромѣ текущихъ

дѣлъ, заключило опредѣленіемъ, всѣми тремя членами подписаннымъ, что на укладку и обвертку оныхъ къ сбереженію потребно около 10.000 рублей, а на отвозъ до 1.000 лошадей, полагая на каждую лошадь по 18 пудъ. Съ сего опредѣленія представлена копія на разрѣшеніе главному департамента директору, графу Дмитріеву-Мамонову, который съ своей стороны сдѣлалъ немедленно отношеніе, съ приложеніемъ сей копіи, къ главнокомандующему графу Растопчину, и просилъ меня, чтобъ оное доставилъ я лично въ руки его сіятельства, съ тѣмъ, что естьли нужны могутъ быть дальнѣйшія объясненія, то я, какъ членъ департамента, могу оными удовлетворить, не входя въ переписку. Я на другой день, по жительству графа Растопчина въ загородномъ его домѣ, отвезъ сіе графа Дмитріева-Мамонова отношеніе; съ 9 часовъ утра ждалъ свободнаго времени ему оное вручить, и въ 2 часа пополудни уже вручилъ. Въ отвѣтъ правитель канцеляріи его сіятельства, г. Руничъ, мнѣ объявилъ, что графъ Растопчинъ самъ будетъ отвѣтствовать графу Дмитріеву-Мамонову; съ симъ разрѣшеніемъ и вышелъ я изъ дому его.

29 Августа, по предписанію вашего превосходительства, вмѣсто графа Дмитріева-Мамонова особенной надзоръ за Вотчиннымъ Департаментомъ вы препоручить изволили 7-го Правительствующаго Сената департамента г. оберъ-прокурору и кавалеру Озерову, который въ сей же день и присутствовалъ въ Вотчинномъ Департаментѣ. Разсужденіемъ были: отношеніе въ оный графа Растопчина касательно укладки дѣлъ и заключеніе на сіе департамента, которое остается безъ разрѣшенія. Его превосходительство Озеровъ обѣщалъ лично говорить о семъ съ графомъ Растопчинымъ и приказалъ въ сей же день по вечеру быть мнѣ съ чиновниками въ департаментѣ, по случаю особеннаго засѣданія Сената господъ оберъ-прокуроровъ. Я приказаніе его выполнилъ и съ чиновниками моими находился до полуночи въ департаментѣ; однако настоящаго разрѣшенія никакого не получилъ о вывозѣ онаго дѣлъ; а г. оберъ-прокуроръ Озеровъ объявилъ, что, говоря о семъ съ графомъ Растопчинымъ, его сіятельство хотѣлъ сдѣлать сношеніе съ вашимъ превосходительствомъ.

31 Августа при выдаваемыхъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» была печатная прокламація (афишка), въ коей графъ Растопчинъ увѣрялъ честью своею и клялся сѣдинами главнокомандующаго арміями, свѣтлѣйшаго князя Кутузова, что Французскія войска не будутъ въ Москвѣ; а буде до того дойдетъ, то онъ, графъ Растопчинъ, созоветъ 100 т. молодцовъ, и самъ съ онými и съ образомъ Иверскія Божіей Матери встрѣтитъ непріятеля на Поклонной горѣ (за Дорогомилов-

скою заставою, 3 версты отъ Москвы). Въ сей день ввечеру началось волненіе въ народѣ, и многіе домы разбиты и разграблены.

1-го Сентября, по утру, въ 8 часовъ, пришелъ ко мнѣ на квартиру третій членъ департамента, г. надворной совѣтникъ Ивановъ, и просилъ моего согласія на отъѣздъ его изъ Москвы на 8 дней. Я не могу описать вашему превосходительству положенія, въ которомъ г. Ивановъ въ то время былъ: блѣденъ, трепещущъ, едва можетъ выговаривать слова, палъ съ сею просьбою къ ногамъ моимъ. Я не полагалъ, глядя на него, жить ему болѣе получаса на свѣтѣ, слѣдовательно, въ такомъ его положеніи никакой помощи ожидать не могъ къ спасенію департамента дѣлъ, если нужда къ тому будетъ, и потому согласился на отъѣздъ его. Въ 9 часовъ утра былъ я въ департаментѣ, но ни дежурныхъ, ни дневальныхъ въ ономъ не было, а находилось только тутъ человѣкъ пять инвалидныхъ солдатъ, при Департаментѣ служащихъ, изъ коихъ двое были пьяны. Я приказалъ вахмистру Гурилову призвать тѣхъ чиновниковъ и приказнослужителей, коимъ слѣдовало въ сей день быть безотлучно въ департаментѣ, а самъ я пошелъ въ Успенскій соборъ. Божественную литургію отправлялъ викарный архіерей, и служеніе съ необыкновенною торопливостію производилось; по окончаніи онаго, пришелъ я опять въ департаментъ, и какъ вахмистръ Гуриловъ мнѣ донесъ, что никого изъ дежурныхъ не отыскалъ, то я разсудилъ сдѣлать самаго себя стражемъ департамента и избралъ къ жительству своему пустую камору близъ 4-й части архива; его же, Гурилова, послалъ на квартиру свою привести ко мнѣ жену и малолѣтныхъ дѣтей моихъ, а при томъ, чтобъ онъ людямъ приказалъ не оставлять дому до самаго кряйняго часа. Въ 4 часа пополудни явились въ департаментъ нѣкоторые дневальные, извиняясь естественной надобностію отлучки ихъ. Я, во избѣжаніе подобныхъ отговорокъ, приказалъ отколотить одно нужное мѣсто, задѣланное прежде сего Кремлевскою Экспедиціею, въ надѣяніи, что дежурные чиновники не будутъ, подъ видомъ естественныхъ нуждъ своихъ, отлучаться изъ департаментскихъ каморъ. Между тѣмъ ходилъ я въ городъ и видѣлъ нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ изъ арміи офицеровъ, отъ коихъ и узналъ, что братъ мой родной, командующій Либавскимъ мушкатерскимъ полкомъ, живъ и обѣщался на другой день вмѣстѣ съ ними посѣтить меня. Волненіе въ народѣ было уже очень сильное, грабили даже домы; пьянство и озорничество оставались безъ всякаго опасенія быть наказану. Въ 9-ть часовъ вечера караулъ, стоящій на кругломъ дворѣ Сената, билъ вечернюю зорю, и я съ семействомъ моимъ ночевалъ въ департаментѣ.

2-го Сентября стоящій караулъ на дворѣ Сената ночью снятъ. Въ 8 часовъ начали сбираться въ департаментъ чиновники и приказнослужители; я нѣкоторымъ имѣлъ справедливую причину выговаривать за неисправленіе ихъ обязанностей, обѣщевая послать къ его превосходительству, г. коменданту, для наказанія; но секретарь Рыбниковъ съ язвительною усмѣшкою мнѣ отвѣтствовалъ на сіи угрозы: «Ни коменданта, ни главнокомандующаго, ни оберъ-полицеймейстера, ни квартальныхъ уже въ Москвѣ не находится»; а другой, тутъ же стоявшій, не помню кто, сказалъ: «Я сейчасъ видѣлъ, что по улицамъ пьяные таскаютъ мертвое тѣло» (тѣло Верещагина). Не продолжая далѣе моихъ выговоровъ, приказалъ я протоколисту Бородину написать журналъ, въ коемъ опредѣлилъ: «Поелику я одинъ составить цѣлаго присутствія Вотчиннаго Департамента не могу, и потому закрываю оное; а какъ истеченіемъ Августа мѣсяца чиновники и приказнослужители не получали за оной слѣдуемаго имъ жалованья, и Сената шестаго Департамента, отъ котораго долженъ я требовать о выдачѣ онаго разрѣшенія, въ Москвѣ не находится, а потому и опредѣляю: выдать, кому сколько слѣдуетъ, а равно, по раздачѣ онаго, выдать еще за два мѣсяца впередъ, на собственный мой отчетъ начальству». Подписавъ сей журналъ, приказалъ я расходчику Рудакову, вмѣстѣ съ г. к., ассес. и Вотчиннаго Департамента экзекуторомъ Гиринымъ (оной г. Гиринъ, съ семействомъ своимъ, во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ жилъ въ погорѣломъ каменномъ домѣ подъ сводами, и паденіемъ оныхъ окончилъ жизнь свою), принести изъ кладовой ящикъ съ ассигнаціями въ присутственную камору. Въ оном находилось наличными 8.125 р., сверхъ того должно числить наличными же взятые подъ росписки въ счетъ жалованья чиновниками 250 р., мѣдной же монеты сколько было, не могу заподлинно сказать, ибо я оной не видалъ.

Я долженъ извѣстить ваше превосходительство, что по приходу и расходу денежной казны въ департаментѣ, завѣдывалъ сію часть третій членъ надворный совѣтникъ, который, не отдавъ отчету наканунѣ, изъ Москвы уѣхалъ; также и секретарь по оной части Воробьевъ (изъ господскихъ людей) уѣхалъ безъ спросу еще 30 Августа, и обыкновеннаго денежной казны свидѣтельства за Августъ мѣсяцъ дѣлано не было, и вѣдомость присутствію объ остаткѣ суммы къ Сентябрю мѣсяцу не представлена.

По принесеніи ящика съ деньгами, я выдалъ расходчику Рудакову, для раздачи за Августъ мѣсяцъ чиновникамъ жалованья, 1.500 р., за тѣмъ остальные 6,625 р., не отдавая уже въ кладовую, оставилъ

при себѣ, а мѣдную монету, сколько оной въ кладовой находилось, приказалъ перенести въ присутственную камору.

Я сіе учинилъ потому, что, послѣ раздачи за Августъ мѣсяцъ, долженъ я былъ выдать, въ согласность журнала моего, за два мѣсяца впередъ, а еще болѣе и потому, чтобъ, въ случаѣ какого несчастія, самому мнѣ, какъ начальнику департамента, за оную сумму отвѣтствовать, не объявляя и не ссылаясь, въ растратѣ или похищеніи оной, быть причиною кому изъ подчиненныхъ мнѣ.

До двухъ часовъ пополудни расходчикъ Рудаковъ не кончилъ еще раздачи жалованья за Августъ мѣсяцъ, и чиновники разошлись по домамъ, а остались одни только дежурные. Въ три часа непріятель взошелъ въ Кремль конницею, подъ командою короля Неаполитанскаго (Murat). Я заперъ двери департамента, приказавъ никого не выпускать и не впускать. Люди мои, оставшіеся на квартирѣ, прибѣжали въ четыре часа, сказывая, что Французскія войска по всѣмъ улицамъ разсѣялись. Въ восемь часовъ вечера сильное пламя показалось въ Китаѣ-городѣ, въ москательномъ ряду. Я почевалъ съ семействомъ моимъ въ департаментѣ.

Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, при семъ просить вашего начальническаго защищенія противъ клеветы, которую расходчикъ Рудаковъ въ рапортѣ своемъ, до свѣдѣнія вашего дошедшемъ, показалъ, будто я, до вторженія Французовъ въ Москву, за нѣсколько часовъ, мѣдную монету, въ департаментѣ находящуюся, приказалъ перевезти на свою квартиру.

Я не только не отвозилъ на квартиру свою мѣдной монеты, но на квартирѣ уже и не былъ, какъ оставилъ оную наканунѣ дня, то есть, 1 Сентября, въ чемъ и самъ Рудаковъ сознался въ коммисіи; а потому покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать наказать его въ примѣръ, чтобы не клеветали на своихъ начальниковъ. Я, кромѣ чувствительнаго огорченія, что такая клевета могла дать вамъ обо мнѣ худое мнѣніе, имѣлъ еще ту непріятность, что съ симъ клеветникомъ долженъ быть въ коммиссіи стать на одну доску и себя оправдывать. Равнымъ образомъ прошу ваше превосходительство приказать предать сужденію по законамъ и бывшаго въ департаментѣ по части денежной казны секретаремъ Воробьева, которой оставилъ свое мѣсто 30 Августа безъ спросу и не отдавъ въ имѣющейся наличной суммѣ отчету; я бы нимало не задержалъ его, ибо, по закрытіи присутствія, многимъ чиновникамъ, меня проспвшимъ, подписалъ билеты для свободнаго выѣзду изъ Москвы.

Въ продолженіе ночи сей никто изъ непріятелей въ департаментъ не ходилъ; но видимо было, что множество мародеровъ бѣгали въ комнатахъ Сената со свѣчами и съ обнаженными саблями, выкидывали изъ оконъ на круглой Сената дворъ столы и стулья, гдѣ и разложенъ былъ огонь.

3-го Сентября, въ 9 часовъ утра, явился я въ Кремлевской дворецъ и просилъ Наполеона о покровительствѣ въ сохраненіи архивовъ департамента, коихъ я, какъ сказалъ ему, былъ начальникъ. Посланъ со мною секретарь его, г. Делорнъ-де-Девилль, освидѣтельствовать оные, которой, посмотрѣвъ ихъ, повелъ меня обратно во дворецъ. По сей часъ никто изъ непріятелей въ департаментъ не входилъ. Пришедъ во дворецъ, маршалъ, герцогъ Фріульской объявилъ мнѣ благоволеніе своего императора, а вмѣстѣ съ онымъ и обѣщаніе, что архивы останутся въ цѣлости, и вслѣдствіе сего приказалъ одному полковнику дать 4-хъ часовыхъ, для каждой галлереи по одному. Съ симъ полковникомъ и часовыми пошелъ я въ департаментъ, а пришедъ въ оной, нашелъ каморы департамента уже занятыми старой гвардіи солдатами; кладовая, въ которой ничего не было, взломана; семейство мое, совершенно обобранное маршала, герцога Истрійскаго, штабомъ, въ присутствіи самаго его; они накинулись на кое-что, бывшее у меня съѣстное, какъ голодные волки, и отняли при томъ ларчикъ съ бумагами, въ которомъ находилось 3.500 р. ассигнаціями казенныхъ денегъ и 800 р. моихъ собственныхъ.

Когда непріятель взошелъ въ Кремль, въ то время, дабы сохранить оставшіяся у меня казенныя деньги, всего 6.625 р. ассигнаціями, я раздѣлилъ, къ лучшему сбереженію сей суммы, на участки: 3.500 р. положилъ въ ларчикъ съ бумагами, въ коемъ находилось и мнѣ собственно принадлежащихъ 800 р., 3.000 р. спряталъ въ боковой карманъ фрака малолѣтняго сына моего (12 лѣтъ) уповая, что младенчество его избѣгнетъ грабежа, 125 р. спряталъ у себя подъ чулки къ подошвамъ. Сверхъ оныхъ денегъ было еще у меня моихъ собственныхъ червонныхъ и серебряной монеты, кои я спряталъ. . . . . по благопристойность не позволяетъ назвать мѣста. Мѣдную же монету я оставилъ въ комнатѣ департамента.

Въ самомъ жалкомъ состояніи нашелъ я семейство мое, взошедъ, съ полковникомъ и часовыми, въ комнату, въ которой они находились. Изъ архива департамента, однако, высланы были всѣ солдаты и къ дверямъ оныхъ поставлены часовые; ко мнѣ же въ комнату поставленъ офицеръ Голландской гвардіи съ своими тремя деньщиками. Моей команды солдаты, при департаментѣ служащіе, напились пьяны и

вышли ко мнѣ изъ повиновенія, а вахмистръ Гуриловъ изъ окна упалъ на дворъ и убился до смерти. Въ 9 часовъ вечера сильный дымъ показался на Арбатѣ (комнаты Вотчиннаго Департамента имѣютъ видъ въ три стороны города).

4 Сентября огонь сильно дѣйствовалъ кругъ Кремля, и Троицкая башня съ часами уже выгорѣла, въ разсужденіи чего всѣ старой гвардіи солдаты, квартирующіе въ Сенатскомъ домѣ, коихъ было около 5.000 человѣкъ (о числѣ оныхъ они сами сказывали), высланы были къ потушенію огня. Наполеонъ выѣхалъ изъ Кремля въ Петровской дворецъ. Русскимъ же, кои находились въ Кремлѣ, велѣно было всѣмъ оставить оной, и я, выходя со всѣми, при мнѣ бывшими, изъ департамента, въ которомъ долженъ былъ оставить имущество мое и мѣдную монету, казнѣ принадлежащую, былъ на площади, что̀ противъ Сената, совершенно обнаженъ: у меня отняли сюртукъ и капотъ, въ присутствіи самаго командующаго генерала, Ле-Гросса, которой былъ на сей разъ пьянъ; а одинъ солдатъ едва меня не прокололъ штыкомъ ружья своего, называя насъ зажигателями. Съ сына моего 12-ти лѣтъ, къ которому въ карманъ кафтана положилъ я 3.000 р., сорванъ кафтанъ и фракъ, и оставленъ онъ въ одной рубашкѣ; у младенца же семи недѣль, при мнѣ съ матерью находившагося и котораго мать отъ испуга не могла кормить грудью, отняли полбутылки молока; а двухъ приказнослужителей, тутъ же при мнѣ бывшихъ, Бутурлова и Пищулина, взяли въ работу къ себѣ. Въ такомъ горестномъ положеніи, по усильной просьбѣ моей, далъ маршалъ, герцогъ Фріульской, до квартиры мнѣ провожатаго. Сему провожатому, по имени Сабле, я и мое семейство обязаны жизнью. Онъ довелъ насъ до Сухаревой башни благополучно, и въ знакъ благодарности моей я отдалъ ему образъ Божіей Матери, сохраненный мною на груди и коего золотая оправа стоила 80 червонныхъ. Я не описываю вашему превосходительству ужасовъ, которымъ я дорогою былъ свидѣтель: оные не принадлежатъ къ сохраненію дѣлъ департамента. Такимъ образомъ ночевали мы въ домѣ Познанскаго, что̀ у Сухаревой башни.

5 Сентября. Я не распространяюсь въ описаніи и сего ужаснаго дня, ибо намѣреніе мое увѣдомить вашего превосходительство о дѣлахъ ввѣреннаго мнѣ департамента, а я, вышедъ уже изъ онаго, не могу знать, что̀ тамъ происходило. Въ сей день горѣли Срѣтенская часть, что̀ у Сухаревой башни, и самой тотъ домъ, въ которомъ я ночевалъ, обѣ Басманныя улицы и Нѣмецкая Слобода. Я съ семействомъ моимъ и другими приставшими ко мнѣ людьми укрывались отъ мародеровъ, вездѣ грабившихъ, въ одномъ огородѣ, близъ церкви Спаса что̀ во Спасскомъ, которая, въ два часа пополудни, загорѣлась. Среди сего

огорода былъ прудъ, и мы овощами утолили нѣсколько голодъ, насъ мучившій, но не избѣгли однакожъ прозорливости мародеровъ; двое изъ нихъ пришли насъ грабить; въ виду же оныхъ было болѣе ста человѣкъ. Бѣдныя творенія! И они были безъ сапоговъ, безъ рубашекъ, платье едва наготу ихъ прикрывало; они, обнаживъ тесаки, требовали наши сапоги и другія вещи, въ которыхъ самую необходимость имѣли. Безумное дѣло, казалось, сопротивляться, и потому отдавали имъ, что̀ надобно. Ваше превосходительство, можетъ быть, не имѣете точнаго понятія, что̀ такое за люди передовыя войска Французской арміи, вторгнувшейся въ Москву, а потому позвольте мнѣ сдѣлать описаніе случившемуся со мною въ огородѣ приключенію. Насъ было въ оном̀ около 50 человѣкъ; большая часть были женщины. Пришедшіе два мародера, видя, что мы ни малѣйшаго сопротивленія ихъ нахальнымъ требованіямъ не дѣлаемъ, вздумали раздѣвать женщинъ и искать сокровищъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ только Алжирскіе корсеры ищутъ. Я, боясь, чтобъ подобной обыскъ не былъ сдѣланъ и женѣ моей, подошелъ къ нимъ, и сказалъ: «Messieurs! Vous pouvez prendre tout ce que vous voyez sur nous; mais si vous osez y toucher les dames et les femmes, qui sont ici, au nom du Créateur, que vous ne reconnaissez pas, je jure de vous faire jetter dans cet eau bourbeuse», показывая на прудъ. Они съ симъ словомъ вложили тесаки свои въ ножны и уходя отвѣтствовали: «Ah! Monsieur, si vous agissez comme cela, nous sommes bien vos très humbles serviteurs.... vos très humbles serviteurs», повторили еще, и пошли прочь. Вотъ герои, овладѣвшіе Москвой!!

Я оставилъ огородъ по причинѣ, что заборъ и дерева въ оном̀ уже загорѣлись, и вышелъ въ поле между Троицкою заставою и Сокольниками, гдѣ и ночевалъ.

6 Сентября. Находя большія препятствія, или лучше сказать никакой возможности не предвидя чтобъ могъ оставить городъ Москву съ семействомъ моимъ и другими приставшими ко мнѣ людьми, я рѣшился войти въ Москву; мы три дни уже не видали куска хлѣба, и бѣдныя дѣти мои, истощивъ себя, плакали. Гласъ и чувство природы требовали моего объ нихъ попеченія. Я пришелъ на Тверскую улицу и у самыхъ Воскресенскихъ воротъ встрѣтилъ Наполеона съ его штабомъ верхами. Я скинулъ шляпу, и уповательно Наполеонъ узналъ меня, хотя былъ я нагъ и босъ и имѣлъ только лакейскую шинель на себѣ; ибо, посмотрѣвъ на меня, что-то сказалъ бывшему сзади его чиновнику, который тотчасъ и подъѣхалъ ко мнѣ; въ семъ чиновникѣ узналъ я секретаря его г. Делорна-де-Девилля, который, узнавъ меня,

вскричалъ «Ah Monsieur Bestoujeff, dans quelle situation je vous vois!».... Я отвѣтствовалъ: «C'est le sort de la guerre!»—«Où est votre femme, vos enfans?» примолвилъ онъ.—«Vous les voyez», показывая на нихъ (жена въ рубищѣ, а дѣти босы).—«Ah, Dieu!»... И на глазахъ его слезы показались. Изъ многихъ окружавшихъ насъ приказалъ онъ одному полковнику штаба маршала принца Невштельскаго (Bertier), по имени г. Фонъ-Зейденъ Нивельту, именемъ императора своего, взять меня подъ покровительство. Г. подполковникъ избралъ домъ для жительства на Петровкѣ, близъ Петровскаго монастыря, бывшій князя Одоевскаго, а нынѣ губернской секретарши Дурновой. Управитель сего дома, Иванъ Александровъ, оставшійся въ Москвѣ наканунѣ дня, заколонъ Польскими грабителями. Чрезъ два дня потомъ вступили въ оной же домъ для квартированія 50 человѣкъ молодой гвардіи съ 3 офицерами. Подъ покровительствомъ оныхъ жилъ я со всѣми при мнѣ бывшими безопасно и до 16 Сентября не выходилъ изъ комнатъ.

Сей день, 16 Сентября, былъ самой ужаснѣйшій въ жизни моей; описаніе онаго не принадлежитъ къ предмету моего донесенія.

16 Сентября, сысканъ будучи Французскою полиціею, по приказу 9 числа, представленъ я къ графу Мило (commendant de la ville). Онъ за подписаніемъ своимъ далъ мнѣ записку, съ которою долженъ я былъ явиться къ маршалу герцогу Тревизо (Mortier, general-gouverneur de Moscou). Я не могу довольно нахвалиться привѣтствіемъ и ласкою сего маршала. Онъ спросилъ меня: «Я ли тотъ надворный совѣтникъ Бестужевъ, которому препоручены были архивы въ Кремлѣ?» Мой отвѣтъ былъ, что его превосходительство не ошибается: «Я самой тотъ». Онъ изъявилъ искреннее сожалѣніе къ моему несчастному положенію и предлагалъ не только одежду мнѣ, но даже денежное вспомоществованіе, которыхъ, однакожъ, я не принялъ. Онъ объявилъ при томъ, что учреждается Отеческое Градское правленіе (Municipalité Paternelle), въ которомъ, по особенной волѣ его императора, и я долженъ присутствовать. Я на первой разъ сдѣлалъ было отрицаніе мое объ участвованіи въ ономъ; но маршалъ, герцогъ Тревизо, сказалъ, что его муниципалитетъ учреждается не въ пользу Французовъ, а напротивъ учрежденіемъ онаго находятъ единое средство защитить несчастныхъ соотечественниковъ моихъ отъ грабежа, насилій и обидъ; слѣдовательно и отказываться мнѣ отъ участвованія въ семъ намѣреніи будетъ съ моей стороны несправедливо, и находитъ въ принятіи моего отрицанія затрудненія въ томъ еще, что долженъ донести объ ономъ своему императору, а чтобъ я не имѣлъ сомнѣнія, что оное учрежденіе

для пользы моихъ сограждапъ, показалъ и пнструкцію сему предполагаемому муниспналптету. Я, не находя въ оной ничего противнаго совѣсти моей, нп нарушенія присяги, пзъявплъ свое согласіе. Вслѣдствіе сего и далъ онъ мнѣ, маршалъ, свидѣтельство (родъ патента), съ котораго при семъ прилагаю копію подъ № 1. А дабы въ новомъ семъ званіи лично обезопасить меня отъ обидъ непріятельскпхъ войскъ, а равно, чтобъ я могъ на улицахъ, въ случаѣ нужды, защитить соотечественниковъ моихъ, приказано носить мнѣ на лѣвой рукѣ красную узкую ленту и съ праваго плеча на лѣвое перевязь красную же. Я узкой ленточки на рукѣ не носилъ, потому только, что не могъ нигдѣ достать оной, а когда выходилъ со двора, тогда имѣлъ на себѣ подъ шинелью перевязь красную по камзолу (фрака не было) сію перевязь сдѣлалъ я пзъ ленты ордена святаго Александра Невскаго, доставшейся мнѣ по наслѣдству отъ дѣда моего и служившей по рожденіи мнѣ въ пеленахъ свивальникомъ. Дѣйствительно, Французскія войска оказывали большое уваженіе къ сему знаку, и я имѣлъ счастіе человѣкъ пять на улицѣ защитить отъ грабежа, а при томъ всѣ, прибѣгавшіе подъ защиту въ домъ, которой я съ г. подполковникомъ Фонъ-Зейденъ-фонъ-Нивельтомъ занималъ, были, по крайней мѣрѣ, уже безопасны, ибо и на воротахъ онаго дома былъ билетъ: «Logement d'adjoint au maire de la ville»; и таковыхъ пришельцовъ было болѣе 50 человѣкъ, коимъ я отъ части и хлѣба давалъ. Впрочемъ, въ учрежденномъ муниспипалитетѣ я имѣлъ двѣ экспедиціи подъ моимъ особеннымъ надзоромъ: 1-я «Approvisionnement des malheureux habitants de la ville», 2-я: «Secours aux indigents»; но по обоимъ симъ предметамъ оставался въ дѣйствіяхъ моихъ безполезенъ, потому что не имѣлъ къ тому способовъ: въ хлѣбѣ самъ очень нуждался, а денежныхъ пособій не дѣлалъ, потому что денегъ у меня не было.

Ежели поставить мнѣ въ преступленіе, что я, до вторженія въ Москву не имѣвъ о выѣздѣ повелѣнія, самъ собою не догадался бѣжать изъ города, и съ нарушеніемъ присяги оставилъ бы дѣла Вотчиннаго Департамента на произволъ, въ такомъ случаѣ я, въ оправданіе свое, ничего сказать не могу и заслуживаю наказаніе по законамъ, буде на таковой мой проступокъ есть постановленіе; если же, напротивъ, поступокъ мой, что я безстрашно сохранилъ мѣсто свое, не взирая на разглашенія о всѣхъ жестокостяхъ, производимыхъ непріятелемъ, имѣя въ виду единое спасеніе дѣлъ, надзору моему ввѣренныхъ, не вмѣняется мнѣ въ преступленіе; слѣдовательно, оставшись, такимъ образомъ, во власти непріятеля, по долгу службы моему Отечеству, не въ другомъ чемъ можно отъ меня требовать и отчета, какъ

только: не нарушилъ ли я присяги законному моему Государю? Не сдѣлалъ ли я предательства или измѣны Отечеству, открытіемъ тайны моего правительства? Или, возгордясь нѣкоторымъ оказаннымъ мнѣ отличіемъ, не дѣлалъ ли я какія насилія несчастнымъ соотечественникамъ моимъ, терпѣвшимъ равную участь со мною? Присяги законному моему Государю я ни въ какомъ смыслѣ не нарушилъ, ибо особу Его Императорскаго Величества я люблю, какъ Россіянинъ; предательства, или измѣны Отечеству открытіемъ тайнъ правительства не учинилъ; да и что̀ можетъ знать чиновникъ, роющійся въ Москвѣ въ архивахъ Вотчиннаго Департамента, о дѣлахъ Комитета Министровъ въ С.-Петербургѣ? Касательно же до притѣсненія или обидъ сотоварищамъ общаго со мною несчастія, на меня жалобъ ни отъ кого нѣтъ, и оныхъ быть не можетъ, ибо я поступалъ со всѣми по собственной волѣ сердца своего. Между 50.000 человѣкъ обоего пола людей, оставшихся въ Москвѣ во власти непріятеля, многіе, въ почетныхъ чинахъ состоявшіе, рубили Французамъ дрова, носили воду, или другіе имѣли ноши (butin, какъ они называютъ), и иногда путешествіе пхъ съ оными было отъ Москвы до Всесвятскаго, а отъ Всесвятскаго до Коломенскаго; а я не только не дѣлалъ подобныхъ послугъ имъ, но, охраняя по должности своей, дѣла Вотчиннаго Департамента, былъ еще защитникомъ соотечественниковъ моихъ отъ обидъ, сохранилъ и присягу къ Государю, и любовь къ Отечеству; отказаться же отъ возложенной на меня должности засѣданія въ муниципалитетѣ значило воспротивиться волѣ императора Наполеона безумнымъ упрямствомъ, коего слѣдствіемъ, въ примѣръ другимъ, была бы мнѣ смерть постыдная. Я взиралъ бы и на оную равнодушно; ибо чувствую, что есть что-то выше человѣка, и безтрепетно предстану на судъ къ сему существу, котораго не постигаю; совѣсть моя чиста! Но осмѣливаюсь спросить: могла ли быть смерть моя въ то время полезна для Отечества! Нѣтъ, нѣтъ, ваше превосходительство. Теперь недостаетъ самой малой только части дѣлъ, къ Вотчинному Департаменту принадлежащихъ, а со смертью моею, можетъ быть, ни одного бы не было, и если дѣла Вотчиннаго Департамента нужны для блага Отечества, то и жизнь моя нужна была; ибо сохраненіе оныхъ дѣлъ сопряжено было съ моимъ усердіемъ.

18 Сентября, съ соизволенія маршала, герцога Тревизо, который мнѣ письмо далъ къ маршалу, герцогу Данцигскому (Le Febre), командующему въ Кремлѣ, входилъ я въ Вотчинной Департаментъ въ сопровожденіи адъютанта сего послѣдняго и, къ великой радости моей и удивленію, увидѣлъ, что всѣ дѣла были совершенно въ томъ же по-

рядкѣ, въ которомъ я оныя оставилъ; и часовые, тутъ стоявшіе, сказали, что имѣютъ повелѣніе никого не впускать въ галлерею архива, но напротивъ въ присутственной каморѣ, въ моей бывшей комнатѣ, и въ другихъ компатахъ, къ которымъ не поставлены были часовые, всѣ вещи въ оныхъ обобраны и все переломано; ибо занимали оные солдаты постоемъ, и я всего имущества лишился; изъ числа же мѣдныхъ денегъ, казнѣ принадлежащихъ и которыя я, выходя 4 Сентября оставилъ, находилось еще семь мѣшковъ.

23 Сентября былъ я опять, съ его же, маршала, герцога Тревизо, позволенія, въ Вотчинномъ Департаментѣ, и, по случаю вступившихъ въ Кремль къ квартированію новыхъ двухъ полковъ, галлереи смотрѣть, чтобъ дѣлъ не расхищали; однакожъ я примѣтилъ, что они книги употребляли на постилку вмѣсто кроватей, и потому разсудилъ, къ лучшему сбереженію, подать письменную просьбу на имя Наполеона, которую самъ и сочинилъ.

25 Сентября подалъ оную просьбу маршалу, герцогу Тревизо, на разсмотрѣніе.

Въ сей день, по полудни въ 6 часовъ, подавъ просьбу мою маршалу, онъ просилъ меня остаться у него. Между разговорами я объявилъ, что, при вшествіи Французскихъ войскъ въ Москву, имѣлъ при себѣ казенныхъ денегъ 6.625 р. ассигнаціями, кои у меня отняты, не взирая, что Наполеономъ обѣщано мнѣ покровительство. Онъ отвѣчалъ, улыбаясь: «Справедливѣе бы было вамъ просить о своей собственности, которую вы потеряли; а что касается до казеннаго, то оное правомъ войны (butin, droit de la guerre) принадлежитъ имъ, побѣдителямъ». Впрочемъ, Бога поставляю во свидѣтели, что сей маршалъ, сколь часто ни былъ я у него, но онъ не только со мною, но при мнѣ и съ другими, никогда на счетъ правительства нашего не говорилъ.

29 Сентября маршалъ, герцогъ Тревизо, возвратилъ мнѣ просьбу мою на имя Наполеона, съ нѣкоторыми поправками въ этикетѣ.

4 Октября, пополудни въ 6 часовъ, подалъ оную я лично въ Кремлевскомъ дворцѣ (копію, каковую подалъ, здѣсь прилагаю подъ № 2) и отвѣту на тотъ часъ не имѣлъ; а генералъ-адъютантъ его, графъ Нарбоннъ, вышедъ изъ внутреннихъ покоевъ Наполеона, сказалъ: «Si vous voulez passer demain chez moi, vous aurez prendre réponse».

5 Октября, поутру въ 6 часовъ былъ я у графа Нарбонна, и онъ мнѣ сказалъ, что Императоръ его находитъ просьбу мою совер-

шенно справедливою и, похваляя притомъ усердіе мое на пользу Отечества, обнадеживалъ, что сокровища сіи отъ войска его останутся невредимы; а какъ просилъ я повелѣніе оныя собрать въ одну залу, то о семъ приказаніе дано маршалу, герцогу Тревизо, не только къ сему допустить, но и оказать въ ономъ вспомоществованіе.

Въ полдень видѣлъ я знакомаго уже мнѣ секретаря, г. Делорнаде-Девилля, который сказалъ, что онъ читалъ мою просьбу къ его императору, и что Наполеонъ въ первыхъ словахъ своихъ сказалъ: «Этотъ чиновникъ съ своею архивою мнѣ уже наскучилъ», и потомъ далъ приказаніе графу Нарбонну.

6 Октября. Хотя въ сей день и ничего такого не воспослѣдовало, что́ касалось бы до предмету моего донесенія вашему превосходительству, однакожъ я не могу умолчать о такомъ обстоятельствѣ, которое въ великія хлопоты меня ввело. Въ 8 часовъ вечера, когда я готовился уже ложиться спать, пришелъ ко мнѣ изъ Кремля солдатъ старой гвардіи, по имени Сабле, самой тотъ, которой провожалъ меня 4-го Сентября изъ Кремля до Сухаревой башни. Онъ пожелалъ со мною проститься, какъ самъ сказывалъ, и пожелать мнѣ всякаго благополучія; ибо завтрашній день, съ восходомъ солнца, отданъ приказъ имъ выступить въ походъ; и послѣ получаса разговору ничего незначущаго, распрощавшись со мною, просилъ меня, чтобъ я проводилъ его десять шаговъ только, и когда я сіе учинилъ, оставшись съ нимъ одинъ, то, взявъ онъ меня за руку, сказалъ: «Sauvez vous, mon cher, si vous pouvez; le Kremlin va sauter en pair, aussi bien qu'une autre place, tout près de votre cy-devant» (онъ разумѣлъ пушечной дворъ, что́ близъ Сокольниковъ) «On va meme donner les ordres de massacrer tout ce qui porte les armes et de mettre le feu à toutes les maisons qui n'ont pas été incendiées». Я оставляю судить вашему превосходительству, въ какомъ положеніи долженъ я былъ находиться, имѣя въ глазахъ моихъ дѣтей, содѣлывающихся жертвою смерти, и Богъ знаетъ какой еще смерти!

7 Октября, въ 6 часовъ утра, Наполеонъ, съ старою гвардіею, оставилъ Москву. Молодая гвардія, подъ командою герцога Тревизо, вступила на квартиры въ Кремль. Самъ маршалъ переѣхалъ въ Кремлевской дворецъ. Я, по поводу поданной просьбы моей Наполеону, говорилъ съ маршаломъ, который въ отвѣтъ сказалъ, что въ теперешнемъ обстоятельствѣ сіе излишне будетъ, ибо и остальныя войска скоро оставятъ Москву; а между тѣмъ приказалъ при мнѣ полковнику, командующему тѣмъ полкомъ, который занялъ комнаты Вотчиннаго

Департамента, чтобъ дѣлъ не расхищали и, такимъ образомъ, я простился съ маршаломъ и болѣе его уже не видалъ. Кордонъ передовыхъ Французкихъ войскъ стоялъ по бульвару.

8 Октября, въ два часа пополудни, взорваны ящики съ порохомъ на пушечномъ дворѣ. Кордонъ былъ еще по бульвару, перестрѣливаясь часто съ нашими мужиками.

9 Октября, не находя себя уже въ безопасности въ домѣ г. Дурновой, ибо солдаты молодой гвардіи съ ихъ офицерами перешли въ Кремль, я разсудилъ также съ семействомъ моимъ искать спасенія въ Воспитательномъ домѣ, и его превосходительство Иванъ Акинѳіевичъ Тутолминъ далъ мнѣ, по милости своей, въ оном комнату, въ которой я помѣстился.

10 Октября, около 4 часовъ по полудни, услышали мы, что командующій корпусомъ Россійскихъ войскъ, баронъ Винценгероде, взятъ въ полонъ близъ Тверскихъ воротъ и приведенъ въ Кремль. Въ 8 часовъ вечера зажгли Французы Винной дворъ и вскорѣ потомъ домъ главнаго Кригсъ-коммисаріата. Въ 11 часовъ зажженъ Кремлевской дворецъ, и Французскія войска, подъ командою маршала, герцога Тревизо, оставшіяся, вышли изъ Москвы чрезъ Каменной мостъ по Калужской дорогѣ.

11 Октября, въ два часа по полуночи, взорванъ Кремль въ пяти мѣстахъ. Въ 7 часовъ входилъ я въ оной, и стеченіе Русскаго народа было несказанно; Вотчинной же Департаментъ, въ каморахъ котораго Французы оставили бочекъ съ двадцать вина и въ архивахъ картофелю и сукна, былъ полонъ мужиковъ, и ужаснѣйшаго буйства отъ оныхъ въ пьянствѣ ихъ описать нельзя. Въ три часа по полудни пришли казаки.

12 Октября, въ 10 часовъ утра, поставленъ былъ вокругъ Кремля караулъ, и никого въ оной не впускали, а въ пять часовъ по полудни я оставилъ Москву, ибо былъ совершенно нагъ и со всѣмъ семействомъ, въ чемъ засвидѣтельствовать можетъ его превосходительство Иванъ Акинѳіевичъ Тутолминъ, съ которымъ я простился, поблагодаря его за квартиру. Пребываніе мое было въ деревнѣ братьевъ моихъ и въ волостяхъ графа Бобринскаго, къ котораго великодушію прибѣгнулъ я, прося о вспомоществованіи.

Я не знаю, почему г. генералъ-маіоръ Иловайской 4-й, въ рапортѣ своемъ къ Государю Императору, написалъ касательно меня «скрылся»; равно не знаю, почему о себѣ написалъ, что онъ «вытѣс-

пилъ непріятеля изъ Кремля». Донесеніе совсѣмъ несправедливое, и разница большая въ послѣдствіяхъ его рапортовъ; спросить надобно тѣхъ, кои были въ то время въ Москвѣ, тогда и справедливость его донесенія усмотрѣть можно будетъ, котораго бы и слѣдствія были совершенно противны.

22 Ноября, узнавъ о донесеніи г. генералъ-маіора Иловайскаго 4-го изъ газетъ, я ни мало не мѣшкалъ явиться въ Москву къ г. главнокомандующему, графу Ѳедору Васильевичу Растопчину, и вскорѣ потомъ учреждена коммиссія по именному Его Императорскаго Высочества повелѣнію о разобраніи, виновны ли тѣ, кои, при нахожденіи Французовъ въ Москвѣ, имѣли должности? А какъ сія коммиссія для насъ уже кончилась, то, вмѣстѣ съ окончаніемъ оной, и донесеніе мое о сихъ обстоятельствахъ честь имѣю вашему превосходительству представить.

Симъ и оканчиваю мое донесеніе. Жалѣю, что не могу оное покончить увѣдомленіемъ, сколько осталось въ Вотчинномъ Департаментѣ дѣлъ въ совершенной цѣлости; ибо, извѣстившись, что вы запретили мнѣ присутствовать въ ономъ, я болѣе уже и не домогался узнать, въ какомъ состояніи находятся тамъ дѣла. Само Провидѣніе къ сохраненію большей части оныхъ внушило вашему превосходительству дать мнѣ сіе мѣсто, и я смѣло могу сказать, что ни одинъ изъ сочленовъ моихъ не дѣлалъ бы такихъ усилій къ спасенію сихъ дѣлъ, и съ такимъ притомъ пожертвованіемъ, съ которымъ я старался исполнить долгъ присяги моей. А не стану искать дальнихъ доказательствъ въ разности служенія, которую предполагаю имѣть въ разсужденіи сотоварищей моихъ; ибо я, не взирая на всѣ неистовые поступки непріятеля съ побѣжденными, оставаясь, жертвовалъ не только своею жизнью, но и жизнью семейства моего и малолѣтнихъ дѣтей; гласъ природы умолкъ при исполненіи моихъ обязанностей, обязанностей сына Отечества (свидѣтель можетъ судить о моихъ поступкахъ); а товарищи мои, напротивъ, оставя въ Москвѣ только то, что̀ вывезть не могли, сами удалились и возвратились опять въ Москву въ половинѣ Февраля, и непріятель очистилъ оную 11-го числа Октября, и возвратились не съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать опись оставшимся дѣламъ, хотя имѣютъ въ отчетѣ оныхъ равное участіе со мною, но въ срокъ подать объявленія о потерѣ своей, которую могли претерпѣть съ разрушеніемъ Москвы. Повѣрьте, ваше превосходительство, что я не менѣе ихъ потерялъ, но сію потерю я приношу въ дань любезному моему Отечеству.

Я увѣдомился отъ пріѣхавшаго изъ С.-Петербурга, что ваше превосходительство въ большомъ негодованіи на меня въ разсужденіи не-

сбереженія суммы денегъ, оставшейся въ Вотчинномъ Департаментѣ. Я оными не покорыстовался; сія сумма очень недостаточна усыпить совѣсть мою, если бы къ несчастію и имѣлъ ее сопливою. Изъ донесенія моего вы видѣть можете, какимъ случаемъ и въ какое время оная у меня похищена, и я еще всего собственнаго лишился; впрочемъ, почему товарищи мои не увезли ея съ собою? Не скрою, однакожъ, отъ вашего превосходительства, что я имѣлъ случай во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ оную потерю пополнить, ибо они за 10 р. серебромъ давали мѣшокъ мѣдной монеты; а какъ я нѣсколько червонныхъ и серебряной монеты имѣлъ счастіе сберечь, то по такому курсу и легко могъ вознаградить. И если бъ я въ глазахъ вашихъ могъ получить такимъ способомъ какую нибудь цѣну ревности служенія моего, то напротивъ самъ себя возгнушался бы; ибо сія мѣдная монета принадлежала бы Казенной Палатѣ и Банку, коей оставлено было до нѣсколько сотъ тысячъ; или принадлежала бы частнымъ людямъ, которую они грабежемъ доставали, и притомъ послѣдствіе показало, что и оное не могло быть твердо, не имѣя мѣста, гдѣ бы сію сумму въ мѣдной монетѣ сохранять, а потому вошедшіе казаки и мужики все бы разграбили, когда уже не пощадили они Воспитательнаго Дома, котораго и жестокіе непріятели не трогали.

Я откровенно долженъ признаться вашему превосходительству, что нимало не дорожу мѣстомъ, членомъ быть Вотчиннаго Департамента, и истина уже навсегда оставить усердію моему память въ ономъ; но не могу скрыть чувствительнаго моего огорченія, что лишаюсь начальника, котораго въ душѣ моей уважаю; и въ мысляхъ моихъ, кто могъ въ сказкѣ дать правило воспитанію льва, тотъ конечно не по наслѣдству и не хитрыми происками получилъ блистательное званіе министра юстиціи, но по достоинствамъ своимъ занимаетъ, и подчиненный такому начальнику имѣетъ уже въ предметѣ справедливую награду своему усердію.

Въ заключеніе сего осмѣливаюсь просить ваше превосходительство назначить время, съ котораго вы мнѣ дали отставку; ибо я, получая отъ щедротъ монаршихъ пенсіонъ, который со вступленіемъ моимъ въ Вотчинной Департаментъ прекратился, могъ бы вновь просить о выдачѣ онаго съ числа сей отставки, потому что въ самой крайней бѣдности нахожусь. Москва, 27 Февраля 1813 года.

Надворной совѣтникъ **А. Бестужевъ-Рюминъ.**

Приложенія.

Копія № 1.

Au nom de sa majesté l'Empereur et Roi.

Monsieur Bestouscheff-Rumen est nommé adjoint du maire de la commune de Moscou.

Le présent lui tiendra lieu de brevêt. A Moscou, ce 21 Septembre 1812.

Le gouverneur-général de la ville et de la province de Moscou M. le duc de Trevise.

Par s. ex. mr. le gouverneur-général l'intendant de la ville et de la province de Moscou. Lesseps.

№ 2.

Sire! Lorsque l'armée de Votre Majesté Impériale et Royale entra triomphante dans cette capitale, je me trouvois employé au service de ma patrie en qualité du second membre du Département des Domaines.

Je n'ai pas suivi l'exemple de mes collégues, ni de mes subordonnés, qui méconnoissant leur devoir ont abandonnés leurs postes et ont fui dans l'intérieur; j'ai taché, au contraire, de conserver les archives du dit Département, qui étoient sous ma direction, et d'y maintenir l'ordre, qui y existait auparavant. Je me présentai en conséquence dès le lendemain à la cour de Votre Majesté, et par l'entremise de mr. le secrétaire de Lorgne-de-Deville, j'obtins quatre sauvegardes, qui furent placées aux quatre archives. Ce devoir rempli, je quittai le logement, que j'occupais pour le moment au Sénat, et je me retirais avèc ma famille dans ma maison.

Je n'ai pas échappé au malheureux sort de la plupart de mes concitoyens; ma maison a été la proie des flammes. Quoique cette perte soit assez considérable pour moi, je la supporterois avec courage, si je pouvois préserver le reste des archives, qui étoient sous ma direction, et dont une grande partie des livres peut encore être sauvée. J'aurai rempli mon devoir, si mon gouvernement me demande compte un jour des efforts, que j'aurois fait pour conserver ce depôt, qui m' a été confié.

C'est pourquoi je prends la liberté de me prosterner aux pieds de Votre Majesté Impériale et Royale, en la suppliant de m'accorder la grâce de pouvoir mettre les dittes archives en ordre, de les rassembler dans une seule salle; par ce moyen les trois autres salles, où elles sont dispersées, pourront servir au logement des troupes de Votre Maje-

sté. Je me permettrai d'ajouter, que ces archives sont d'autant plus précieuses, que ce sont elles, qui sont consultées et ont force de loi, dans tous les différents, qui peuvent survenir entre les sujets Russes, pour la conservation de leurs proprietés.

Dans l'attente, que Votre Majesté voudra bien agréer gracieusement ma prière, j'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect et soumission, Sire, de Votre Majesté Impériale et Royale le très humble et très obéissant serviteur A. B. R., conseiller de cour au service de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies.

Moscou.
4 Octobre 1812.

№ 3.

Москва, 10 Іюля 1813 года.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Донесеніе мое вашему превосходительству отъ 27 прошедшаго Февраля остается по сю пору безъ отвѣту, а я безъ разрѣшенія; даже заподлинно не знаю, получили вы оное или нѣтъ? Слышу только, что угодно вамъ было отставить меня отъ службы моему Отечеству безъ моей о томъ просьбы еще 2 Января, и хотя таковая отставка предосудительна чести и имяни моему, однако, смѣю сказать, безъ всякаго моего преступленія, и я поднесь никакого законнаго письменнаго вида не имѣю на оную. Въ семъ недоумѣніи и находясь въ самомъ трудномъ положеніи жизни, рѣшился я отнестись къ вамъ, милостивый государь, не касаясь званія вашего, министра юстиціи, но какъ частному благородному человѣку, и спросить чистосердечно, что́ васъ огорчило противъ меня, и чѣмъ заслужилъ я вашу немилость? Исполнивъ всѣ обязанности сына Отечества и честнаго человѣка, я надѣялся, что такого примѣрнаго усердія чиновникъ, каковымъ я себя быть показалъ, и въ такое притомъ еще время жестокости отъ нашествія непріятеля, которому и исторія мало примѣровъ имѣетъ, дѣлаетъ честь начальству, подъ вѣдомствомъ котораго состоитъ, и заслужитъ, по крайней мѣрѣ, онаго вниманіе; но мнѣ, напротивъ, сіе усердіе обращается отъ васъ въ поруганіе, безчестіе и ужасное истязаніе. Сами враги моего отечества не были равнодушны къ усиліямъ моимъ въ исполненіи сихъ обязанностей, похваляли заботы мои къ сохраненію государственныхъ дѣлъ, надзору моему ввѣренныхъ и оставшихся въ ихъ власти, а увидѣвъ, что я имѣю еще семейство и узнавъ, съ какою опасностію жизни моей я исполнилъ долгъ присяги, не могли отказать мнѣ и въ уваженіи. Вы признаетесь, милостивый государь, что не всякой бы согласился быть въ то время на моемъ мѣстѣ, и что

гораздо легче осуждать поступки другихъ, будучи отъ театра ужаса на нѣсколько сотъ верстъ, и обвинять тѣхъ несчастныхъ, безъ малѣйшаго изслѣдованія, кои съ истиннымъ усердіемъ къ пользѣ отечественной жертвовали жизнію своею. Въ числѣ сихъ несчастныхъ поставить могу и себя: ибо, не имѣвъ ни отъ какого начальства приказанія оставить своего мѣста, ниже особеннаго наставленія, какъ поступать въ сіе время страха, я долженъ былъ руководствоваться клятвеннымъ моимъ обѣщаніемъ, преданностью къ престолу законнаго Государя и любовью къ Отечеству. Еслибъ я и послѣдовалъ подлому примѣру моихъ обоихъ сотоварищей, кои, при приближающейся опасности, пренебрегли долгъ присяги и въ трусости своей оставили мѣста, ими занимаемыя, или, по просту сказать, бѣжали отъ должностей своихъ, оставивъ дѣла на произволъ, то и въ такой измѣнѣ престолу и Отечеству, я, съ своей стороны, могъ дать видъ, по крайней мѣрѣ, гораздо благороднѣйшій; ибо, какъ вамъ же извѣстно, имѣлъ отъ 9 Августа законной отпускъ на 28 дней (въ оное время еще нимало не думали, чтобъ непріятель овладѣлъ Москвою), слѣдовательно, срокъ сему отпуску долженъ кончиться около 9 Сентября; а непріятель взошелъ въ Москву 2 Сентября. Къ тому же, къ отъѣзду моему, по милости графа Бобринскаго, имѣлъ я деньги и лошадей; но при таковомъ безнужномъ къ побѣгу моему положеніи, я не измѣнилъ присягѣ и рѣшился ожидать приказанія начальства; а не получивъ онаго, самъ собою старался спасти дѣла Вотчиннаго Департамента. Плоды усердія моего видимы, ибо Вотчинной Департаментъ существуетъ; если же нѣкоторыя дѣла въ ономъ не въ томъ порядѣ, въ которомъ были до нашествія непріятеля, то это потому только, что сей департаментъ находится въ Кремлѣ, а въ Кремлѣ нѣтъ ничего въ порядкѣ: даже и Иванъ Великой тронулся съ мѣста своего.

Имѣя къ личнымъ достоинствамъ вашимъ истинную приверженность, и зная притомъ, что вы имѣете благородную душу, въ полномъ смыслѣ разумѣнія сего слова, не могу не удивляться столь явно несправедливому противъ меня поступку. Ибо товарищи мои, измѣнивъ престолу и Отечеству, остались при своихъ мѣстахъ, а я, напротивъ, сохранивъ всѣ обязанности службы и сына Отечества и имѣвъ при томъ счастіе спасти дѣла вотчинныя, исключаюсь изъ оной, и вопреки даже милосердного закона: «Никто безъ суда не накажется».

Въ такомъ горестномъ положеніи обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, и убѣдительнѣйше прошу, не обижайте меня въ безотвѣтномъ званіи своемъ, не порочьте имени моего, не оскорбляйте

юстиціи, высочайше вамъ ввѣренной. Объявите, по крайней мѣрѣ, въ чемъ преступленіе мое состоитъ; ибо я долженъ оправдать мой поступокъ предъ обществомъ честныхъ людей, въ кругу которыхъ и себя быть почитаю. Я охотно извиняю вамъ то ужасное состояніе, въ которое вы меня ввергли, и если бъ не великодушіе графа Растопчина, главнокомандующаго въ Москвѣ, который даетъ мнѣ казенную квартиру, въ самомъ томъ домѣ, который я спасъ отъ пожару и разграбленія, не взирая на отставку мою, то не зналъ бы, гдѣ съ семействомъ приклонить голову. Равно не взыскиваю и того большаго затрудненія, въ которомъ отъ васъ же нахожусь, доставать жизненныя потребности для бѣдныхъ малютокъ моихъ, и хотя такое положеніе есть слѣдствіе вашихъ немилостей, но я умалчиваю объ ономъ; а въ поруганіи чести и имени моего вы непремѣнно должны сказать причину такого поступка вашего. Вы опытомъ знаете, милостивый государь, сколько оскорбительна и чувствительна клевета честному человѣку; и если припомните собственное свое несчастіе *) и примѣните оное къ теперешнему моему положенію, то можете усмотрѣть, сколь достойна участь моя сожалѣнія. Вы искали въ то время себѣ покровителя, которой бы обнаружилъ вашу невинность; теперь я ищу сего покровителя въ васъ самихъ, сколько по долгу званія вашего, министра юстиціи, столько и по благородной душѣ вашей, и вы должны не только обнаружить невинное страданіе, но еще представить заслуги мои Отечеству спасеніемъ дѣлъ Вотчиннаго Департамента.

Съ должнымъ высокопочитаніемъ и преданностію честь имѣю быть вашего превосходительства, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга, А. Б.-Р.

Въ отвѣтъ онаго письма, 3 Сентября, объявлено мнѣ отъ Московскаго прокурора Желябовскаго, посредствомъ Московской Управы Благочинія, чтобъ «я впредъ въ отношеніяхъ моихъ съ начальствомъ былъ осторожнѣе въ выраженіяхъ и наблюдалъ должное почтеніе».

*

*) И. И. Дмитріевъ, служа въ гвардіи, въ царствованіе Павла, былъ оклеветанъ предъ Государемъ и подвергся задержанію (см. его „Взглядъ на мою жизнь“). П. Б.

ПИСЬМА А. Д. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

Въ „Чтеніяхъ при Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей“ за 1859 (кн. 2-я) напечатаны были „Краткое описаніе о происшествіяхъ въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году“ и „Донесеніе г. министру юстиціи И. И. Дмитріеву о происшествіяхъ, случившихся въ Москвѣ во время пребыванія въ оной непріятеля“, А. Д. Бестужева-Рюмина. Бумаги эти обратили на себя вниманіе лицъ занимающихся исторіею Отечественной войны, какъ живостью своего изложенія, такъ и не совсѣмъ обыкновенною ролью, которую довелось выполнять автору ихъ во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ. Ему, члену Вотчиннаго Департамента, не только пришлось пережить разгромъ столицы, босому, въ одной лакейской шинели и съ голодною семьей отъискивать ночлега въ погорѣвшей Москвѣ, защищаться отъ мародеровъ, но сдѣлаться лично извѣстнымъ Наполеону, выпросить у него охрану для архива своего учрежденія, быть назначеннымъ членомъ „отеческаго градскаго правленія“ (Municipalité paternelle). Несмотря однако на то, что онъ сохранилъ архивъ Вотчинной Коллегіи отъ разгромленія и, будучи товарищемъ Московскаго мэра оказывалъ помощь и защиту своимъ соотечественникамъ, „присяги же законному Государю своему ни въ какомъ смыслѣ не нарушилъ, любовь къ Отечеству сохранилъ, предательства или измѣны Отечеству открытіемъ тайнъ правительства не учинилъ и никакихъ званію своему непристойныхъ послугъ не дѣлалъ, хотя многіе, въ почетныхъ чинахъ состоявшіе, рубили Французамъ дрова, носили воду или другіе имѣли ноши“, Бестужевъ, по изгнаніи непріятеля, былъ подвергнутъ взысканію и лишенъ мѣста 2 Января 1813 г. по обвиненію въ растратѣ казенныхъ денегъ. Въ оправданіе свое имъ и написаны были напечатанныя въ „Чтеніяхъ“ бумаги, доставленныя туда покойными Валеріемъ Ивановичемъ Чарыковымъ и княземъ М. А. Оболенскимъ. Чѣмъ именно кончилось дѣло по обвиненію его, намъ неизвѣстно.

Нынѣ, благодаря любезности Михаила Владимировича Жулковскаго, намъ сообщеены подлинныя бумаги А. Д. Бестужева-Рюмина отъ его наслѣдниковъ. Среди нихъ находится и то, что́ уже было напечатано въ „Чтеніяхъ“. Помѣщаемыя ниже письма Бестужева-Рюмина къ его другу Д. Ѳ. Шумилову, два прошенія къ Государю и одно къ Великому Князю Константину Павловичу, сколько намъ извѣстно, нигдѣ еще не были обнародованы. Они разъясняютъ отчасти дальнѣйшую судьбу А. Д. Бестужева и довольно ярко обрисовываютъ эпоху. „Русскій Архивъ“ дорожитъ всѣмъ относящимся къ „вѣчной памяти двѣнадцатаго года“. Ю. Б.

Письма къ Д. Ѳ. Шумилову.

1.

Москва, 22 Маія 1813 года.

Милостивый государь мой Дмитрій Ѳедоровичъ!

Съ какою радостью получилъ я письмо твое отъ 10-го числа нынѣшняго мѣсяца! Препокорнѣйше благодарю за оное и болѣе еще благодарю за сохраненіе ко мнѣ пріязни твоей; я большую цѣну даю оной, такъ какъ честнаго человѣка, каковымъ я всегда тебя зналъ. Я рекомендую тебѣ вручителя сего. Г-нъ Игнатій Николаевичъ Познанской; онъ мой искренной пріятель и по достоинствамъ своимъ заслуживаетъ истинное уваженіе, имѣетъ дѣло въ вашемъ городѣ и если можешь чѣмъ ему полезенъ быть, то пожалуй не откажи своего ходатайства.

Такъ, ты правъ, мой старинной пріятель: я ни въ чемъ не виноватъ и Богомъ клянусь, что жертвовалъ всѣмъ, чтобъ быть полезнымъ Отечеству; но неблагопріятствующая мнѣ судьба опредѣлила такое мое усердіе собственно для меня во зло. Что̀ дѣлать? Терпѣніе все превозможетъ. Извини, что я тебѣ не посылаю моихъ Записокъ пребыванію непріятеля въ первопрестольномъ градѣ; ибо, право, не должно. Но вскорѣ пришлю все, что̀ можетъ касаться и до усилій моихъ къ сохраненію дѣлъ, надзору моему ввѣренныхъ, а равно и о усиліяхъ моихъ оправданій предъ такими людьми, кои, если судить по ихъ дѣяніямъ, и десятой доли бы не сдѣлали въ пользу Отечества. Рано или поздно *Богъ* ихъ накажетъ.

Я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидать буду отъ тебя увѣдомленія, какихъ мыслей губернаторъ вашъ касательно рапорта моего министру юстиціи. Я хотѣлъ самъ было къ нему написать, но разсудилъ лучше побочнымъ образомъ до свѣдѣнія его довести. Пословицы Русскія, почтеннѣйшій мой пріятель, какъ ты и самъ знаешь, всѣ почти справедливы. Прощай, мой любезнѣйшій. У Настасьи Ивановны цѣлую ручки и благодарю, что меня помнитъ.

Съ истинною преданностью пребываю покорнѣйшій слуга А. Бестужевъ-Рюминъ.

Адресъ ко мнѣ тотъ же: на Петровкѣ въ домѣ Дурнова, въ Москвѣ.

Его высокоблагородію милостивому государю моему Дмитрію Ѳедоровичу Шумилову. Во Владимирѣ. Губернскаго Правленія господину совѣтнику.

2.

Москва, 24 Октября 1813.

На письмо твое, любезный мой другъ Дмитрій Ѳедоровичъ, отъ 30 Августа и полученное мною въ свое время, я не отвѣтствовалъ потому, что по мнѣнію моему оное не требовало отвѣту, ибо ты о сынѣ своемъ имѣлъ уже извѣстіе; а я раза три ходилъ опять въ извѣстный тебѣ на бульварѣ домъ и ничего другаго объ сынѣ твоемъ узнать не могъ, какъ только, что онъ здоровъ и отправился въ Минскъ. Я надѣюсь, что ты регулярно имѣешь отъ его извѣстіе; и да сохранитъ его Всевышняя десница!

Пріятель мой, Игнатій Николаевичъ Познанской, паки отправляется въ вашъ городъ по своимъ надобностямъ, и я при семъ случаѣ прошу твоего ему покровительства или, такъ сказать, путеводительства въ его дѣлахъ; онъ человѣкъ очень хорошій и умный, слѣдовательно будетъ въ полной мѣрѣ чувствовать твои одолженія; а я пріиму оныя, какъ будто оказанныя мнѣ самому.

Я знаю, что ты меня любишь, а потому и скажу тебѣ нѣчто и о себѣ. Я, слава Богу, здоровъ; но касательно разрѣшенія участи моей нахожусь еще въ безъизвѣстности. Недѣли двѣ тому назадъ потребовали отъ меня въ Правительствующій Сенатъ, что́ въ Петербургѣ, формулярный мой списокъ, который я уже и послалъ. Уповательно, что дѣло наше къ концу приходитъ, и какая развязка оному будетъ—не знаю.

Въ отвѣтъ на послѣднее письмо мое къ г. министру юстиціи, Ивану Ивановичу Дмитріеву, съ котораго я тебѣ послалъ копію при письмѣ моемъ отъ 16-го Іюля [1]), мнѣ объявлено чрезъ Московскую Управу Благочинія 3-го Сентября [2]), *чтобы я впредь въ отношеніяхъ моихъ съ начальствомъ былъ осторожнье въ своихъ выраженіяхъ и наблюдалъ должное почтеніе.* А въ чемъ преступленіе мое состоитъ, объ ономъ ничего не сказано. Г-нъ министръ юстиціи въ Москвѣ находится съ, послѣднихъ числъ Іюля, и я съ нимъ не видался. Однажды вздумалъ было къ нему придти, и по докладѣ обо мнѣ онъ сказалъ, чтобъ я въ другое время пришелъ, а теперь онъ занимается съ архитекторомъ

---

[1]) Этого письма мы не имѣемъ. Что касается до письма Бестужева-Рюмина къ И. И. Дмитріеву, гдѣ вспоминается его злоключеніе при императорѣ Павлѣ, то очевидно, что оно только повредило писавшему: Дмитріевъ обидѣлся. П. Б.

[2]) Отъ прокурора Желябовскаго.

разсматриваніемъ плана купленнаго имъ дома *). И такъ я болѣе уже и не домогался видѣть его. Богу угодно дать мнѣ такой жребій существованія, и я безропотно покоряюсь святой Его волѣ. Нищета, въ которой я нахожусь, мнѣ не постыдна, и всякой честной человѣкъ уважитъ бѣдность мою; ибо я всѣмъ достояніемъ моимъ пожертвовалъ на пользу Отечества и жертвовалъ даже не только своею жизнію, но и жизнію семейства моего. Отецъ можетъ судить о великости усердія моего, и хотя плоды сего усердія видимы, но я терплю уже круглый годъ ужасное истязаніе; а г. Огаревъ, который сохраненные мною архивы приводитъ въ порядокъ и съ одной полки на другую приказалъ переставить, получилъ въ награду чинъ. И какой же? Оберъ-прокурора Сената 4-го департамента. *Дивны дѣла Твои, Господи!*

Читая въ вѣдомостяхъ о вспомоществованіи, оказанномъ Патріотическимъ Обществомъ, потерпѣвшимъ въ Москвѣ раззореніе и видя, что сіе пособіе еще учинено большею частію и богатымъ людямъ, рѣшился отнестись къ сему почтеннѣйшему сословію и послалъ письмо на имя Виктора Павловича Кочубея, съ котораго копію при семъ прилагаю. Можетъ быть, что нибудь и дадутъ; а мнѣ, признаться, крайняя нужда. Адресъ ко мнѣ перемѣнился, и надписывай на конвертѣ такъ: Въ Москвѣ, между Тверскими и Никитскими воротами, въ домѣ Петрова-Соловова, что̀ на бульварѣ.

3.

Любезный и почтеннѣйшій мой пріятель Дмитрій Ѳедоровичъ!

Я очень предъ тобой виноватъ; прости меня великодушно. Письмо твое отъ 27 Февраля я получилъ въ свое время; но оное оставалось по сей день безъ отвѣту не потому, чтобъ я не имѣлъ полнаго уваженія къ принимаемому тобою участію въ моемъ горестномъ состояніи, и повѣрь нелживой душѣ моей, что я тебя премного люблю и почитаю; но стеченіе запутанностей, въ которыя я вовлеченъ излишнимъ усердіемъ на пользу Отечества и притѣсненіе внутреннихъ, но однакожъ скрытыхъ злодѣевъ Отечеству, не давали мнѣ времени отвѣтствовать на оное. Могу ли я когда нибудь забыть, что ты первый мой былъ наставникъ по гражданской части? Вспомни, когда я въ 1795 году, прибывъ въ Пензу, не успѣлъ дать и резолюціи на рапортъ солянаго пристава въ продажѣ имъ соли и вырученныхъ за оную деньгахъ. Такъ, мой почтенный пріятель, я никогда онаго не забуду. Жаль только, что

*) Это знаменитый домъ на Спиридоновкѣ, построенный изъ стоячихъ бревенъ и обтянутый желѣзными полосами. Онъ простоялъ до позапрошлаго года, и на мѣстѣ его воздвиглись каменныя палаты С. Т. Морозова. Къ сожалѣнію, отъ обширнаго сада, откуда, бывало, еще недавно раздавалось соловьиное пѣніе, осталось уже немного. См. объ этомъ домѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1893 года. П. Б.

всѣ мои записки, кои я хранилъ, какъ безцѣнныя для меня сокровища, все пропало. Я всѣмъ пожертвовалъ Отечеству, спасъ только дѣла Вотчиннаго Департамента и за то наказуюсь. Время течетъ, и мы оба съ тобой состарѣлись, приближаемся къ общей матери нашей, сырой землѣ; память только добрыхъ нашихъ дѣлъ останется въ потомствѣ, и то на нѣкоторое только время. Теперь, кажется, я нѣсколько посвободнѣе въ дѣлахъ моихъ и потому буду отвѣтствовать на письмо твое отъ 27 Февраля.

Я очень радъ, что ты успокоенъ со стороны сына, ибо имѣешь регулярную съ нимъ переписку, и уповательно, что будешь имѣть скоро и родительское утѣшеніе его видѣть въ объятіяхъ своихъ. Миръ во всей Европѣ. Жаль мнѣ, что я не знаю твоего сына лично, ибо не имѣлъ удовольствія его видѣть въ проѣздъ чрезъ Москву. Г. министръ юстиціи Дмитріевъ, въ бытность его въ отпуску, жилъ въ Москвѣ около четырехъ мѣсяцевъ; онъ невидимъ былъ для дѣлъ службы, но для собственнаго его интереса можно было всякому имѣть въ чертоги его доступъ. Боже праведный! Для чего Ты помазанникамъ нашимъ, при семъ таинствѣ ихъ, нами исповѣдуемомъ, не далъ и дара видѣть сердца подданныхъ своихъ? Всеконечно, Дмитріевъ никогда бы не былъ министромъ юстиціи. Но оставимъ его. Я писалъ къ нему послѣднее уже письмо 18-го Іюня и ожидаю отвѣту чрезъ Московскаго губернскаго прокурора или чрезъ полицію; ибо сей министръ до того надменъ, что не отвѣтствуетъ прямо лицу его утруждавшему. Я при семъ посылаю копію съ письма моего на высочайшее имя, которое я послалъ 25 Іюня подъ конвертомъ на имя Государя и Цесаревича Константина Павловича. Будетъ ли конецъ нашимъ страданіямъ? Богу извѣстно. (1814).

Письмо къ Цесаревичу.

Ваше Императорское Высочество!

Простите великодушно, Государь Цесаревичъ, дерзновенію моему, что я осмѣлился въ горестнѣйшихъ моихъ обстоятельствахъ искать высокаго покровительства Вашего. Герой, проливавшій кровь за Отечество, не можетъ быть равнодушенъ къ безвинно погибающему вѣрному сыну того Отечества, которому Ваше Императорское Высочество оказали столь блистательныя услуги.

Нижайшая моя просьба состоитъ въ томъ, чтобы приложенный при ономъ конвертъ доставить въ собственныя руки Августѣйшаго Вашего Братца, а моего законнаго Государя. Сей конвертъ подъ открытою печатью, и Ваше Императорское Высочество можете изъ содержанія онаго видѣть, сколь участь моя отягчена и что одно отчаяніе рѣшило меня Васъ безпокоить.

Пребываю съ глубочайшимъ благоговѣніемъ Вашего Императорскаго Высочества, милостивѣйшаго государя, всенижайшій и преданнѣйшій надворный совѣтникъ А. Б.-Р.

Москва,
25 Іюня 1814 г.

Письма къ Государю.

I.

Копія.

Всемилостивѣйшій Государь!

Повергая себя къ августѣйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, дерзаю просить правосудія.

Богъ свидѣтель, Всемилостивѣйшій Государь, что я никогда и въ помышленіи не имѣлъ нарушить данной мною клятвы, но всегда служилъ Вашему Императорскому Величеству по правдѣ, не щадя живота моего, и никакая клевета опорочить службы моей не можетъ; однакожъ усердіе мое не только не имѣетъ награды, но напротивъ еще ввержень я въ самыя горестнѣйшія несчастія, вопреки милосерднаго сердца Вашего Императорскаго Величества.

Въ началѣ 1811 года послѣдовало высочайшее Вашего Императорскаго Величества разрѣшеніе, объявленное мнѣ г. тайнымъ совѣтникомъ Молчановымъ, касательно позволенія вступить въ отечественную службу; я старался имѣть оную подъ вѣдомствомъ г. министра юстиціи Дмитріева и 2-го Мая 1812 года, по указу Правительствующаго Сената, опредѣленъ членомъ Вотчиннаго Департамента, что̀ въ Москвѣ, а въ концѣ того же Мая вступилъ и въ отправленіе моей должности. 2-го Сентября 1812 года непріятель вторгся въ столицу Москву. Я безстрашно сохранилъ мѣсто свое; ибо, не имѣвъ ни отъ какого начальства повелѣнія оставить онаго, самъ собою разрѣшить клятву при угрожаемой опасности я не думалъ быть въ правѣ. И въ какое же время могъ я лучше оказать преданность мою къ престолу Вашего Императорскаго Величества и истинную любовь къ Отечеству, какъ не въ сіе время страха? И потому, хотя и слышалъ о всѣхъ жестокостяхъ непріятеля съ побѣжденными, однакожъ рѣшился всѣмъ жертвовать и старался сохранить дѣла, надзору моему ввѣренныя, оставшіяся во власти у непріятеля. Сіи дѣла суть драгоцѣнности, Всемилостивѣйшій Государь; ибо по онымъ производятся справки, и они разрѣшаютъ распри между вѣрноподданныхъ Вамъ по тяжебнымъ дѣламъ въ разсужденіи недвижимой собственности. Плоды усердія моего видимы, ибо сей Вотчинный Департаментъ существуетъ, и дѣла въ ономъ по прежнему производятся. Я при семъ осмѣливаюсь приложить

копію съ донесенія моего г. министру юстиціи о происшествіяхъ касательно сего департамента. Не смѣю распространиться о тѣхъ ужасахъ, которымъ я былъ свидѣтель, ибо милосердное сердце Вашего Императорскаго Величества не останется равнодушно и содрогнется о моихъ претерпѣніяхъ.

Во время пребыванія врага въ столицѣ Москвѣ, я ни въ какомъ смыслѣ не нарушилъ присяги моей Вашему Императорскому Величеству, какъ законному моему Государю, въ разсужденіи вѣрности, ибо другому государю не присягалъ, да и къ оному не былъ приневоленъ; а напротивъ еще ходилъ въ храмы Божіи и, преклоняя колѣна предъ жертвенникомъ Всевышняго Существа, молилъ о ниспосланіи благоденствія Вашему Императорскому Величеству и всему Августѣйшаго Вашему дому. Засѣданіемъ же въ учрежденномъ Муниципалитетѣ или отечественномъ градскомъ правленіи я могъ только быть полезенъ несчастнымъ моимъ соотечественникамъ, оставшимся на жертву врага. Объ ономъ свидѣтельствуетъ данная сему Муниципалитету инструкція.

Дворянскаго моего достоинства и чина императорскаго Россійскаго надворнаго совѣтника я не унизилъ, ибо врагамъ не рубилъ дровъ, не носилъ имъ воды и ни въ какія услуги употребленъ не былъ; но напротивъ еще твердость духа, съ которымъ я исполнялъ долгъ присяги моей Вашему Императорскому Величеству, заставила и ихъ имѣть ко мнѣ уваженіе. Я, лишившись всей собственности, спасъ однакожъ чужой домъ отъ огня и совершеннаго разграбленія, въ которомъ потомъ и жилъ; охранялъ въ ономъ и кормилъ *78 человѣкъ* несчастныхъ согражданъ моихъ, кромѣ особо еще приходящихъ и требующихъ пищи. Я самъ и семейство мое, малолѣтныя дѣти, голодали, но отдавалъ послѣдній кусокъ. Французскій маршалъ герцогъ Тревизо, бывшій въ то время главнокомандующій въ Москвѣ, не былъ равнодушенъ къ потерямъ и усердію мною оказываемому на пользу Отечества и, видя въ нищенскомъ меня одѣяніи, желалъ вознаградить сіи потери золотомъ и платьемъ; но я отвергнулъ дары его: ибо потери мои въ такое время были данью любезному Отечеству, которому я обязанъ даже и воспитаніемъ моимъ.

Московская полиція, возвратившаяся паки въ столицу 11 дней спустя по выходѣ непріятеля и вступя въ отправленіе должности своей, очищая городъ, нашла въ колодцахъ, въ погребахъ, въ прудахъ и въ другихъ тайныхъ мѣстахъ до *12 тысячъ* тѣлъ убитыхъ непріятельскихъ. Она торжественно услуги свои Отечеству объявила въ

отысканіи, въ сожженіи или похороненіи оныхъ, и чиновники ея отъ Высочайшихъ щедротъ Вашего Императорскаго Величества достойно награждены.

Но, Всемилостивѣйшій Государь, дерзаю спросить: *кто же умáлилъ силы вражія въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ?* Всеконечно не тѣ были герои, которые возвратились въ столицу по выходѣ врага; не тѣ были мстители за Отечество, которые называютъ себя *вѣрными сынами Отечества*, но оставили однакоже Отечество во время представшей ему погибели. Иные кинули на жертву врагу и престарѣлыхъ родителей своихъ, женъ и малолѣтнихъ дѣтей, чтобы спасти себя одного. Всеконечно не сіи люди, Всемилостивѣйшій Государь, умáлили силы вражія въ первопрестольномъ нашемъ градѣ и первый шагъ сдѣлали къ безсмертной славѣ Отечества нашего и освобожденію Европы отъ ига; но сіе учинили мы, оставшіеся на жертву врага. Мы не хоронили убитыхъ тѣлъ враговъ своихъ и ихъ даже не бранили словами; но, будучи наги, босы, обезоруженные, ослабѣвшіе отъ голода, сильны однакоже еще приверженностію къ престолу Вашего Императорскаго Величества, яко законному Государю нашему, и пылая любовію къ погибающему Отечеству, мы съ величайшею опасностію собственной жизни своей приносили оную на жертву оскорбленной родинѣ нашей, и въ огородѣ того дома, въ которомъ я жилъ, нѣсколько было сихъ жертвъ. Я самъ собою не обагрилъ въ крови враговъ рукъ своихъ, но кормилъ и защищалъ тѣхъ, кои содѣлывали себя орудіемъ сего отечественнаго мщенія. Я не ищу награды, Всемилостивѣйшій Государь, ниже въ потеряхъ моихъ вознагражденія, ибо мною содѣянное есть долгъ всякаго вѣрноподданнаго Вашего Императорскаго Величества и любящаго свое Отечество; но не желаю однакожъ, чтобъ соотечественники мои, послѣ всѣхъ таковыхъ ужасныхъ происшествій, поступали со мною злѣе, нежели сами враги наши: ибо многіе смѣютъ искать измѣны въ видимомъ усердіи.

Второй уже годъ въ исходѣ, Всемилостивѣйшій Государь, что́ я терплю ужасное истязаніе. Семейство мое, видѣвшее всѣ ужасы нашествія врага потому только, что я хотѣлъ исполнить долгъ присяги моей, теперь въ самой крайней нищетѣ со мною находится и среди своихъ соотечественниковъ терпитъ голодъ, стоная приближается къ смерти. Я, лишившись всей собственности отъ пожара и расхищенія непріятельскаго, два года уже не получаю ни Высочайше положеннаго мнѣ по смерть пенсіона, ниже по мѣсту моему жалованья, и мѣсто мое, какъ слышу, отъ меня отнято въ замѣну заслуженной награды

и отдано уже другому; но на отставку мою по сю пору я никакого законнаго вида не имѣю, а только выѣздъ мнѣ изъ Москвы запрещенъ, и я не могу разстроенныхъ дѣлъ моихъ привести въ порядокъ. То достояніе, которое бы я могъ имѣть, избѣгшее отъ раззоренія и похищенія врага, по указу Правительствующаго Сената 1-го департамента, повсемѣстно арестовано, въ согласность предложенія г. министра юстиціи оному, будто бы я не отдалъ отчету въ казенной суммѣ, въ вѣдѣніи моемъ находящейся. Но въ послѣдствіи времени г. министръ юстиціи узналъ, что я въ вѣдѣніи моемъ никакой суммы, казнѣ принадлежащей, не имѣлъ, а что самая часть оной осталась въ рукахъ моихъ, то потому только, что чиновники бѣжали отъ должностей своихъ, не отдавъ отчету въ оной, и первопришедшій въ комнаты Вотчиннаго Департамента могъ бы сею суммою воспользоваться, и тогда бы уже я по всей справедливости долженъ былъ за оную ~~отвѣтствовать~~, какъ остававшійся начальникъ, но пренебрегшій долгъ присяги. Но я оною не покорыствовался, и сія сумма недостаточна усыпить совѣсть мою, еслибы къ несчастію имѣлъ я ее сонливую. Правда, что я не содержался, Всемилостивѣйшій Государь, тринадцать недѣль въ тюрьмѣ, какъ другіе мои сотоварищи несчастія, кои употребили себя на пользу соотечественниковъ своихъ, во время страшнаго нашествія; я не выметалъ улицы, какъ сіи же мои сотоварищи, въ класныхъ чинахъ Россійской Имперіи состоящіе, не закономъ еще къ тому осужденные, но взошедшею полиціею самопроизвольно къ сему приневоленные. Однакожъ на мнѣ совершена другаго рода жестокость: мнѣ не позволено было выѣхать изъ Москвы и на 8 дней, чтобъ проститься съ отходившимъ отъ сего свѣта тридцатисемилѣтнимъ моимъ благодѣтелемъ и искреннѣйшимъ другомъ графомъ Бобринскимъ*). Я умолялъ главнокомандующаго въ Москвѣ, показывалъ ему письма съ нарочнымъ мною полученныя, въ которыхъ покойника послѣднее желаніе было, чтобъ со мною увидѣться еще разъ; но графъ Растопчинъ мнѣ самымъ суровымъ образомъ въ семъ утѣшеніи отказалъ, и въ сей жестокости смѣлъ употребить Высочайшую будто Вашего Императорскаго Величества волю. Двѣ недѣли потомъ графъ Бобринскій умеръ.

Въ сихъ горестныхъ обстоятельствахъ дерзаю повергнуть себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Удостой, Всемилостивѣйшій Государь, подъ благословеннымъ царствованіемъ своимъ

---

*) Не былъ ли графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій († 1813) товарищемъ Бестужеву-Рюмину по Сухопутному Кадетскому Корпусу? Намъ неизвѣстно также, почему Бестужевъ-Рюминъ получалъ пенсію. П. Б.

и мнѣ дни проводить спокойно и безбѣдственно, и окажите высочайшее Ваше правосудіе.

Пребываю съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

25 Іюня 1814. Москва.

II.

Копія.

Всемилостивѣйшій Государь!

Проходя служеніе мое въ продолженіе многихъ лѣтъ всегда по правиламъ чести и истины, не бывъ никогда подъ судомъ, ниже подъ малѣйшимъ взысканіемъ въ упущеніи моихъ должностей, и когда надѣялся, что примѣрное усердіе на пользу Отечества при представшей опасности столицѣ Москвѣ нашествіемъ врага въ оную заслужитъ вниманіе начальства, напротивъ сверхъ чаянія содѣлался я жертвою клеветы, неправды и беззаконнаго притѣсненія. Честь и имя мое страдаютъ! Въ таковомъ горестномъ положеніи дерзаю повергнуть себя къ Августѣйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше прошу правосудія и высоко-монаршихъ щедротъ.

Не задолго до вторженія непріятеля въ столицу Москву опредѣленъ я вторымъ членомъ присутствія Вотчиннаго Департамента и долженъ былъ остаться во власти врага при своей должности; ибо, не имѣя ни отъ какого начальства приказанія оставить своего мѣста, а самъ собою нарушить клятву и кинуть въ духѣ труса на произволъ судьбы важныя дѣла, надзору моему ввѣренныя, не думалъ быть въ правѣ. Я въ полномъ отношеніи исполнилъ долгъ присяги моей, которою обязанъ служить престолу и Отечеству по правдѣ, не щадя живота моего: съ пожертвованіемъ всего имущества, оставя себя съ семействомъ нага и боса, имѣлъ счастіе спасти отъ вражьяго расхищенія архивы Вотчиннаго Департамента; съ величайшею же опасностію моею и семейства моего, малолѣтныхъ дѣтей, жизни, я сохранилъ жизнь около ста человѣкамъ моихъ соотечественниковъ.

Таковую пламенную и нелицемѣрную приверженность къ престолу Вашего Императорскаго Величества и истинную любовь къ Отечеству, люди удалившіе себя отъ театра ужаса и возвратившіеся въ столицу Москву по изгнаніи уже непріятеля, предпочитая собственную пользу пользѣ общей, назвали подвигъ моего усердія *наклонностію къ сторонѣ врага*, а твердое сохраненіе клятвы, которую сами не сохранили, *измѣною Отечеству;* и я преданъ былъ суду. Мѣсто по службѣ у меня

отнято и отдано другому; словомъ сказать, совершены на мнѣ жестокости наказанія именемъ Вашего Императорскаго Величества, и въ чемъ преступленіе мое—даже не объявлено.

Послѣ трехъ лѣтъ сужденія о преступленіи, котораго дѣйствительно я по сю пору не знаю, Государственный Совѣтъ положеніемъ своимъ заключилъ, *что я невиненъ, разрѣшилъ мнѣ право на службу и даже ношеніе бронзовой медали въ воспоминаніе 1812 года.* Хотя таковое положеніе Государственнаго Совѣта и пріятно сердцу, преданному къ отечественнымъ законамъ и къ законному Государю, однакожъ безъ воздаянія не удовлетворяетъ ни подвигу моему, ни безвинному претерпѣнію; ибо, пожертвовавъ имуществомъ моимъ на пользу Отечества, остаюсь съ бѣднымъ семействомъ нагъ, босъ и даже безъ надежнаго пропитанія; а, находясь безъ службы, благомыслящіе люди должны оставаться въ тѣхъ же мысляхъ обо мнѣ, какія произведены въ нихъ неблагонамѣренными на счетъ поступка моего. Итакъ горекъ плодъ для меня — твердое сохраненіе присяги! Но, Всемилостивѣйшій Государь, не получивъ я награды за подвигъ мой, Государственнымъ Совѣтомъ оправданный, можетъ остановить сыновъ Отечества прямымъ путемъ службы искать себѣ чести; а если еще узнаютъ жестокіе поступки со мною, то даже устрашитъ оныхъ служить по правдѣ.

Я прошелъ всѣ инстанціи, искавъ правосудія, но искалъ напрасно, и отечественное правосудіе теряетъ для меня свою силу. Неужели, Всемилостивѣйшій Государь, въ благополучное и знаменитое царствованіе Вашего Императорскаго Величества, я, рожденный вѣрноподданнымъ Вашимъ, въ нѣдрахъ моего Отечества, долженъ оставаться внѣ закона и безъ преступленія терпѣть страданія отъ клеветы, неправды и притѣсненій, пожертвовавъ на пользу Отечества имуществомъ моимъ, въ нищетѣ, съ бѣднымъ семействомъ, стоная приближаться къ смерти? А чуждые народы, вѣрноподданные всѣхъ Европейскихъ державъ, прославляютъ величіе Ваше въ правосудіи, кротости, милости и щедротахъ! Но нѣтъ, Всемилостивѣйшій Государь, я не столько легковѣренъ, робокъ и простъ, чтобы несчастный мой жребій могъ почитать точнымъ удѣломъ священнаго правосудія или, какъ увѣрить хотятъ, что на жестокость поступковъ съ несчастными сынами Отечества, остававшимися во власти непріятеля съ занятіемъ его столицы Москвы, есть Высочайшая воля Вашего Императорскаго Величества и будто политическія дѣла того требуютъ. Нѣтъ! Я не вѣрю этому. Монархъ, который въ особѣ своей представляетъ образъ Божества; Монархъ, котораго и враги Отечества во время пребыванія своего въ столицѣ

Москвѣ называли вѣнценоснымъ Ангеломъ, утѣшитъ огорченную душу къ вѣчной славѣ своего имени.

Никакого сомнѣнія не имѣю, что истина несчастныхъ и страшныхъ происшествій въ столицѣ Москвѣ отъ Вашего Императорскаго Величества сокрыта или о сихъ происшествіяхъ не такъ доложено; но смѣю сказать, что Вашему Императорскому Величеству измѣнниковъ не было; я по крайней мѣрѣ таковыхъ не знаю, да и не знаю, въ чемъ измѣну полагаютъ. Какой Россіянинъ предпочтетъ кроткое самодержавіе законнаго своего Государя, любимаго всѣми народами монарха Александра, потомка Петра I-го, внука Екатерины II-й, и содѣлается рабомъ пришельца?

Я осмѣливаюсь при семъ приложить краткую записку стеченію несчастныхъ со мною обстоятельствъ *) и показать истинныя и законныя причины, почему я остался во власти непріятеля; и если Божественный духъ правосудія Вашего Императорскаго Величества отдастъ подвигу моему справедливость, то я всеподданнѣйше прошу:

1) Согласно положенію Государственнаго Совѣта, который заключилъ, *что я невиненъ, разрѣшилъ мнѣ право на службу и даже ношеніе бронзовой медали въ воспоминаніе 1812 года*, высочайше повелѣть опредѣлить меня къ должности чину моему соотвѣтственной въ столицѣ Москвѣ. Такимъ образомъ честь и имя мое останутся безъ пятна.

2) Удостойте, Всемилостивѣйшій Государь, и мнѣ быть участникомъ въ высоко-монаршихъ щедротахъ Вашихъ, высочайше повелѣвъ по примѣру другимъ сдѣлать и мнѣ денежное вспомоществованіе за потерю моего имущества. Хотя потери мои не чрезвычайны и не простираются свыше 20 т. рублей, однакожъ оное составляло все мое состояніе и, пожертвовавъ онымъ, Отечество имѣетъ истинную и видимую пользу. Пять лѣтъ уже, что, лишившись моего достоянія, я терплю съ семействомъ крайнюю нужду и въ жизненныхъ потребностяхъ, снискивая себѣ пропитаніе займомъ отъ людей, кои, примая въ горестномъ положеніи моемъ участіе, дѣлаютъ мнѣ кредитъ, и по сіе время задолжалъ я около 10 т. рублей; и въ сихъ неоплатныхъ моихъ долгахъ, не взирая, что пожертвовалъ имуществомъ моимъ на пользу Отечества, долженъ буду кончить дни жизни своей въ тюремномъ содержаніи.

Пребываю съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный.

Москва, Декабря 13 дня 1817.

*) Напечатана выше. П. Б.

4.

Письмо къ Д. Ѳ. Шумилову.

Сельцо Митякино, 11 Октября 1821 г.

Извини, что я на сей почтѣ не посылаю тебѣ продолженія извѣстныхъ Записокъ; право, не имѣлъ времени списать; но въ замѣну сего опущенія пришлю уже страницъ 16 въ другое время. Вѣришь ли, мой другъ, что я съ большимъ прискорбіемъ прочитываю сіи мои Записки? Говорятъ, что я писалъ дерзко. Но можно ли вмѣнять въ преступленіе кто, защищая себя, говоритъ со всею твердостію утѣсненной невинности, и можно ли обвинять человѣка, основываясь на одномъ только подломъ доносѣ, безъ законнаго изслѣдованія, и еще на доносѣ таковыхъ людей, которыхъ буде разобрать свойство и изслѣдовать поступки ихъ, тогда ясно видѣть можно будетъ, что склонность къ измѣнѣ въ нихъ врожденна и что на однихъ только словахъ преданы они престолу законнаго Государя и любятъ Отечество, не показавъ однакожъ на самомъ дѣлѣ никакими поступками своего усердія. Слѣдовательно и несправедливо дѣлать приговоръ по одному доносу, не узнавъ правды. Можетъ ли нашъ Государь хотѣть неправды и утѣсненій? Онъ, рожденный даже добрымъ и справедливымъ, наказалъ бы того, еслибъ зналъ, что оный употребляетъ во зло высочайшую его довѣренность. И такъ, *истина* хотя не всегда бываетъ пріятна, но однакожъ она всегда будетъ священна. Впрочемъ, какая намъ нужда въ законахъ, если нѣтъ исполнителей закона? На что правда, если оная защитниками ея пренебрегается? Ты увидишь, мой любезный другъ, въ сихъ Запискахъ моихъ, въ 3-й части оныхъ, *происшествія по выходѣ непріятеля* *); ты увидишь, что, къ стыду отечественной юстиціи нашей, верховное наше правительство по части уголовной, Сената 5-й департаментъ окончательно судилъ о несчастныхъ, остававшихся во власти непріятеля, когда оный занялъ столицу Москву и между прочими сдѣлалъ и мнѣ приговоръ: *отнять у меня положенное мнѣ по смерть пенсіонное жалованье* и проч. Но что удивительно, въ предлинномъ семъ указѣ, наборѣ пустыхъ словъ, забыто сказать, въ чемъ преступленіе мое. Государственный Совѣтъ потомъ оправдалъ меня, но не сдѣлалъ однакожъ никакого мнѣ вознагражденія ни за безвинное мое претерпѣніе, ни за усердіе, которое я оказалъ на пользу Отечества, сохранивъ отъ непріятельскаго истребленія сокровища отечественныя, которыя заключаютъ въ себѣ архивы Вотчиннаго Депар-

*) Этихъ Записокъ не оказалось, или, можетъ быть, они не изданы. П. Б.

тамента. И такъ, мы не можемъ быть обезпечены на счетъ справедливаго служенія; ибо министры наши, желая господствовать, привязаны къ собственнымъ своимъ пользамъ, къ пользамъ родственниковъ своихъ и любимцевъ, какъ на самомъ дѣлѣ собою оправдалъ сіе бывшій министръ юстиціи, *И. И. Дмитріевъ*; слѣдовательно, если подобный ему министръ существовать будетъ, то самые усердные чиновники будутъ отставляемы отъ службы отечественной и лишатся чести и даже пропитанія, не будучи выслушаемы.

Теперь, мой любезный другъ, живу я въ деревнѣ довольно спокойно и почиталъ бы себя счастливымъ, еслибъ на мнѣ долгу не было. Я никуда не ѣзжу, но пріѣзжаютъ ко мнѣ иные спрашивать по дѣламъ своимъ совѣту. Чудно, что я прослылъ въ околоткѣ нашемъ законникомъ, тогда когда я, признаюсь, кромѣ естественнаго закона: *не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобъ тебѣ было дѣлано*, не знаю; да и у насъ нѣтъ законовъ или очень оныхъ мало, а за то уже много указовъ таковыхъ же, каковъ указъ Сената 5-го департамента относительно остававшихся сыновъ Отечества во власти непріятеля.

Прощай, мой любезный другъ. Я на сихъ дняхъ видѣлся съ Александромъ Ивановичемъ Чихачовымъ, показывалъ ему письмо твое; онъ хотѣлъ самъ къ тебѣ писать; если пришлетъ письмо, то я вложу въ сей же конвертъ. У насъ погода стоитъ прекрасная уже около трехъ недѣль. Мы молотимъ хлѣбъ. Мнѣ писать болѣе нечего, какъ пожелать тебѣ всякаго благополучія и душевнаго спокойствія, съ чѣмъ и пребуду по гробъ мой преданнѣйшій тебѣ А. Бестужевъ-Рюминъ.

Получ. 22 Окт.

Свѣдѣнія о сочинителѣ краткаго описанія происшествіямъ въ Москвѣ въ 1812 году.

Надворный совѣтникъ А. Д. Бестужевъ-Рюминъ въ 1812 г. служилъ въ бывшемъ Вотчинномъ Департаментѣ ассессоромъ. Въ началѣ 1813 года возникло объ немъ дѣло, производившееся, въ слѣдствіе предписанія г. министра юстиціи, въ особо учрежденной для того коммиссіи. Почему завѣдывавшій въ то время департаментомъ, оберъ-прокуроръ Огаревъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы онъ къ присутствованію въ департаментѣ допускаемъ не былъ. А 17 Марта того же года указомъ Правительствующаго Сената Бестужевъ-Рюминъ отъ занимаемой имъ должности уволенъ, съ причисленіемъ къ Герольдіи.

Этимъ и ограничиваются всѣ оффиціальныя извѣстія о немъ, сохранившіяся въ дѣлахъ бывшаго Вотчиннаго Департамента. Но вотъ нѣкоторыя подробности о жизни его въ Москвѣ во время непріятельскаго нашествія въ 1812 году, переданныя сослуживцемъ его, Н. С. Налётовымъ, жившимъ тогда также въ Москвѣ.

Предъ вступленіемъ Французовъ въ Москву, какъ извѣстно, всѣ жители искали спасенія отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій. Увлеченный общимъ примѣромъ, Бестужевъ-Рюминъ съ женою и двумя малолѣтними сыновьями изъ квартиры своей перебрался въ Вотчинный Департаментъ, надѣясь быть тамъ болѣе безопаснымъ. Это было въ Воскресенье утромъ, 1-го Сентября, а на слѣдующій день непріятели уже овладѣли Москвою и въ Троицкія ворота вторгнулись въ Кремль. Разогнавъ холостымъ пушечнымъ выстрѣломъ народъ, толпившійся около Арсенала для взятія оттуда сабель и ружей, они разсыпались по всему Кремлю, вломились въ зданіе Сенана и наконецъ достигли Вотчиннаго Департамента. Въ это время находились тамъ многіе чиновники, еще съ утра пришедшіе за полученіемъ жалованья. Французы загородили имъ ружьями всѣ входы и выходы, обобрали ихъ всѣхъ до одного, въ томъ числѣ и Бестужева-Рюмина, и выгнали вонъ, а сами остались для помѣщенія въ архивахъ департамента.

Тогда Бестужевъ съ семействомъ своимъ побрелъ опять на прежнюю квартиру, гдѣ, кромѣ голыхъ стѣнъ, не нашелъ уже ничего: все было разграблено, а вскорѣ огонь лишилъ его и самаго крова. Домъ, въ которомъ онъ помѣщался, сдѣлался жертвою пожара.

Послѣ того жилъ онъ нѣсколько времени въ зданіи Медико-Хирургической Академіи. Средствъ къ жизни никакихъ у него не было, нужда была крайняя; оставалась одна надежда на человѣколюбіе. Но куда и къ кому обратиться? Наконецъ пришла ему счастливая мысль пойти поискать своихъ знакомыхъ. Съ этою цѣлью онъ отправился на Петровку, въ домъ князя Одоевскаго: здѣсь укрывался знакомый ему чиновникъ, М. И. Къ нему-то Бестужевъ и рѣшился прибѣгнуть съ просьбою о помощи. Этотъ сжалился надъ нимъ, накормилъ его съ женою и дѣтьми и далъ у себя пристанище.

Оставивъ здѣсь семейство, пошелъ онъ на Тверскую, съ намѣреніемъ отыскать домъ одного своего благодѣтеля (фамиліи котораго передающій этотъ разсказъ не помнитъ), и вдругъ былъ окруженъ Французами. Видя, что онъ умѣетъ говорить по-французски, они схватили его и представили къ Наполеону. На предложеніе Наполеона вступить къ нему въ службу Бестужевъ отвѣчалъ, что считаетъ противнымъ долгу чести и присяги служить двумъ императорамъ. Наполеонъ приказалъ отпустить его.

На возвратномъ пути ожидало Бестужева новое несчастіе: на Тверскомъ бульварѣ онъ былъ ограбленъ Поляками. И въ этотъ разъ М. И. выручилъ его изъ бѣды, снабдивъ старою фризовою шинелью.

Москва давно уже горѣла. Пожаръ сталъ угрожать и дому Одоевскаго. Бестужевъ долженъ былъ искать новаго убѣжища, и вотъ онъ, съ женою и дѣтьми, рѣшился идти въ ту сторону, гдѣ находился Полевой дворъ *). Тамъ на огородахъ стояла изба, въ которой онъ и расположился провести ночь, вмѣстѣ со многими другими несчастными и безпріютными; но и это единственное убѣжище вздумалъ кто-то поджечь. Проведя остатокъ ночи подъ открытымъ небомъ, на огородахъ, между капустными грядами, рано утромъ воротился онъ въ домъ князя Одоевскаго, но благодѣтеля своего М. И. уже не нашелъ тамъ: пожаръ заставилъ и его удалиться въ другое мѣсто.

Такимъ образомъ положеніе Бестужева сдѣлалось снова безвыходнымъ: ни пристанища, ни хлѣба не было; дѣти страдали отъ холода и голода. Это безпокоило его больше всего. Чтобы хотя сколько нибудь обогрѣть малютокъ, онъ повелъ ихъ на Самотеку въ баню, но бань уже не было: онѣ также сгорѣли.

Нужно было достать для нихъ, по крайней мѣрѣ, хлѣба. Судьба помогла ему въ этомъ. Бродя съ ними по улицамъ, онъ встрѣтилъ

*) Надо замѣтить, что огонь по вѣтру шелъ въ направленіи къ Полевому двору; здѣсь, не встрѣчая на пути своемъ ничего, кромѣ огородовъ, онъ прекратился.

стараго хромаго солдата и попросилъ у него хлѣба. Солдатъ отвѣчалъ ему: «Хлѣба нѣтъ у меня; самъ питаюсь разводимою въ водѣ мукою; муки, пожалуй, дамъ». И дѣйствительно подѣлился.

Тогда Бестужевъ, успокоенный нѣсколько тѣмъ, что можетъ, наконецъ, накормить дѣтей, поспѣшилъ въ уцѣлѣвшій, къ счастію, домъ князя Одоевскаго. М. И. былъ опять уже тамъ. Жену и дѣтей Бестужевъ оставилъ у него, а самъ пошелъ къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, можно было брать подмоченную на баркахъ пшеницу; но едва вышелъ изъ дома, какъ былъ схваченъ Французами и снова приведенъ къ Наполеону. На этотъ разъ Бестужеву не удалось отдѣлаться отъ Наполеона; онъ долженъ былъ вступить въ его службу и сдѣланъ членомъ Муниципальнаго Совѣта *), а въ отличіе отъ прочихъ велѣно ему носить голубую ленту, на лѣвомъ рукавѣ, выше локтя.

Въ это время нижніе Французскіе чины считали Бестужева городскимъ начальникомъ. Онъ умѣлъ пользоваться этимъ какъ нельзя лучше; бралъ у Французовъ хлѣбъ и раздавалъ бѣднѣйшимъ изъ своихъ соотечественниковъ, въ особенности семейнымъ и, такимъ образомъ, облегчалъ участь многихъ несчастныхъ.

Къ чести его должно также сказать, что онъ заботился о сохраненіи въ цѣлости Вотчиннаго Департамента. Такъ, бывши однажды въ Кремлѣ, онъ увидѣлъ, что Французы изъ оконъ архива выкидывали книги и дѣла въ вязкахъ; тотчасъ же отправился къ Наполеону, какъ членъ Муниципальнаго Совѣта былъ допущенъ къ нему и донесъ ему объ этомъ. Наполеонъ, по просьбѣ его, приказалъ къ архиву приставить караулъ.

(Изъ „Чтеній“ 1859 года кн. 2-я. Эти свѣдѣнія записаны Н. С. Палетовымъ.)

*) Этотъ Муниципальный Совѣтъ помѣщался на Покровкѣ, въ домѣ Румянцова. По выходѣ непріятеля изъ Москвы, найденъ здѣсь гр. Ростопчинымъ списокъ всѣхъ Русскихъ чиновниковъ, находившихся въ службѣ у Французовъ; въ немъ упомянутъ и Бестужевъ-Рюминъ. Вскорѣ Бестужевъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ. На проѣздъ и путевыя издержки высланы ему деньги отъ одного сенатора.

СТАРИННАЯ САТИРА.

Амурчика рожденьемъ
Встревожился народъ.
Къ Венерѣ съ поздравленьемъ
Пустился всякой сбродъ:
Монахъ, ριѳмачъ, прелестники, вельможи;
Иной пѣшкомъ, другой въ саняхъ.
Дитя глядитъ на нихъ въ слезахъ
И вопитъ: „что́ за рожи!“

***

Совѣтъ нашъ именитый
И въ лентахъ, и въ звѣздахъ
Приходитъ съ шумной свитой.
Малютку пронялъ страхъ.
„Не бойся, говорятъ, сиди себѣ въ покоѣ:
Не обижаемъ никого;
Мы право, право, ничего,
Хоть насъ число большое“.

***

Нашъ Неккеръ *), запыхаясь,
Амурчику сквозь слезъ,
У ногъ его валяясь,
Молитву произнесъ:
„Мой боже, сотвори ты въ нашу пользу чудо!
Оно тебѣ, какъ плюнуть разъ;
А безъ него, боюсь, у насъ
Финансамъ будетъ худо“!

***

---

*) Извѣстный гастрономъ графъ Д. А. Гурьевъ; онъ былъ полнаго сложенія и страдалъ одышкою. Гурьевская каша славится и донынѣ. Изъ Записокъ Голубева („Русскій Архивъ“ сего года) читатели уже знаютъ о государственныхъ заслугахъ этого министра финансовъ въ тяжкое время нашей великой борьбы съ Европою и потомъ въ Европѣ. П. Б.

Склонись на просьбу нашу,
Рука твоя легка;
А для тебя я кашу
Начну варить пока.
О мастерствѣ моемъ уже́ здѣсь всякой свѣдалъ,
Я кашу лучше всѣхъ варю,
И съ той поры, какъ взятъ къ царю,
Я только то и дѣлалъ".

***

Сподвижникъ знаменитый
Его достойныхъ дѣлъ,
Румянами покрытый
Къ Венерѣ вдругъ подсѣлъ.
Онъ говоритъ: „Себѣ подобнаго не знаю:
Военнымъ былъ средь мирныхъ лѣтъ;
Теперь, когда торговли нѣтъ,
Торговлей управляю" [1]).

***

Пронырливый отъ вѣка
Сибирскій лилипутъ,
Обращикъ человѣка
Явился Пестель тутъ:
Что правитъ Зевсъ съ небесъ землей, ни въ грошъ не ставлю;
Диви пожалуй онъ глупцовъ!
Сибирь и самъ съ Невы береговъ
И правлю я, и граблю! [2])

***

Амуру въ новоселье
Несетъ министръ овецъ:
Россійское издѣлье,
Суконный образецъ [3]).
Я знаю, говоритъ, сукно мое дрянное;
Но ты носи, любя меня,
И въ *Сѣверной* о другѣ я
Скажу словцо-другое!

***

---

[1]) Директоръ департамента внѣшней торговли, сенаторъ и генералъ-майоръ Михаилъ Алексѣевичъ Обрѣзковъ. П. Б.

[2]) Будучи генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, Иванъ Борисовичъ Пестель (извѣстный перлюстраторъ, отецъ Декабриста), ни разу тамъ не былъ. П. Б.

[3]) Министръ внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ. При немъ издавалась „Сѣверная Почта". П. Б.

Вдругъ слышенъ шумъ у входа:
Березинскій герой [1])
Кричитъ толпѣ народа:
Раздвиньтесь, я герой!
Пропустите его, вдругъ каждый повторяетъ;
Держать его грѣшно бы намъ:
Мы знаемъ, онъ другихъ и самъ
Охотно пропускаетъ!

* * *

Украшенный вѣнками
Приходитъ Витгенштейнъ.
Герою ревмачами
Давно приписанъ Рейнъ!
Онъ говоритъ: Богъ вѣсть, какъ съ вами очутился;
Летѣлъ я къ славѣ на легкѣ,
Летѣлъ, летѣлъ съ мечемъ въ рукѣ,
Но съ Люцена я сбился! [2])

* * *

Носъ къ верху вздернувъ гордо
И нюхая табакъ,
Столпъ государства твердый,
А просто злой дуракъ [3]),
Подводитъ изъ Москвы полиціи когорту.
Амуръ ему, отбривши спѣсь,
Сказалъ: „Тебѣ не мѣсто здѣсь,
Ты убирайся къ чорту“.

* * *

Захаровъ пресловутый,
Присяжный Славянинъ,
Ораторъ нашъ надутый,
Бесѣды исполинъ,
Венерѣ говоритъ: „Не занятъ я житейскимъ,
Пишу наитіемъ благимъ,
И все не языкомъ людскимъ,
А самымъ ужъ библейскимъ!“

* * *

---

[1]) Адмиралъ Чичаговъ, котораго всѣ тогда обвиняли за то, что онъ пропустилъ Наполеона подъ Березиной. П. Б.

[2]) Послѣ несчастнаго для насъ Люценскаго сраженія главнокомандующій графъ Витгенштейнъ смѣненъ Барклаемъ-де-Толли. П. Б.

[3]) Графъ Растопчинъ, въ 1815 году смѣненный въ Москвѣ Тормасовымъ (Москву затормозили). П. Б.

Съ поэмою холодной
Студеный Шаховской
Приходитъ въ часъ свободный
Читать акаѳистъ свой.
При первыхъ двухъ стихахъ дитя прилегъ головкой.
„Спасибо, няня говоритъ:
Читай, читай, смотри, какъ спитъ;
Баюкаешь ты ловко!“

*
* *

Къ Амуру риторъ новый
Подходитъ Филаретъ,
Къ услугамъ всѣмъ готовый
Лзъ Невскій Боссюэтъ!
Мнѣ, право, никогда быть умникомъ не снилось;
Но тотъ шепнулъ, другой сказалъ,
И что я въ умники попалъ,
Нечаянно случилось! *)

* *
*

Къ Венерѣ благодатной
Растрепанный бѣжитъ
Кликуша князь Шахматной,
Бьетъ объ грудь и визжитъ:
„Венера, будь мнѣ щитъ, я вовсе погибаю;
Лукавый смыслъ мой помрачилъ,
Шишковымъ я испорченъ былъ;
Очисти, умоляю!“

*
* *

Хвостовы предъ малюткой
Другъ съ другомъ входятъ въ бой;
Одинъ съ старинной шуткой,
Съ мѣшкомъ стиховъ другой.
Одинъ кричитъ: словцо! Другой мяучитъ: ода!
Малютка, ихъ прослуша вздоръ,
Сказалъ, возвыся къ небу взоръ:
„Несчастная порода!“

*
* *

За ними пара Львовыхъ
Выходитъ изъ толпы,
Бесѣды стѣнъ Петровыхъ
Надежные столпы.
Прослушавши Амуръ привѣтствіе ихъ длинно
И смѣря съ ногъ до головы,

---

*) Какъ жестоко ошибся остроумный сочинитель этихъ стиховъ! П. Б.

„Ужъ не Хвостовы ли и вы?“
Спросилъ онъ ихъ наивно.

***

Трактатъ о воспитаньи
Приноситъ новый Локкъ.
Въ малюткѣ при стараньи,
Повѣрьте, будетъ прокъ.
Отдайте мнѣ его; могу на Нижній смѣло
Сослаться объ умѣ своемъ.
Въ Гишпаньи, не таюсь грѣхомъ,
Совсѣмъ другое дѣло *).

***

Горація на шею
Себѣ я навязалъ;
Я мало разумѣю,
Но много прочиталъ.
Малютку радъ учить всѣмъ лексиконамъ въ мірѣ,
Но математикѣ никакъ.
Боюсь, докажетъ: я дуракъ,
Какъ дважды два четыре!

***

Къ Венерѣ съ извиненьемъ
Подкрался Горчаковъ.
Удобривая чтеньемъ
Похвальныхъ ей стиховъ.
Она ему въ отвѣтъ: „Прошу, не извиняйся!
Я знаю, ты ругалъ меня;
Ругай и впредъ, позволю я;
Но только убирайся!“

Писано не позже 1815 года. Печатается (съ небольшими, по необходимости, измѣненіями и опущеніями) по списку руки А. И. Тургенева; нѣкоторые намеки остаются для насъ непонятны. П. Б.

*) Кто это, намъ неизвѣстно. П. Б.

ГРАФЪ Е. Е. КОМАРОВСКІЙ*).

Графъ Егоръ Евграфовичъ Комаровскій (род. 1803, ум. 1875) былъ сынъ генералъ-адъютанта Евграфа Ѳедотовича, автора извѣстныхъ Записокъ (напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 года) и жены его Елисаветы Егоровны, рожденной Цуриковой. Воспитанный первоначально въ Петербургѣ, въ извѣстномъ Іезуитскомъ пансіонѣ, графъ Егоръ Евграфовичъ былъ, по закрытіи пансіона, взятъ своимъ отцомъ домой и поступилъ подъ руководство гувернера, эмигранта Барона (Вагоп), основавшаго впослѣдствіи въ Москвѣ частное мужское училище. Французская педагогія и особенный характеръ ея направленія въ смыслѣ того, что́ называется belles lettres, наложили отпечатокъ на условія воспитанія и на послѣдующій образъ мыслей молодаго графа. Въ основу ихъ легли преданія и пріемы классицизма. Древніе языки, всеобщая исторія и литература давали главнѣйшее содержаніе его познаніямъ, и мышленіе его носило на себѣ явные слѣды богословской діалектики Іезуитовъ. Древнихъ писателей, преимущественно Латинскихъ, онъ зналъ въ совершенствѣ, а Французскимъ языкомъ владѣлъ устно и письменно съ тѣмъ изяществомъ, которое способствовало особой прелести его остроумной бесѣды. Всѣ эти черты, въ связи съ занимавшими графа Егора Евграфовича научными (преимущественно теологическими) вопросами, напоминали въ его лицѣ тѣхъ представителей Франціи, которые подъ знаменемъ роялистовъ заявили себя извѣстными именами въ области науки, литературы и политики. Это былъ сколокъ съ эмигрантовъ, но съ чисто-русскими, мѣстными оттѣнками въ своемъ міросозерцаніи и въ своихъ національныхъ пристрастіяхъ. Не одно воспитаніе, не одни Французскіе педагоги способствовали созданію такого общественнаго типа, сложившагося подъ вліяніемъ міровыхъ событій первой четверти нашего столѣтія, когда вопросы, связанные съ политической судьбою Франціи, вызывали особое участіе и къ этой странѣ, и къ условіямъ ея просвѣщенія. Графъ Егоръ Евграфовичъ побывалъ въ раннемъ дѣтствѣ съ своимъ отцомъ въ Германіи и во Франціи, а потомъ имѣлъ случай оживить свои заграничныя впечатлѣнія, поступивъ, въ послѣднихъ годахъ царстованія Александра I, юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ и слушая разсказы своихъ товарищей-офицеровъ о научныхъ, лите-

*) См. Письмо графа Е. Е. Комаровскаго къ И. В. Кирѣевскому въ „Русскомъ Архивѣ“ сего года (вып. 3-й, стр. 464—470). Настоящій біографическій очеркъ этого достопамятнаго человѣка любезно написанъ для насъ лицомъ ему близкимъ. П. Б.

ратурныхъ и культурныхъ прелестяхъ Западной Европы. Но при этихъ сношеніяхъ его съ однополчанами не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣхъ условій домашняго замкнутаго воспитанія, которыя сопровождали въ то время молодыхъ людей, поступавшихъ на дѣйствительную службу и тѣмъ не вполнѣ еще освобождавшихся отъ педагогическаго контроля. Для характеристики этихъ условій считаемъ не лишнимъ привести напр. слѣдующее.

Въ началѣ 20 годовъ, или даже ранѣе, въ кавалергардскій полкъ поступилъ юнкеромъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ, впослѣдствіи декабристъ. Только что надѣвъ военный мундиръ, онъ долженъ былъ вызвать на дуэль одного изъ своихъ однополчанъ, за что, по рѣшенію военнаго начальства, былъ присужденъ къ кратковременному аресту въ крѣпости. Въ это же самое время онъ получилъ извѣстіе о тяжелой болѣзни своей матери, жившей въ Орловскомъ имѣніи, и долженъ былъ, какъ единственный сынъ, спѣшить къ больной, которой могла грозить смерть. Сидѣніе подъ арестомъ пришлось отсрочить и, по особому высочайшему повелѣнію, графу Чернышову было разрѣшено съѣздить въ деревню и вернуться къ извѣстному сроку подъ честнымъ словомъ, даннымъ начальству. Все это было въ точности исполнено молодымъ человѣкомъ, который, въ сопровожденіи своего гувернера, Француза Жоайе (Joyeux), успѣлъ побывать въ Орловской губерніи и, возвратясь въ Петербургъ, немедленно сѣлъ въ казематъ вмѣстѣ съ Жоайе, обѣщавшимъ старому графу раздѣлить заключеніе своего воспитанника.

Въ подобныхъ же условіяхъ воспитывался и графъ Е. Е. Комаровскій, въ мундирѣ конногвардейскаго юнкера не смѣвшій иначе, какъ въ сообществѣ своего Барона, посѣщать Петербургскіе рестораны, куда бывалъ принужденъ забѣгать, чтобы погрѣться отъ холода или утолить голодъ послѣ смотра или ученія.

Для характеристики преобладанія Французскаго языка въ Русскомъ обществѣ описываемой эпохи мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь другой разсказъ самого графа Егора Евграфовича. 14 Декабря 1825 года онъ находился въ строю конной гвардіи и участвовалъ въ аттакѣ кавалеріи на мятежниковъ, окружавшихъ памятникъ Петра Великаго. По окончательномъ разсѣяніи бунтовщиковъ, часть войскъ, съ цѣлью охраненія порядка въ столицѣ, осталась на Сенатской площади на бивуакахъ. У одного изъ костровъ, разложенныхъ по случаю сильнаго мороза, встрѣтились двое офицеровъ конной гвардіи, къ которымъ присоединился и юнкеръ графъ Комаровскій. Разговоръ шелъ, конечно, о событіяхъ минувшаго дня, и сообщались другъ другу слухи объ арестѣ товарищей, въ числѣ которыхъ были офицеры и конной гвардіи, какъ, напримѣръ, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій. Графъ Комаровскій особенно интересовался судьбою своего товарища еще по Іезуитскому пансіону, молодаго князя А. А. Суворова, котораго имѣлъ поводъ считать, если не принадлежавшимъ къ числу членовъ тайнаго общества, то по крайней мѣрѣ близко знакомымъ съ нѣкоторыми участни-

ками мятежа. Желая разсѣять свои сомнѣнія, графъ собирался уже спросить одного изъ своихъ сосѣдей по костру объ участи князя Суворова, но стѣснялся выразить свои подозрѣнія передъ третьимъ, мало ему знакомымъ, однополчаниномъ. Онъ измышлялъ средства удовлетворить своему любопытству, и наконецъ, рѣшился употребить для вопроса Русскій языкъ, котораго не зналъ третій конногвардеецъ, грѣвшійся у огня, человѣкъ вполнѣ Русскій по происхожденію и по фамиліи.

Въ 1828—1829 годахъ, въ качествѣ адъютанта при принцѣ Евгеніи Виртембергскомъ, графъ Е. Е. Комаровскій принималъ участіе въ войнѣ съ Турками и имѣлъ случай познакомиться на походѣ съ А. С. Хомяковымъ, съ которымъ сблизился еще болѣе впослѣдствіи, когда женился (1830) на сестрѣ поэта Веневитинова, Софіи Владимировнѣ (ея братъ поэтъ Дмитрій Владимировичъ былъ другомъ Хомякова). Женитьба эта ввела графа Е. Е. въ кружокъ Московскихъ Славянофиловъ и бывшихъ архивныхъ юношей, съ которыми у семьи Веневитиновыхъ были давнія и близкія сношенія. Представители этого кружка, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Погодинъ, Шевыревъ, Кошелевъ, Соболевскій и другіе имѣли случай встрѣчаться съ молодыми Комаровскими при ихъ проѣздахъ чрезъ Москву въ Орловскій уѣздъ, гдѣ въ прекрасной усадьбѣ села Городища проводилъ послѣдніе годы жизни отецъ ихъ генералъ-адъютантъ Александра I-го, по желанію котораго онъ основалъ суконную фабрику въ Петербургѣ. Фабрика находилась на Охтѣ, и при ней былъ небольшой домъ съ садомъ, служившій квартирою для управляющаго и конторою. По смерти графа Евграфа Ѳедотовича, когда это суконное дѣло прекратилось, молодые Комаровскіе вернулись въ Петербургъ и стали пользоваться Охтенскою усадьбою, какъ дачею для лѣтняго пребыванія. Здѣсь ихъ неоднократно посѣщалъ Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій (въ свои пріѣзды въ Петербургъ онъ останавливался въ ихъ городской зимней квартирѣ).

Оставивъ военную службу и поселившись у отца своего въ Орловской деревнѣ, графъ Комаровскій продолжалъ пользоваться досугомъ для развитія своихъ познаній и для неутомимаго чтенія, матеріалъ которому доставляла богатая библіотека его отца со многими Русскими и иностранными журналами и газетами. Все это не только прочитывалось, но служило предметомъ систематическихъ выписокъ. Вернувшись съ семьею въ Петербургъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, графъ Е. Е. поступилъ цензоромъ въ Петербургскій комитетъ иностранной цензуры и на этомъ мѣстѣ оставался до своей смерти.

Новый родъ занятій соотвѣтствовалъ не только характеру воспитанія, но и личнымъ вкусамъ графа. Съ этихъ поръ онъ особенно углубился въ книги и съ помощью богатаго матеріала, обусловленнаго служебнымъ положеніемъ, развивалъ свои теоріи о прошломъ и будущемъ Православія, Славянства и Россіи, зародившіяся въ его мысляхъ еще при первыхъ встрѣчахъ съ представителями Славянофильскаго направленія. Къ этимъ же 40 —

60-мъ годамъ относится эпоха его видпаго участія въ интелектуальномъ и художественномъ кружкѣ, собиравшемся вокругъ братьевъ Михаила и Матвѣя Юрьевичей Вьельгорскихъ, на вечерахъ у коихъ его бесѣда всегда отличалась привлекательною силой *). Темою этихъ бесѣдъ большею частію бывали вопросы религіозные и богословскіе, такъ какъ графъ Комаровскій былъ человѣкомъ глубоко-вѣрующимъ, а сношенія съ Славянофилами еще болѣе укрѣпили въ немъ стойкую приверженность къ Православію. Имѣя случаи часто встрѣчать у Вьельгорскихъ посѣщавшихъ ихъ иностранцевъ и иновѣрцевъ, въ числѣ которыхъ бывали строгіе и убѣжденные послѣдователи Католичества и Протестанства, и преслѣдуя свою завѣтную мысль о назначеніи Православнаго Востока, графъ Комаровскій, вступалъ по этому поводу въ горячіе споры, отличавшіеся изысканною вѣжливостью въ внѣшнихъ формахъ и въ пріемахъ возраженій и нападокъ. Диспуты эти не оставляли по себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ горечи или даже личнаго раздраженія. Причина такого миролюбія лежала во Французскомъ воспитаніи графа Комаровскаго, обладавшаго высшею тонкостью свѣтскаго обращенія. По своей скромности, безпритязательности, по своему глубокомыслію и характеру остроумія графъ Егоръ Евграфовичъ очень напоминаетъ тотъ типъ людей, къ которому принадлежалъ Ѳ. И. Тютчевъ, его сотоварищъ по цензурному комитету и весьма часто его собесѣдникъ въ гостиныхъ Петербурга.

Изобразивъ личность графа Е. Е. Комаровскаго, намъ бы слѣдовало обратиться къ изложенію его историко-философскихъ взглядовъ; но для такой задачи мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ достаточнаго матеріала. Дѣло въ томъ, что въ сохранившихся послѣ него бумагахъ нигдѣ не встрѣчается полнаго, обстоятельнаго плана его теоріи, которая можетъ быть выяснена лишь путемъ возстановленія связи между ея отдѣльными подробностями. Сколько намъ извѣстно, теорія эта скорѣе сосредоточивалась въ головѣ ея автора, чѣмъ въ случайныхъ замѣткахъ, вызываемыхъ по поводу чтенія книгъ, которыя онъ выбиралъ въ извѣстномъ направленіи съ цѣлью подтвердить научными фактами правильность синтетическаго построенія. Бѣглые проблески цѣлой самостоятельной системы философіи, имѣющей предметомъ всемірную цивилизацію и указывающей въ ней мѣсто Православной вѣрѣ и Славянскому племени, являлись плодомъ размышленій надъ прочитанными книгами, развитіемъ или опроверженіемъ мыслей ихъ авторовъ. Такія замѣтки, сопровождаемыя ссылками и даже пространными выписками, запосились графомъ на страницы отдѣльныхъ тетрадей (числомъ около двадцати) съ особыми заглавіями для каждой отдѣльной отрасли наукъ и для каждаго отдѣльнаго элемента системы. Новыя книги и новыя о нихъ замѣтки безпрестанно унестряли тетради выносками, и обозначеніе этихъ выносокъ условными знаками въ текстѣ и въ примѣчаніяхъ, безпрестанно подвергавшихся дальнѣйшимъ по мѣрѣ чтенія дополненіямъ, давало особую внѣшность многолѣтнему труду графа, и нѣкоторыя лица имѣли право говорить, что трудъ его построенъ многоэтажнымъ способомъ.

*) Братъ его супруги Алексѣй Владимировичъ, женатъ былъ на старшей дочери гр. М. Ю. Вьельгорскаго Аполинѣ Михайловнѣ (см. „Р. Архивъ“ 1884, III, 239). П. Б.

Изобиліе тетрадей, ихъ взаимная связь, разбросанность помѣщенныхъ въ нихъ замѣтокъ, въ связи съ личною скромностью графа Комаровскаго, съ его желаніемъ совершенства въ своемъ трудѣ, все это, вмѣстѣ взятое, ни разу не дало ему повода остановиться на извѣстной точкѣ своихъ изслѣдованій, подвести итогъ ихъ результатамъ и окончательно изложить свои взгляды, кругозоръ которыхъ безпрерывно расширялся въ зависимости отъ постояннаго роста въ объемѣ матеріала. Въ тетрадяхъ графа его историко-философская система отражается лишь въ видѣ краткихъ, частичныхъ, первоначальныхъ очертаній плана задуманнаго имъ сочиненія, который для полнаго своего уразумѣнія потребовалъ бы возстановленія строгаго систематическаго порядка замѣтокъ. Ключъ къ тому утраченъ со смертью автора: какъ провѣрить приводимыя имъ цитаты изъ печатныхъ источниковъ по изданіямъ, отчасти составляющимъ нынѣ библіографическія рѣдкости?

Изъ всего того, что̀ до сихъ поръ удалось разобрать въ тетрадяхъ графа Е. Е. Комаровскаго и что̀ можетъ быть подкрѣплено воспоминаніями о его интересныхъ бесѣдахъ, можно извлечь лишь слѣдующія, главныя основанія его теоріи.

Исходя изъ православнаго догмата о св. Троицѣ и примѣняя къ нему Гегелевское положеніе о трехъ моментахъ человѣческаго самосознанія, графъ Комаровскій въ своей философіи исторіи дѣлитъ судьбу человѣчества на три эпохи, прошедшаго, настоящаго и будущаго, и олицетворяетъ ихъ въ мірѣ классической древности, въ Западно-европейской цивилизаціи и въ надеждахъ будущаго отъ предстоящей въ немъ роли Славянства и, во главѣ его, Россіи. Тройственность такого дѣленія систематически проводится графомъ во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ его воззрѣнія. Независимо отъ эпохъ, отъ народностей, отъ мѣста дѣйствія и области культуры, онъ видитъ въ ходѣ развитія каждаго историческаго явленія, всегда и вездѣ, три послѣдовательныя ступени, соотвѣтствующія отдѣльнымъ ипостасямъ Троицы и подтверждаемыя основами Гегелевской философіи. Такъ, примѣняя эту теорію къ исторіи всеобщей литературы, онъ полагаетъ, что древній классицизмъ исполнилъ свое назначеніе, доведя до совершенства эпическую форму поэзіи, Западная Европа выработала высшіе образцы драмы, а приближеніе лирики до возможныхъ предѣловъ идеала должно составлять въ будущемъ заслугу Славяно-русскаго міра. Слѣды примѣненія этого тройственнаго воззрѣнія къ области политической исторіи отражаются въ письмѣ графа Е. Е. Комаровскаго къ И. В. Кирѣевскому, напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ“ нынѣшняго года.

Приближаясь къ Славянофиламъ въ конечныхъ результатахъ своей теоріи, графъ Комаровскій отличается отъ нихъ въ матеріалѣ и построеніи своихъ аргументовъ. Онъ недостаточно воспользовался почвою этнографической, филологическою, политико-экономическою и отчасти философскою, послужившею основою Славянофильскому ученію, насколько оно было выра-

ботано Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими и послѣдующими ихъ учениками; но классическое воспитаніе, познанія въ области всеобщей исторіи и литературы, а равно и Французскій оттѣнокъ въ пріемахъ мышленія, въ связи съ прирожденной набожностью и порывами безсознательнаго чувства, дали въ руки графу Комаровскому особое орудіе для подтвержденія догмата Славянофиловъ, заимствованное изъ сферы мистицизма и, такъ сказать, богословской кабалистики. Проведеніе начала трехъ ипостасей Троицы чрезъ весь ходъ человѣческой исторіи, всецѣлое отраженіе въ ней этого начала мирило Христіанскія убѣжденія графа Комаровскаго съ искушеніями Западно-европейскаго скептицизма, съ противорѣчіями науки и философіи, которыя онъ встрѣчалъ въ своемъ неутомимомъ чтеніи по обязанности и по личной страсти къ книгамъ.

Рудиментарный характеръ труда графа Комаровскаго и отсутствіе въ немъ окончательной формулировки объясняются самимъ мистицизмомъ его теоріи и мотивами предпринятой имъ работы. Не представляя въ самомъ себѣ ни способа, ни цѣли для прямаго примѣненія на практикѣ и отличаясь этимъ отъ политическаго и экономическаго значенія Славянофильства, теорія графа являлась плодомъ исключительно-книжнаго отношенія къ задачамъ жизни, гигантскимъ трудомъ, коренящимся не столько въ побужденіяхъ дать реальное развитіе своимъ основнымъ положеніямъ, сколько въ желаніи утвердиться въ мысляхъ, оправдываемыхъ первоначальными намеками чувства Въ этомъ отношеніи личность графа Е. Е. Комаровскаго представляется намъ весьма характернымъ явленіемъ первой половины нашего столѣтія, когда лучшіе Русскіе люди, вслѣдствіе модныхъ космополитическихъ пріемовъ въ направленіи ихъ воспитанія, тщетно искали выхода для своихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ въ условіяхъ дѣйствительной жизни своего отечества и, не находя почвы для практической дѣятельности, по неволѣ удалялись въ область метафизики, хотя и безплодной, но почтенной по искренности побужденій. А что графъ Е. Е. Комаровскій можетъ быть сопричтенъ къ лучшимъ Русскимъ людямъ, это смѣло мы говоримъ, вспоминая его обширную начитанность, глубокую образованность, его безграничную доброту, высокую честность и по истинѣ Христіанское смиреніе.

Для образца приводимъ выдержки изъ тетрадей графа Комаровскаго.

Prologue.

Ceux qui croient en Jésus Christ connaissent bien cette parole: *Une seule chose est nécessaire*, c'est en se livrant à Dieu d'acquérir «la bonne part», la vie éternelle.

Ce mot divin réduit toutes les choses d'ici bas à une valeur purement accessoire, mais non sans importance par la corrélation, qui se trouve entre elles et la *chose unique*. Tout peut agir sur la destinée de l'âme, parce qu'elle même est passible de toutes les influences. Pour peu qu'elle cède, un souffle lui imprime son inflexion. Dans cette

vie éphémère il n'existe, il n'arrive rien d'indifférent pour cette sensitive immortelle.

Comme action permanente notre âme subit entre autres celle des milieux, qui la renferment concentriquement. D'abord la Famille, notre société natale, intime, parlant la même langue, priant autour du même autel. Au loin l'Humanité, qui se compose d'un nombre infini de nos semblables, que nous ignorons. Entre ces deux termes est la Nationalité, la Patrie qui tient de l'un et de l'autre par sa communauté de culte et de langue avec tant de frères inconnus.

A travers ces milieux circule, comme un souffle social, *l'esprit du temps*, résultat de leurs influences réciproques. Or, la Providence régit le monde diversement: tandis que Dieu seul gouverne l'Humanité dans son ensemble, et que la nature, les liens instinctifs, la voix du sang inspirent la Famille, on voit dans la direction du pays intervenir davantage l'exercice plus ou moins libre de la raison humaine. Aussi tout gouvernement chrétien doit reconnaître que dans la mesure de ses forces il a charge d'âmes, pour le moins autant que le clergé, bien que d'une autre manière. Cette responsabilité lui fera mieux apprécier si le but et les moyens ne sont pas intervertis, et si par exemple de nos jours la loi du Christ ne dégénère pas en code de morale, propre à régulariser la vie de tant d'êtres, voués à la poursuite de biens éphémères et à l'exploitation du monde, où s'effectue leur passage? Et cependant un indestructible levain de Christianisme, resté dans les coeurs, fermente et proteste jusqu'à les rompre. Une soif est allumée qui veut s'assouvir; car pour des créatures douées du sentiment de l'infini, c'est trop peu du bien-être, il faut le bonheur; c'est trop peu même du bonheur, il faut la béatitude!

Voilà de quel côté les hommes, sans le savoir, même en ne le voulant pas, ont besoin d'être conduits! Pourvu que leurs guides tiennent leurs regards attachés au but, à l'issue, comme l'oeil du conducteur qui aperçoit la lumineuse sortie d'un tunnel prolongé. Pourvu qu'ils rappelent sans cesse qu'un jour de ce monde, que nous habitons, il ne restera que des âmes; qu'il n'existe que pour elles, et que par conséquent le sort de chacune de ces âmes a plus de prix réel que la fortune des empires.

On comprend que cette sollicitude diffère du mobile, qui porte un gouvernement à developper sa propre gloire, ou même la prospérité de ses peuples. Ceci est une oeuvre terrestre, dont quelques payens ont été capables. On a vu leur génie protéger les hommes, envisagés comme êtres sociaux, jusqu'au seuil de l'inconnu. On ne savait leur en demander davantage. Il n'y a qu'une inspiration évangélique, une clairvoyance

de charité qui, revêtue de pouvoir, s'efforcera de procurer à ceux, qui lui sont confiés, le bien dans un sens absolu, en pure considération d'eux-mêmes, et comme ils le voudraient tous, s'ils étaient au niveau des élus, qu'ils renferment dans leur nombre, en vue de résultats aussi durables que leur existence en deça et au delà du tombeau, c'est-à dire sans terme. Ainsi, en favorisant les progrès des hommes vers Dieu, l'État dans sa forme laïque, dans son domaine temporel poursuivra le même but que l'Église, qui pour ainsi dire est l'État Divin parmi les hommes. Ainsi au salut de l'âme convergeront harmonieusement toutes les forces sociales. Hors de là il n'y a qu'apparences et prestiges. «La figure de ce monde passe», a dit l'Apôtre (1 Cor. VII. 31).

Mais dans cet emploi des forces sociales que deviendra la société même? Sera-t'elle complètement sacrifiée à l'individu? A Dieu ne plaise! Elle exercera toujours sur lui l'influence d'un milieu, qui, dans sa signification abstraite, comprend tous les autres: la Famille, la Patrie, et même l'Humanité. Aucun pouvoir humain ne la dirige.

Переводъ.

Кто вѣруетъ въ Іисуса Христа, тому хорошо знакомы слова о *единой вещи потребной*, то-есть предаться Богу, чтобы получить „благую часть“, вѣчную жизнь.

Это божественное изреченіе придаетъ всѣмъ предметамъ земли цѣнность второстепенную, не не лишенную значенія по соотношенію между этими предметами и *единой вещью потребной*. Душа подвержена всяческимъ вліяніямъ, и все можетъ отражаться на ея участи. Ей стоитъ лишь поддаться, и малѣйшее дуновеніе способно ее наклонять въ ту или другую сторону. Въ нашей призрачной жизни ничего не существуетъ, ничего не случается, что̀ не было бы безъ воздѣйствія на это чуткое созданіе, одаренное безсмертіемъ.

Наша душа, между прочимъ, подчиняется постоянному вліянію среды, въ которой она вращается. Вліяніе это концентрическое. Вопервыхъ, семьи, нашего общества по рожденію, употребляющаго одинъ и тотъ же общій языкъ и соединеннаго въ молитвѣ вокругъ того же алтаря. Вдали—человѣчество, состоящее изъ безконечнаго множества намъ подобныхъ, но незнакомыхъ. По срединѣ этихъ двухъ крайнихъ предѣловъ помѣщается народность, отчизна, соединяющія эти двѣ крайности общеніемъ вѣры и рѣчи съ столькими незнаемыми братьями.

Сквозь эту тройственную среду вѣяніемъ общественности проникаетъ *духъ времени*, суммирующій всѣ взаимныя вліянія. Но Провидѣніе разнообразно правитъ міромъ: съ одной стороны Богъ руководитъ человѣчествомъ въ его цѣломъ, а природа, прирожденныя и кровныя связи родства даютъ содержаніе жизни семьи; съ другой стороны, въ движеніи государства замѣтно скорѣе болѣе или менѣе свободное дѣйствіе человѣческаго разума. Поэтому каждое христіанское правительство должно признавать, что оно

обязано пещись по мѣрѣ своихъ силъ о душевномъ благѣ, хотя и нѣсколько иначе, чѣмъ власти духовныя. Такая отвѣтственность побуждаетъ правительство тщательнѣе оцѣнивать соотвѣтствіе цѣли со средствами, напримѣръ, въ примѣненіи къ нашимъ днямъ, заняться вопросомъ о томъ, не вырождается ли законъ І. Христа въ кодексѣ нравственности, пригодной для упорядоченія жизни столькихъ существъ, стремящихся къ призрачному благу и къ использованію того міра, въ которомъ совершается ихъ странствіе? Но, неуничтожимая закваска христіанства, хранимая во глубинѣ сердецъ, всетаки бродитъ въ нихъ и угрожаетъ имъ разрывомъ. Возникаетъ жажда, стремящаяся утолиться, ибо одаренныя сознаніемъ безконечнаго существа не могутъ удовлетвориться благополучіемъ; имъ даже мало счастія, и надо блаженства!

Вотъ, въ какую сторону люди должны быть направляемы безсознательно, даже помимо ихъ желанія! Лишь бы ихъ руководители имѣли бы взоры прикованными къ этой цѣли, къ этому исходу, подобно тому, какъ глаза кондуктора разглядываютъ конечное свѣтлое отверстіе продолжительнаго тунеля. Лишь бы они безпрестанно припоминали себѣ, что придетъ день, когда отъ всего обитаемаго нами міра останутся лишь души; что міръ существуетъ только для душъ и что поэтому каждая изъ нихъ въ своей участи имѣетъ болѣе настоящей цѣны, чѣмъ счастіе цѣлыхъ имперій.

Понятно, что подобнаго рода заботливость отличается отъ тѣхъ побужденій, которыя занимаютъ правительство въ области развитія своей славы и даже благополучія подвластныхъ ему народовъ, области, по своему земному характеру, доступной и язычникамъ, которые имѣли случай въ ней отличиться, оказывая своимъ геніемъ покровительство людямъ, какъ членамъ общества, вплоть до того порога, за которымъ уже начинается неизвѣстность. Болѣе нельзя было и требовать отъ язычниковъ. Одно лишь евангельское вдохновеніе, одна лишь прозорливость любви способны во всеоружіи власти доставить тѣмъ, кто имъ ввѣряется, благо въ смыслѣ положительномъ, въ исключительномъ отношеніи къ нимъ самимъ и согласно ихъ собственнымъ желаніямъ, еслибъ они, подобно избраннымъ, заключающимся въ ихъ числѣ, имѣли въ виду такіе длительные сроки, какъ ихъ существованіе до и послѣ смерти, т. е. вѣчность. Такимъ образомъ, поощряя стремленіе людей къ Богу, государство, въ его свѣтской формѣ и временной власти, должно преслѣдовать одну и туже цѣль, какъ и церковь, которая, такъ сказать, составляетъ государство Божіе среди людей, и всѣ общественныя силы съ тѣмъ вмѣстѣ будутъ въ полномъ взаимномъ согласіи направлены къ спасенію души. Внѣ этой цѣли всѣ остальныя будутъ стремиться только къ уловленію обманчивыхъ призраковъ. „Преходитъ образъ міра сего“, говоритъ Апостолъ (I Коринѳ. VII, 31).

Но, что станетъ съ самимъ обществомъ при подобномъ пользованіи общественными силами, и не будетъ ли оно принесено въ полную жертву личности? Сохрани Боже! Общество всегда удержитъ надъ личностью вліяніе своей среды, въ своемъ отвлеченномъ значеніи суммирующей всѣ свои элементы, какъ-то семьи, родины и даже человѣчества, и это вліяніе не подчинено никакой человѣческой власти.

ИЗЪ БУМАГЪ А. Г. ТРОЙНИЦКАГО *).

Записка его объ участіи періодической литературы въ обсужденіи и разрѣшеніи крестьянскаго вопроса.

(1859).

Обнародованіе Высочайшихъ рескриптовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, положившее начало уничтоженію крѣпостнаго состоянія въ Россіи, вызвало живое сочувствіе въ Русской литературѣ, особенно періодической.

Правительство признало полезнымъ допустить участіе науки и литературы въ разъясненіи многочисленныхъ и многосложныхъ вопросовъ, которые необходимо должно было возбудить коренное преобразованіе постановленій, относящихся къ цѣлой трети всего народонаселенія Имперіи; но оно обратило въ тоже время вниманіе на возможность появленія въ печати, какъ неточныхъ и превратныхъ толковъ объ основаніяхъ и подробностяхъ предпринятаго преобразованія, такъ и несбыточныхъ и неосуществимыхъ теорій и предположеній, со стороны писателей, не вполнѣ знакомыхъ съ дѣломъ или увлекающихся односторонними и пристрастными воззрѣніями въ пользу того или другаго изъ двухъ сословій, главнѣйше заинтересованныхъ въ возникшемъ государственномъ вопросѣ: помѣщиковъ и крѣпостныхъ людей.

По этому поводу, Министерство Народнаго Просвѣщенія, по Высочайшей волѣ и отчасти по своему усмотрѣнію, приняло въ минувшемъ году слѣдующія мѣры. Вслѣдъ за появленіемъ Высочайшихъ рескриптовъ, цензурнымъ комитетамъ указано было разрѣшать печатаніе, въ періодическихъ и другихъ изданіяхъ, всякаго рода статей ученыхъ, историческихъ и статистическихъ, заключающихъ въ себѣ политико-экономическія изслѣдованія о настоящемъ и будущемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ; но въ тоже время предписано не допускать въ печати никакого осужденія правительственныхъ мѣръ, относящихся къ этому предмету, ни статей, которыя могли бы возбуждать неудовольствіе крестьянъ противу помѣщиковъ и производить обоюдное раздраженіе въ этихъ двухъ сословіяхъ, или заключали въ себѣ сужденія о принадлежащихъ будто бы крестьянамъ правахъ собственности на находящуюся во временномъ ихъ пользованіи помѣщичью землю. Съ цѣлью облегченія общей цензуры въ исполненіи усложнившихся ея обязанностей, опредѣлены были при всѣхъ министерствахъ и главныхъ управле-

*) См. выше, стр. 296.

ніяхъ особые довѣренные чиновники, для предварительнаго разсмотрѣнія статей, относящихся къ вѣдомству тѣхъ министерствъ и главныхъ управленій, при чемъ разсмотрѣніе статей по крестьянскому вопросу вошло, по сущности дѣла, въ кругъ обязанностей довѣренныхъ чиновниковъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. По изданіи, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, особой программы для занятій дворянскихъ губернскихъ комитетовъ, цензурнымъ комитетамъ положительно указано было: не допускать къ печатанію ничего противнаго Высочайшимъ рескриптамъ по крестьянскому дѣлу, или несогласнаго съ духомъ и направленіемъ означенной программы, и не дозволять никакихъ сужденій о предметахъ будущаго устройства крестьянъ въ окончательномъ періодѣ предпринятаго правительствомъ преобразованія. Въ концѣ года, къ предметамъ, обсужденіе которыхъ дозволено было въ періодическихъ изданіяхъ, присовокуплены вопросы относящіеся до порядка и способовъ выкупа земельныхъ угодій помѣщичьими крестьянами, при будущемъ ихъ устройствѣ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, съ своей стороны, опредѣлило, въ нѣсколькихъ циркулярахъ, границы того, что могло быть допускаемо къ печатанію въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ изъ совѣщаній созванныхъ по всей Имперіи Дворянскихъ Губернскихъ Комитетовъ.

Русская періодическая литература воспользовалась въ широкихъ размѣрахъ предоставленнымъ ей правомъ обсужденія одного изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ настоящаго времени, вопроса, связаннаго съ кореннымъ преобразованіемъ порядка и обычаевъ, укоренившихся въ Россіи въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій. Въ Москвѣ основались два спеціальныхъ журнала, съ цѣлью ученой и практической разработки основаній и подробностей преобразованія помѣщичьяго и крестьянскаго быта. Во всѣхъ почти, существовавшихъ уже, С.-Петербургскихъ и Московскихъ журналахъ появились особые отдѣлы, посвященные тому же предмету, и, сверхъ того, во всѣхъ газетахъ стали печататься статьи по вопросу, такъ сильно заинтересовавшему общественное мнѣніе.

Нельзя не признать, что это оживленное участіе періодической литературы въ крестьянскомъ вопросѣ принесло ощутительную и разностороннюю пользу. Оно уяснило и правительству, и помѣщикамъ множество общихъ и частныхъ вопросовъ, для удовлетворительнаго рѣшенія которыхъ не отыскивалось достаточныхъ данныхъ ни въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, ни въ неполныхъ и мало еще обработанныхъ, статистическихъ, этнографическихъ и политико-экономическихъ сочиненіяхъ о Россіи. Живыя силы науки и зрѣлыя свѣдѣнія опыта высказались въ самыхъ разнообразныхъ, часто неясныхъ и разнорѣчивыхъ, но тѣмъ не менѣе полезныхъ воззрѣніяхъ на всѣ стороны этихъ вопросовъ. Можно положительно сказать, что періодическая литература сильно содѣйствовала распространенію во всѣхъ образованныхъ сословіяхъ, и особенно въ сословіи помѣщиковъ, двухъ коренныхъ мыслей, заключающихся въ Высочайшихъ рескриптахъ: первой, что крѣпостное право на людей отжило свой вѣкъ въ Россіи и долѣе сохранено быть не можетъ и не должно; второй, что крѣпостные крестьяне не должны быть освобождены изъ подъ помѣщичьей власти безъ обезпеченія ихъ будущности по-

средствомъ надѣла землею, подъ извѣстными условіями и съ извѣстнымъ за то вознагражденіемъ землевладѣльцу, трудомъ или деньгами. Неотложность отмѣны личной зависимости человѣка отъ человѣка и необходимость предупрежденія въ тоже время бродяжничества и нищенства освобождаемыхъ людей проникли въ народное убѣжденіе, сдѣлались, такъ сказать, ходячими мыслями въ массѣ народа. Кромѣ этихъ коренныхъ положеній, усвоившихся, въ теченіе года, всѣмъ сословіямъ, періодическая литература пролила много свѣта и на множество частныхъ, разработанныхъ ею, вопросовъ, истекающихъ изъ двухъ упомянутыхъ главныхъ положеній. Таковы вопросы: о способахъ устройства и обезпеченія крестьянскаго быта и управленія, въ новомъ предстоящемъ ему положеніи; о значеніи и цѣнности усадебъ и усадебныхъ земель и о количествѣ земельнаго надѣла, необходимаго въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи; о преимуществахъ и недостаткахъ владѣнія общиннаго сравнительно съ владѣніемъ посемейнымъ и о различіи между общиннымъ владѣніемъ и общиннымъ управленіемъ; о томъ, предпочтительнѣе ли надѣлять крестьянъ землею въ оброчное пользованіе на продолжительный срокъ или навсегда, или облегчать имъ пріобрѣтеніе земель въ собственность; объ отношеніяхъ труда обязательнаго и свободнаго и о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ замѣны обязательнаго труда свободнымъ для продовольствія народнаго и для будущности Русской хлѣбной торговли и проч., и проч. По всѣмъ этимъ и по многимъ другимъ вопросамъ сообщена была, разумѣется не въ систематическомъ порядкѣ, а въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, масса свѣдѣній, которая (при всей даже неполнотѣ и сбивчивости многихъ изъ нихъ) не могла не имѣть вліянія на сужденія и рѣшенія какъ Дворянскихъ Комитетовъ, такъ и самого правительства.

Нельзя однакожъ не сознаться, что, по новости дѣла и по неопытности вообще нашей литературы въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ, значительное распространеніе въ періодическихъ изданіяхъ статей по крестьянскому вопросу имѣло и невыгодную сторону. Многіе писатели, вмѣсто того, чтобы, съ пособіемъ науки и практическихъ свѣдѣній, содѣйствовать правительству и дворянскимъ комитетамъ въ удобнѣйшемъ разрѣшеніи открывшейся задачи, пустились въ отвлеченныя изысканія о происхожденіи, о законности или незаконности самаго крѣпостнаго права и въ изслѣдованія правъ собственности на землю, со времени самыхъ древнихъ поселеній въ Россіи. Нѣкоторые пришли въ своихъ изслѣдованіяхъ къ выводамъ, прямо колеблющимъ права собственности на землю и на обязательный крестьянскій трудъ, которыми помѣщики пользовались и пользуются донынѣ на основаніи условій, освященныхъ закономъ, а потому и дозволили себѣ карать все настоящее поколѣніе дворянъ и помѣщиковъ, не за способъ пользованія, а за самое начало пользованія принадлежащимъ имъ правомъ, будто бы незаконно присвоеннымъ ихъ дѣдами и прадѣдами. Другіе, выставляя частные случаи злоупотребленія помѣщичьей власти въ видѣ общихъ злоупотребленій всего сословія помѣщиковъ, представляли положеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ самомъ мрачномъ и безнадежномъ видѣ и наконецъ дѣлали

неосуществимыя требованія не только о немедленномъ и безусловномъ освобожденіи крестьянъ изъ подъ власти помѣщиковъ, но и о предоставленіи крестьянамъ части помѣщичьей земли и усадебъ безъ всякаго за то вознагражденія. Конечно, цензура, какъ общая, такъ и довѣренныхъ чиновниковъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, не пропускала статей, проникнутыхъ такимъ духомъ; но, при всей ея осторожности, подобныя мысли прорывались отдѣльными выходками въ статьяхъ, которыхъ общее направленіе не было неблагонамѣренно; а такія выходки должны были оскорблять и раздражать помѣщиковъ и возбуждать въ крестьянахъ (если доходили до нихъ) неудовольствіе къ настоящему ихъ положенію, и потому не облегчали, а, напротивъ того, затрудняли дѣло мирной развязки помѣщичьихъ и крестьянскихъ интересовъ.

Правительство не могло оставить безъ вниманія такихъ уклоненій отъ основныхъ началъ, на которыхъ оно предположило произвести преобразованіе крѣпостнаго состоянія, и усилило строгость въ цензурованіи статей по крестьянскому вопросу. Строгость эта обнаружилась въ томъ, что, въ нынѣшнемъ году, установлено было: всѣ статьи, относящіяся до крестьянскаго вопроса, подвергать предварительному разсмотрѣнію довѣренныхъ чиновниковъ не только Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но и всѣхъ другихъ министерствъ и главныхъ управленій, до вѣдомства которыхъ онѣ могутъ касаться, и съ тѣмъ вмѣстѣ постановлено правиломъ, что предварительное одобреніе какой либо статьи довѣренными чиновниками министерствъ не освобождаетъ цензора, окончательно разрѣшающаго ее къ печати, отъ отвѣтственности за пропускъ мѣстъ предосудительныхъ или несоотвѣтствующихъ видамъ правительства.

При разнообразіи и многочисленности вопросовъ, развившихся, въ теченіе полутора года, изъ многосторонняго обсужденія крестьянскаго дѣла, указанныя здѣсь мѣры, сопряженныя съ многосложною формальностію отъ разсылки статей по разнымъ министерствамъ, будутъ имѣть вѣроятнымъ послѣдствіемъ ограниченіе числа статей, появляющихся въ печати относительно къ предпринятому преобразованію; но едва ли и этими мѣрами достигнута будетъ главная цѣль правительства. Цѣль эта состоитъ, конечно, не въ механическомъ, такъ сказать, стѣсненіи литературной дѣятельности по государственному вопросу, къ удовлетворительному и мирному разрѣшенію котораго слѣдовало бы привлечь, по возможности, всѣ умственныя силы государства, но въ предупрежденіи обращенія этой дѣятельности во зло, въ предупрежденіи распространенія статей несогласныхъ съ видами правительства.

Какое же руководство существуетъ нынѣ для лицъ, на которыхъ возложено наблюденіе по этому предмету? Руководство это ограничивается собственно тѣмъ, что цензорамъ предписано не допускать статей и сочиненій: а) противныхъ общимъ правиламъ цензуры и Высочайшимъ рескриптамъ по крестьянскому дѣлу; б) выходящихъ изъ предѣловъ программы, начертанной для занятій дворянскихъ губернскихъ комитетовъ; в) не согласныхъ съ видами правительства.

Разсмотрѣніе этихъ указаній приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

а) *Общія правила цензуры и Высочайшіе рескрипты* должны быть извѣстны каждому, но цензора̀ не могутъ найти въ нихъ разрѣшенія на множество частныхъ случаевъ по крестьянскому дѣлу; прямымъ тому доказательствомъ служитъ какъ самое учрежденіе довѣренныхъ чиновниковъ отъ разныхъ министерствъ, такъ и изданіе, отъ времени до времени, объяснительныхъ циркуляровъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

б) *Программа* для занятій губернскихъ комитетовъ издана была при самомъ открытіи ихъ дѣйствій и относится преимущественно къ первому періоду преобразованія крестьянскаго положенія; теперь же, когда бо́льшая часть губернскихъ комитетовъ представили свои работы, когда первый періодъ преобразованія приближается къ окончанію и наступаетъ второй, а изъ самыхъ разсужденій комитетовъ возникли вопросы или непредвидѣнные въ программѣ (наприм. объ общемъ выкупѣ земельныхъ угодій) или относящіеся къ подробностямъ исполненія принятыхъ и обработанныхъ въ комитетахъ основаній и къ будущему окончательному устройству крестьянскаго быта, первоначально начертанная программа очевидно не можетъ уже считаться достаточнымъ руководствомъ для цензоровъ.

в) Что же касается до *видовъ* правительства, то, во первыхъ, при быстромъ развитіи предпринятаго имъ преобразованія, послѣ обсужденія возбужденныхъ вопросовъ, и въ дворянскихъ комитетахъ (въ которыхъ участвовало непосредственно болѣе тысячи помѣщиковъ), и въ періодической литературѣ, виды эти не могли не измѣниться во многихъ подробностяхъ, въ теченіе полутора года. Не касаясь указанныхъ Государемъ Императоромъ коренныхъ началъ, которыя должны остаться неизмѣнными, нѣтъ сомнѣнія, что воззрѣніе правительства уяснилось теперь во многихъ частныхъ вопросахъ, относящихся и къ настоящему и къ будущему быту крестьянъ, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ Главномъ Комитетѣ привело къ новымъ заключеніямъ, которыя въ свою очередь должны повести къ новымъ выводамъ и къ мѣропріятіямъ, отступающимъ отъ первоначально предположенныхъ Во вторыхъ (и это главное) виды правительства, первоначальные и измѣнившіеся впослѣдствіи неизвѣстны ни цензорамъ, ни довѣреннымъ чиновникамъ министерствъ, не имѣющимъ никакого сношенія съ совѣщательными комитетами и коммиссіями по крестьянскому дѣлу.

Изъ этого слѣдуетъ, что, по крестьянскому вопросу, руководство для цензирующихъ лицъ не имѣетъ въ настоящее время надлежащей опредѣлительности. При недостаткѣ же опредѣлительности для своихъ дѣйствій, довѣренные чиновники по цензурѣ или должны бываютъ часто обращаться за наставленіемъ къ министрамъ и главноуправляющимъ (что́ и крайне затруднительно при множествѣ и разнообразіи статей по крестьянскому дѣлу, и чрезвычайно замедляетъ появленіе этихъ статей въ свѣтъ) или, опасаясь отвѣтственности въ дѣлѣ для нихъ неяснома, вынуждены бываютъ запрещать статьи полезныя и благонамѣренныя, но заключающія въ себѣ какіе либо намеки на предметы, выходящіе изъ предѣловъ программы, или *кажущіеся* имъ несогласными съ видами правительства. Послѣдствіями того,

особенно при распространеніи нынѣ цензурной отвѣтственности на многихъ лицъ, должны быть: несоотвѣтственное, конечно, съ намѣреніемъ правительства стѣсненіе литературной дѣятельности по крестьянскому вопросу; лишеніе правительства и публики многихъ полезныхъ свѣдѣній, которыя невозможно получить оффиціальнымъ путемъ; и наконецъ крайнее затрудненіе или почти невозможность изданія спеціальныхъ журналовъ по крестьянскому вопросу, такъ какъ частое запрещеніе или промедленіе въ разрѣшеніи къ печатанію статей, доставляемыхъ сотрудниками сихъ журналовъ, возбуждаетъ въ нихъ неудовольствіе и охлаждаетъ ихъ ученую и литературную дѣятельность, не находящую своевременнаго исхода своимъ трудамъ.

Изложеніе изъясненныхъ здѣсь затрудненій наводитъ само собою на мысль о средствѣ къ ихъ отстраненію. Самымъ раціональнымъ къ тому средствомъ казалось бы не оставлять въ невѣдѣніи *о видахъ правительства* относительно къ крестьянскому вопросу, лицъ, которымъ поручено наблюденіе за соотвѣтственностью печатной литературы съ этими видами. Не признано ли было бы возможнымъ, по примѣру изданія циркуляра по цензурному вѣдомству по поводу программы, сообщать отъ времени до времени Министерству Народнаго Просвѣщенія, отъ имени высшаго учрежденія, завѣдывающаго предпринятымъ преобразованіемъ (т. е. Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу) указанія о тѣхъ новыхъ заключеніяхъ, которыя приняты правительствомъ за основаніе для дальнѣйшихъ дѣйствій и которыя, по какимъ либо причинамъ, не подлежатъ тайнѣ, съ тѣмъ, чтобы означенное министерство, съ своей стороны, поставляло о томъ циркулярами въ извѣстность какъ цензоровъ, такъ и довѣренныхъ чиновниковъ отъ разныхъ министерствъ? Такимъ распоряженіемъ правительство вывело бы цензуру изъ ненормальнаго положенія, въ которомъ она подвергается отвѣтственности по предметамъ для нея неуясненнымъ, а съ другой стороны, отстранило бы стѣсненіе періодической литературы въ обсужденіи одного изъ жизненныхъ вопросовъ для государства, вопроса столь тѣсно связаннаго съ будущимъ, юридическимъ, административнымъ и хозяйственнымъ устройствомъ быта двухъ важнѣйшихъ въ государствѣ сословій: земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ. Быть можетъ, при такомъ распоряженіи оказалось бы даже возможнымъ облегчить нынѣшнюю формальность цензурнаго дѣла, предоставивъ цензорамъ, на основаніи даваемыхъ имъ возможно-опредѣлительныхъ указаній, разрѣшать самимъ къ печати статьи по крестьянскому дѣлу, подходящія подъ эти указанія, и затѣмъ уже не всѣ, а только сомнительныя статьи по этому дѣлу, передавать на разсмотрѣніе довѣренныхъ чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и, въ случаѣ надобности, другихъ министерствъ.

По этимъ соображеніямъ, при той степени развитія, которой достигло теперь обсужденіе и устройство крестьянскаго дѣла, т. е. съ окончаніемъ перваго и наступленіемъ срока для втораго періода работъ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ, казалось бы соотвѣтственнымъ съ цѣлью преподать цензурѣ слѣдующія указанія.

Во первыхъ, опредѣлить положительно предметы, обсужденіе которыхъ должно быть или вовсе недозволяемо въ печати, или допускаемо съ

величайшею осмотрительностью, до окончательнаго разрѣшенія крестьянскаго дѣла. Къ этому разряду относятся:

а) Статьи, въ которыхъ обсуждаются *происхожденіе и юридическія основанія крѣпостнаго права въ Россіи.* Къ обсужденію этихъ началъ, въ настоящемъ положеніи дѣла, не можетъ быть примѣнено теоретическое правило о пользѣ гласности въ литературѣ. Принимая пользу гласности въ самомъ обширномъ смыслѣ, можно допустить теоретическія изслѣдованія о такихъ правительственныхъ установленіяхъ, которыя сохраняютъ свою силу, по которыхъ общія или частныя невыгоды обращаютъ на себя общественное вниманіе; таковы напримѣръ правила откупной системы, подрядовъ и торговъ; вопросы о свободной торговлѣ и кредитной системѣ; объ измѣненіи формъ нашего судопроизводства (что̀ и допущено, въ извѣстныхъ размѣрахъ, послѣднимъ циркуляромъ по цензурному вѣдомству); о преимуществахъ и невыгодахъ открытыхъ и закрытыхъ учебныхъ заведеній; вопросы объ эксплуатаціи государственныхъ имуществъ правительствомъ непосредственно, или частною промышленностью, и т. под. Ученыя и практическія изслѣдованія подобныхъ вопросовъ могутъ содѣйствовать правительству въ разъясненіи какъ самыхъ началъ, такъ и пользы или вреда отъ такихъ установленій. Можно безпрепятственно допустить и обсужденіе постановленій, отжившихъ свое время, отмѣненныхъ положительнымъ закономъ и перешедшихъ уже въ область исторіи; такъ напримѣръ: какими бы мрачными красками ни изображали зло отъ мѣстничества или отъ употребленія пытокъ при допросахъ, и т. п., составлявшихъ нѣкогда часть нашего законодательства, изображенія эти не могутъ имѣть предосудительнаго вліянія на настоящее поколѣніе, не подлежащее дѣйствію ни мѣстничества, ни пытокъ. Но не въ томъ положеніи крестьянскій вопросъ. Самое начало крѣпостнаго права признано Верховною властью не соотвѣтствующимъ настоящему положенію Россіи, и право это рѣшено отмѣнить; но оно еще не отмѣнено, мы живемъ и дѣйствуемъ подъ управленіемъ законовъ, тѣсно связанныхъ съ крѣпостнымъ правомъ. Слѣдовательно, доказывать теперь его вредъ, выводить изъ исторіи, хотя бы, повидимому, и правильно, что оно сначала было учрежденіемъ только полицейскимъ, потомъ финансовымъ и мало по малу, отчасти чрезъ злоупотребленіе, обратилось въ юридическое, а тѣмъ болѣе доказывать его законность или незаконность, во первыхъ излишне, а во вторыхъ можетъ быть и не безопасно: потому что, для доказательства его вреда или незаконности, писатели пускаются въ разсмотрѣніе правъ верховной власти на установленіе крѣпостнаго положенія, въ нехладнокровныя изслѣдованія о правахъ одного человѣка на трудъ другаго, въ сравненія крѣпостнаго права съ рабствомъ, и т. под., которыя легко могутъ раздражать людей, живущихъ еще подъ началомъ крѣпостнаго права, и возбуждать въ нихъ слишкомъ нетерпѣливыя желанія сбросить съ себя его иго. Вопросъ теперь не о томъ—слѣдуетъ ли удержать крѣпостное право, а о томъ—какъ его измѣнить и чѣмъ его замѣнить? Пусть литература безпрепятственно займется способами его отмѣненія и измѣненія.

б) Отвлеченныя разсужденія *о правѣ владѣнія землею.* Доказывать, какъ пытались нѣкоторые писатели, что земля принадлежитъ крестьянамъ, ее обрабатывающимъ, потому именно, что они и предки ихъ собственными трудами ее обработывали, противно законамъ о собственности и Высочайшему положительному указанію, что вся земля есть собственность помѣщиковъ. Колебать эту основную идею историческими или теоретическими разслѣдованіями, въ какой бы благовидной формѣ они не излагались, значило бы внушать крестьянамъ мысли неосуществимыя, несбыточныя и которыхъ распространеніе во всѣхъ отношеніямъ было бы опасно для общественнаго порядка.

Во вторыхъ, разъяснить, по возможности, статьи, которыя могутъ быть разрѣшены къ печатанію *въ настоящее время.* Въ этомъ отношеніи, казалось бы возможнымъ допустить обсужденіе, напримѣръ, слѣдующихъ вопросовъ, хотя неуказанныхъ положительно въ программѣ, но истекающихъ изъ ея положеній и составляющихъ ея послѣдствія.

а) Въ чемъ состоитъ значеніе и цѣль срочно-обязаннаго или переходнаго положенія? Дѣйствительно ли оно необходимо и полезно въ видѣ промежуточнаго періода для измѣненія, безъ сотрясеній, нынѣшняго, полнаго крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ состояніе вполнѣ свободное, и для правильнаго устройства новаго положенія, и помѣщиковъ и крестьянъ, въ юридическомъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ? Не предпочтительнѣе ли было бы разомъ, безъ переходнаго періода, освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости помѣщиковъ, на извѣстныхъ условіяхъ, съ передачей прямо правъ и обязанностей помѣщиковъ въ распоряженіе правительства? При этомъ вопросѣ необходимо было бы, разумѣется, разрѣшить и обсужденіе положенія крестьянъ въ будущемъ или окончательномъ періодѣ ихъ устройства.

б) Въ случаѣ сохраненія срочно-обязаннаго положенія, какой срокъ слѣдуетъ опредѣлить для того? Слѣдуетъ ли предоставить помѣщикамъ право установить, по произволу своему, способы исполненія повинностей крестьянъ къ нимъ (т. е. обязательною работою или денежнымъ оброкомъ), за уступаемыя крестьянамъ усадьбу и землю, или предоставить выборъ того или другаго способа вознагражденія и самаго его размѣра правительству?

Въ случаѣ же принятія мнѣнія о немедленномъ, полномъ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости (съ которымъ естественно долженъ соединиться выкупъ для крестьянъ усадебъ и земельныхъ надѣловъ), слѣдуетъ ли установить этотъ выкупъ обязательнымъ, на данныхъ правительствомъ основаніяхъ, или предоставить его полюбовному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами съ опредѣленіемъ только для того извѣстнаго срока?

г) О способахъ выкупа, объ участіи, какое могутъ или должны принять въ томъ правительство и его финансовыя учрежденія, или мѣстные, губернскіе кредитные банки.

д) О томъ, слѣдуетъ ли, при выкупѣ, соединять усадьбы съ земельными угодіями, или производить выкупъ ихъ отдѣльно и независимо однихъ отъ другихъ?

е) При очевидной невозможности для крестьянъ выкупить разомъ или въ короткій срокъ предоставляемые имъ земельные участки, какимъ способомъ можетъ быть обезпечена съ ихъ стороны уплата процентовъ съ условленнаго выкупнаго капитала, съ процентомъ погашенія долга; какого рода кредитныя бумаги слѣдуетъ выдать помѣщикамъ; какія правила и какіе сроки опредѣлить для ихъ реализаціи; чѣмъ можно обезпечить стоимость ихъ и предупредить пониженіе курса, при переходѣ изъ рукъ въ руки?

ж) Въ какомъ видѣ правительство могло бы содѣйствовать своими средствами выкупу земельныхъ угодій, въ какой степени могутъ быть обращены на этотъ предметъ отчужденіе государственныхъ крестьянъ или другихъ сословій, или передача эксплуатаціи сихъ имуществъ въ частныя руки?

з) Съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ изъ личной помѣщичьей зависимости должно ли быть сопряжено и одновременное освобожденіе ихъ отъ прикрѣпленія къ землѣ? Не потребуется ли, въ видахъ государственной пользы и обезпеченія народнаго продовольствія, принять мѣры къ предупрежденію раздробленія земель, выкупленныхъ для крестьянъ или крестьянами, на слишкомъ мелкіе участки? Не окажется ли нужнымъ воспретить на нѣкоторый срокъ, вездѣ ли одинакій и какой именно, отчужденіе ими сихъ земель, посредствомъ продажи, даренія и завѣщанія, и переходъ за тѣмъ крестьянъ въ другія мѣстности Имперіи?

и) О способахъ обезпеченія обработки оставляемыхъ крестьянами земель, въ случаѣ выхода ихъ изъ занимаемыхъ ими мѣстъ, равно какъ и обезпеченія, въ такомъ случаѣ, отправляемыхъ ими натуральныхъ и денежныхъ повинностей въ пользу государства?

і) Къ какому сословію слѣдуетъ причислить помѣщичьихъ крестьянъ, по освобожденіи ихъ изъ крѣпостной зависимости? Не слѣдуетъ ли уравнять ихъ немедленно съ государственными крестьянами, поселенными на собственныхъ земляхъ; не слѣдуетъ ли въ тоже время уничтожить юридическія различія, существующія донынѣ между многоразличными разрядами государственныхъ крестьянъ, и открыть симъ послѣднимъ возможность дѣлаться, наравнѣ съ освобождаемыми крѣпостными людьми, собственниками земли, чрезъ выкупъ находящихся въ ихъ пользованіи земельныхъ участковъ?

к) Обсужденіе вопросовъ объ управленіи и внутренней администраціи помѣщичьихъ крестьянъ, по ихъ освобожденіи; вопросовъ объ общинной администраціи и общинной собственности; о томъ, слѣдуетъ ли однообразно по всей Имперіи дѣлать общину отвѣтственною за исполненіе крестьянами ихъ повинностей, или предоставлять эту отвѣтственность отдѣльнымъ семействамъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ общинная собственность не существуетъ въ обычаѣ народномъ, и проч. и проч.?

Кромѣ приведенныхъ здѣсь вопросовъ, въ обсужденіи Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу и его коммиссій могутъ уже находиться или вновь возникать и другіе, которые также слѣдовало бы указывать цензорамъ, измѣняя или распространяя постепенно программу того, что̀ можетъ быть допускаемо въ печати, согласно съ видами правительства и съ развитіемъ предпринятаго преобразованія.

Разрѣшая, въ такомъ видѣ, возможно свободное обсужденіе всѣхъ мнѣній и предположеній по крестьянскому вопросу, неизлишнимъ было бы, сверхъ того, подтвердить цензурѣ: не допускать вообще никакого осужденія коренныхъ началъ, изложенныхъ въ Высочайшихъ рескриптахъ, ни дѣйствій или намѣреній правительства по крестьянскому дѣлу; имѣть постоянно въ виду, что правительство не можетъ желать зла, но что оно часто встрѣчаетъ неодолимыя препятствія къ осуществленію самыхъ благихъ своихъ предположеній въ недостаткѣ къ тому средствъ, или въ несвоевременности, въ неспособности или неблагонамѣренности исполнителей, и что эти препятствія не всегда могутъ быть извѣстны частнымъ лицамъ, увлекающимся, по невѣдѣнію, къ неосновательному заподозрѣнію правительства въ незаботливости объ искорененіи зла; при критическихъ разборахъ какихъ бы то ни было мнѣній не дозволять касаться личности авторовъ и оскорблять ихъ презрительными намеками или порицаніями; обращать вниманіе на различіе самой формы проявленія мнѣній: то, что̀ можетъ быть допущено въ изустномъ словѣ или рѣчи, произносимыхъ съ каѳедры церковной или ученой, въ ограниченномъ кругу слушателей, не всегда можетъ быть разрѣшено къ печати въ ученомъ или спеціальномъ сочиненіи, предназначенномъ собственно для образованнаго класса, не всегда можетъ быть безвредно, появляясь въ газетахъ или брошюрахъ, которыя расходятся во всѣхъ сословіяхъ, безъ различія степени умственнаго развитія и образованія читателей.

Предлагаемою здѣсь мѣрою, т. е. изданіемъ отъ времени до времени циркуляровъ по цензурному вѣдомству, съ возможно-точнымъ опредѣленіемъ и вопросовъ, которые не должны быть дозволяемы, и тѣхъ, которые могутъ быть допускаемы къ обсужденію въ печати, сообразно съ духомъ и развитіемъ крестьянскаго дѣла, значительно облегчено было бы для цензоровъ и довѣренныхъ чиновниковъ исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей; а съ другой стороны, постепенно расширялся бы кругъ участія періодической литературы въ обсужденіи дѣла, которое можетъ быть правильно и спокойно разрѣшено только при откровенномъ, полномъ и открытомъ содѣйствіи всѣхъ умственныхъ и практическихъ силъ государства. Предпринятое правительствомъ преобразованіе такъ велико, такъ обильно благими послѣдствіями для всей будущности Русскаго народа, что едва ли можетъ быть нужно скрывать какія либо рѣшенія и даже главныя предположенія по этому предмету. Казалось бы даже полезнымъ не только не препятствовать широко высказываться общественному мнѣнію въ этомъ дѣлѣ, но и вызывать это мнѣніе посредствомъ статей, соотвѣтствующихъ даваемымъ цензурѣ указаніямъ, и которыя, на основаніи обсуждаемыхъ въ Главномъ Комитетѣ и его коммиссіяхъ рѣшеній и предположеній, могли бы быть составляемы участвующими въ томъ лицами, для помѣщенія, въ неоффиціальномъ видѣ, въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, съ приглашеніемъ потомъ редакцій другихъ журналовъ и газетъ къ перепечатыванію этихъ статей въ своихъ изданіяхъ.

Чѣмъ болѣе будетъ распространяться свѣта на всѣ подробности крестьянскаго вопроса, тѣмъ вѣрнѣе для будущности онъ можетъ быть рѣшенъ правительствомъ на общую пользу; потому что главная и непремѣнная цѣль правительства не можетъ быть иная, какъ общая же польза.

(Представлено господину министру внутреннихъ дѣлъ 9-го Мая 1859).

ВОСПОМИНАНІЯ ѲЕДОРА АДОЛЬФОВИЧА ООМА *).

Въ 1861 году была предпринята первая поѣздка Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича по Россіи, которая впрочемъ ограничилась Москвою, Нижнимъ-Новгородомъ и Казанью. Въ Нижнемъ была осмотрѣна ярмарка подъ руководствомъ извѣстнаго писателя П. И. Мельникова (Печерскаго), великаго знатока ярмарки. На пути въ Казань онъ знакомилъ Цесаревича съ прилежащими къ Волгѣ уѣздами Костромской и Нижегородской губерній, съ селеніями, въ которыхъ онъ проживалъ долгое время по порученію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Л. А. Перовскаго, съ цѣлью изученія раскольничьяго быта. Разсказы о жизни, обычаяхъ, правахъ раскольниковъ до того заинтересовали Цесаревича, что онъ подалъ мысль Мельникову издать то сочиненіе, которое, увы! уже послѣ кончины его появилось въ печати подъ названіемъ: «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Мельниковъ былъ очень интересенъ и полезенъ; но, какъ человѣкъ, требовалъ крайней осмотрительности людей имѣвшихъ съ нимъ дѣло. Въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ губернаторомъ А. Н. Муравьевъ. На него выпала завидная доля приведенія въ исполненіе Высочайшаго манифеста 19-го Февраля 1861 года, которымъ осуществлялись завѣтныя желанія маститаго декабриста. Предводителемъ былъ въ то время юный, рьяный Стремоуховъ, который, помнится, позволялъ себѣ въ присутствіи Цесаревича невозможныя выходки и выраженія, когда шла рѣчь объ освобожденіи крестьянъ и относившихся до этого вопроса распоряженій Муравьева. Старикъ, съ своей стороны, уже жаловался на циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ, ограничивающіе предоставленныя ему манифестомъ права, такъ что, слушая этихъ антагонистовъ (Муравьева и Стремоухова), невольно спрашивалъ я себя, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ, кто изъ нихъ либералъ и кто консерваторъ.

Какъ часто припоминалось мнѣ это обстоятельство, когда впослѣдствіи приходилось слушать разсужденія въ обществѣ о Русскихъ кон-

*) См. выше, стр. 217.

серваторахъ и либералахъ. У насъ ихъ нѣтъ, и въ настоящее время быть не можетъ, потому что понятія вообще у насъ перепутаны въ силу обстоятельствъ: человѣкъ кажущійся консерваторомъ на дѣлѣ оказывается либераломъ и на оборотъ.

Въ Казани губернаторомъ былъ генералъ-маіоръ Козляниновъ. У него во время нашего пребыванія въ Казани родилась внучка, которую крестилъ Цесаревичъ.

На обратномъ пути мы оставались на нѣсколько дней въ Москвѣ, гдѣ генералъ-губернаторомъ былъ П. А. Тучковъ. Тутъ я заболѣлъ перемежающеюся лихорадкою, отъ которой не могъ отдѣлаться въ продолженіи двухъ лѣтъ. Когда возвратились въ Царское Село, я и тутъ слегъ въ постель. На слѣдующій день Цесаревичъ навѣстилъ меня, и когда 8-го Сентября я по болѣзни не могъ поздравить лично Его Высочество съ днемъ рожденія, а написалъ письмо, въ которомъ поздравилъ его и съ окончаніемъ перваго путешествія по Россіи, оставившаго незгладимое впечатлѣніе въ народѣ и во всѣхъ лицахъ, которыхъ онъ встрѣтилъ на пути своемъ, получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Любезный Ѳедоръ Адольфовичъ. Ваше письмо, которое О. Б. (Рихтеръ) мнѣ только что передалъ, меня очень тронуло. Мнѣ самому было прискорбно не видѣть васъ у себя послѣ того, какъ вы, въ продолженіи стольнихъ лѣтъ, были однимъ изъ первыхъ искренно желавшихъ мнѣ счастія на новый мнѣ годъ. Благодарю васъ за тѣ желанія, которыя вы выражаете въ вашемъ письмѣ, и пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы отъ души поблагодарить васъ за ваши хлопоты въ послѣднемъ нашемъ путешествіи. Николай».

Припоминаю еще случай, который характеризуетъ и Цесаревича, и настроеніе того времени. Пріѣхавъ во Владиміръ, Его Высочество, какъ вездѣ, былъ встрѣченъ мѣстными властями. Не показывался одинъ только губернскій предводитель, Солепниковъ, подъ тѣмъ предлогомъ, какъ онъ объяснилъ мнѣ, что до отъѣзда еще изъ Петербурга было дано знать, что Цесаревичъ никакихъ оффиціальныхъ встрѣчъ не желаетъ. Его Высочество, замѣтивъ однако его отсутствіе, приказалъ мнѣ пригласить его къ обѣду. Солепниковъ былъ въ числѣ тѣхъ дворянъ, которые были недовольны манифестомъ 19-го Февраля и очень сухо принялъ переданное мною ему приглашеніе, но конечно къ обѣду явился, былъ посаженъ возлѣ Цесаревича и всталъ изъ-за стола до того обвороженный ласкою Наслѣдника, что не могъ сдержать чувствъ своихъ и всякому изъ насъ говорилъ, что это счастливѣйшій день жизни его.

На обратномъ пути изъ Казани, мы обѣдали въ Нижнемъ. Къ обѣду былъ приглашенъ министръ юстиціи графъ В. Н. Паленъ, случайно бывшій тутъ проѣздомъ въ свои имѣнія. Съ нимъ за обѣдомъ приключилась маленькая бѣда. Оказалось, что онъ не взялъ съ собою носоваго платка, а между тѣмъ преусердно нюхалъ табакъ. Когда наконецъ, среди разговора съ Цесаревичемъ, понадобился платокъ, и онъ убѣдился, что имъ нечѣмъ снять повисшую на концѣ носа крупную каплю, его бросило въ жаръ, онъ побраговѣлъ и не зналъ, что ему дѣлать. Къ счастью сосѣдъ его графъ С. Г. Строгановъ, замѣтивъ это, незамѣтно всунулъ ему въ руку свой футляръ, и Паниинъ былъ спасенъ.

Въ 1862 году Цесаревичъ вновь провелъ часть лѣта въ Либавѣ, гдѣ уже до его пріѣзда проживали братья Его Высочества. Золотушное расположеніе, замѣченное врачами еще въ 1854 году въ юномъ Великомъ Князѣ, было причиною ежегодныхъ почти поѣздокъ въ Гапсаль, гдѣ грязи приносили извѣстную пользу Его Высочеству. Такимъ образомъ мнѣ довелось въ 1855, 1856, 1857 и 1859 годахъ ѣздить уже въ Мартѣ въ Гапсаль, для найма и устройства помѣщеній, и проводить лѣтніе мѣсяцы съ Ихъ Высочествами въ этомъ маленькомъ городкѣ, который впрочемъ, благодаря бѣдности и отчасти равнодушію мѣстныхъ жителей, съ тѣхъ поръ нисколько не измѣнилъ вида своего и представляетъ для пріѣзжающихъ безчисленныя неудобства, на равнѣ со всѣми нашими отечественными лечебными мѣстами. Въ эти годы, а также и въ 1860 году, когда мы жили въ Либавѣ, мѣстный генералъ-губернаторъ князь Суворовъ долгомъ считалъ переселяться на лѣто въ эти города, и тутъ я имѣлъ случай короче познакомиться и узнать этого человѣка, пользовавшагося огромною популярностію въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, благодаря преимущественно своему «burschikosen Wesen». Къ сожалѣнію, если онъ замѣчалъ малѣйшее расположеніе Цесаревича къ кому либо изъ лицъ ему, князю, несимпатичныхъ, то не было границъ его нерасположенія къ этому человѣку. Такъ онъ упрекалъ Цесаревича въ излишнемъ по мнѣнію его, расположеніи къ д-ру Шестову, говоря: «Veut-il en faire un chambellan, qu' on ne le rencontre qu' avec lui? Si au moins il était bon médecin, mais il ne peut l'être, parce qu'il est recommandé par son oncle. Князь Суворовъ бѣдному Шестову придалъ названіе Нѣмецкое бранное, похожее на его Русскую фамилію. Къ тому же честолюбію князя не было предѣла. Вѣчно недовольный, постоянно жаловался онъ на невниманіе къ нему особъ Царской Фамиліи и всегда находилъ какой нибудь предлогъ для жалобы. Такимъ образомъ онъ однажды цѣлое лѣто пилилъ меня выраженіемъ неудовольствія за то, что его не дѣлали шефомъ какого-то полка, которымъ командовалъ, кажется, отецъ его. Я имѣлъ случай не-

редать это Цесаревичу, и тотчасъ по возвращеніи изъ Гапсаля Государь былъ столь милостивъ, что назначилъ Суворова шефомъ этого полка. На слѣдующій годъ новое неудовольствіе на то, что Государь не зачислилъ Цесаревича въ этотъ полкъ. Опять это было доведено до Государя, и 8-го Сентября того же года Цесаревичъ, будучи зачисленъ въ этотъ полкъ и надѣвъ мундиръ, явился въ Царскомъ Селѣ къ старому шефу. Въ третій годъ пребыванія въ Гапсалѣ ему пожалованы были знаки ордена Андрея Первозваннаго. Казалось бы, что заслуги князя по грязямъ Гапсальскимъ были награждены щедрою рукою. Никогда онъ ни о чемъ не могъ говорить хладнокровно, и горячность его превосходила всякое приличіе, когда онъ выражалъ неудовольствіе за воображаемое имъ невниманіе Царской Семьи. Говоря со слезами о тѣхъ особахъ, которыхъ онъ считалъ своими благодѣтелями и которыхъ обожалъ (обыкновенно временно, par boutades), онъ чуть не приходилъ въ бѣшенство, когда тѣже особы, безъ малѣйшаго намѣренія оскорбить его, или не приглашали его къ обѣду или въ ложу въ театрѣ, или же не были, какъ ему казалось, такъ любезны съ нимъ, какъ ему въ данномъ случаѣ этого хотѣлось.

Если ко всему этому прибавить, что онъ былъ положительно лишенъ всякихъ административныхъ способностей, законовъ не признавалъ (что въ особенности онъ доказалъ въ бытность С.-Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ) и окружалъ себя недостойнѣйшими людьми, о которыхъ постоянно ходатайствовалъ и, нужно сознаться, съ огромнымъ успѣхомъ (иначе онъ дулся), то вредъ имъ причинявшійся не подлежалъ никакому сомнѣнію. Образъ его дѣйствій во время Польскаго мятежа былъ вполнѣ недостойный (смотри Записки графа М. Н. Муравьева).

Вотъ два случая характеризующіе князя. Въ качествѣ Новогородскаго помѣщика, онъ, магнатъ, считалъ губернію эту имѣющею право на особое съ его стороны покровительство и вмѣшивался въ административныя и земскія дѣла ея. Узнавъ однажды о свободной вакансіи исправника въ одномъ изъ уѣздовъ Новогородской губерніи, онъ пишетъ губернатору В. Я. Скарятину и проситъ предоставить эту вакансію какому-то господину N, рекомендуя его съ лучшей стороны. На слѣдующій день отправляется за его же подписью другое письмо, въ которомъ говорится: «Извѣстясь о томъ, что ваше превосходительство имѣете въ виду представить вакансію исправника г-ну N (т. е. тому же, о которомъ было писано наканунѣ), долгомъ считаю обратить вниманіе ваше на неблагопадежность его и прошу опредѣлить на вакантную должность г. Х., котораго я знаю за отличнаго, честнаго и дѣль-

наго человѣка». Скарятинъ, пріѣхавъ вслѣдъ за тѣмъ въ Петербургъ, является къ князю и, показавъ ему оба письма, спрашиваетъ его, на которомъ изъ двухъ слѣдуетъ ему остановиться. Суворовъ, обнявъ и поцѣловавъ Владимира Яковлевича, отвѣчалъ: Cher ami, ne faites aucun cas de mes recommandations; on m'oblige de signer des centaines de lettres, que je n'ai même pas le temps de lire».

Лучше всего то, что когда Скарятинъ назначилъ исправникомъ третье лицо, тотъ же князь Суворовъ бранилъ его почти ругательски за то, что онъ не исполнилъ его просьбы. Спрашивается: которой изъ двухъ?

Во время Польскаго мятежа 1861—1863 г.г. жена Поляка арестованнаго въ Вильнѣ, узнавъ о покровительствѣ оказываемомъ княземъ Суворовымъ ея соотечественникамъ ссылавшимся въ Сибирь чрезъ Петербургъ, обратилась къ нему съ просьбою содѣйствовать освобожденію мужа ея изъ заключенія. Князь тотчасъ же телеграфировалъ М. Н. Муравьеву съ запросомъ, за что такой-то арестованъ? Муравьевъ отвѣчалъ безотлагательно телеграммою же: «Отгадайте». Можно себѣ представить злобу князя, парализованнаго этимъ лаконическимъ отвѣтомъ въ своемъ всемогуществѣ.

Сколько вообще этотъ человѣкъ, самъ по себѣ добрый, причинилъ бѣдъ и неурядицъ самоуправствомъ и безразсудствомъ, вмѣшиваясь въ дѣла до него неотносящіяся! Часто онъ, правда, раскаявался въ этихъ поступкахъ, но утѣшалъ себя, прінскивая предлоги къ объясненію своей невиновности.

Когда вспомнишь, что князь Суворовъ аплодировалъ на судѣ защитнику Вѣры Засуличъ, что онъ, генералъ-адъютантъ, Андреевскій кавалеръ, бывшій генералъ-губернаторъ, могъ увлечься до громкаго на судѣ одобренія рѣчи, имѣвшей послѣдствіемъ оправданіе женщины покусившейся на убійство и даже ранившей бывшаго градоначальника генералъ-адъютанта Трепова, то поневолѣ спрашиваешь себя: «не принадлежалъ ли онъ, по убѣжденіямъ своимъ, къ шайкѣ террористовъ?»

Наконецъ въ 1863 г. было совершено то знаменательное путешествіе по Россіи, въ которомъ Цесаревичъ, въ продолженіи 4½ мѣсяцевъ, подробно ознакомился съ значительною частію обширнаго государства, проплывъ отъ Петербурга до Астрахани и отъ Царицына до Крыма, и проѣхавъ отъ Бердянска чрезъ южныя колоніи до Екатеринослава и чрезъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ и Тулу до Москвы.

Путешествіе это подробно описано въ письмахъ К. П. Побѣдоносцова и Бабста, изданныхъ вслѣдъ за тѣмъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ отдѣльною книгою. Въ это изданіе не вошло только описаніе плаванія Цесаревича отъ Петербурга до Рыбинска, потому что оба писавшіе присоединились къ свитѣ Его Высочества только въ Рыбинскѣ.

Честь и слава графу С. Г. Строганову. Такъ мастерски устроить поѣздку, какъ онъ исполнилъ эту задачу, едва ли кто нибудь съумѣлъ и успѣлъ бы; потому что нужно было его знаніе Россіи и людей, чтобы останавливать вниманіе юнаго воспитанника именно на тѣхъ людяхъ и предметахъ, которыхъ знакомство только и могло, въ относительно-небольшой промежутокъ времени, просвѣтить Цесаревича и дать ему возможность съ настоящей точки, а не сквозь призму посмотрѣть на все ему встрѣчавшееся на пути и вѣрно судить о положеніи Россіи и народа въ данную минуту. Люди всѣхъ сословій, отъ встрѣчи съ коими изъ разговоровъ и бесѣдъ можно было извлечь пользу, были вызываемы часто изъ толпы въ гостиную или къ чайному столу или къ завтраку и обѣду, для поучительныхъ бесѣдъ. Живое слово быстро знакомило Цесаревича съ краемъ и отдѣльными вопросами. Начиная съ губернатора и предводителя до простаго бородача-купца, фабриканта или даже крестьянина, все имѣло доступъ къ царственному юношѣ, дабы онъ правильно могъ судить объ извѣстныхъ вопросахъ, представляющихъ мѣстный или государственный интересъ.

Вотъ нѣкоторые интересные эпизоды изъ нашего путешествія. Въ Рыбинскѣ вездѣ была страшная толпа, говорю страшная, потому что въ ней множество было рабочаго народа, много напримѣръ такъ называемыхъ крючниковъ, съ которыми никакой не было расправы. Они во время молебствія въ соборѣ сорвали желѣзную дверь съ петель и рванулись съ шумомъ въ церковь. При выходѣ свита Цесаревича старалась ограждать его отъ натиска толпы; кое-какъ это удалось, и онъ съ графомъ Строгановымъ благополучно дошелъ до коляски. Но намъ досталось жестоко: напоромъ меня въ полномъ смыслѣ выбросили изъ толпы на паперть, а оттуда я, какъ пробка, вылетѣлъ прямо въ коляску вмѣстѣ съ двумя крючниками, которые также очутились неожиданно для нихъ самихъ въ моемъ экипажѣ.

Въ Рыбинскѣ биржа давала большой обѣдъ. Между прочими тостами пили за здоровье графа Строганова и благодарили его за то, что привезъ Первенца Царскаго въ главный складъ привозимаго съ Юга хлѣба. Графъ отвѣчалъ: «Благодарю васъ, господа, за тостъ, я самъ радуюсь, что нахожусь въ Рыбинскѣ, потому что вновь убѣдился, что

подъ вашими туго-набитыми деньгою карманами бьются истинно-Русскія сердца». Впечатлѣніе было крайне оригинальное: всѣ стояли съ открытыми отъ удивленія ртами.

Въ Ярославлѣ Цесаревичъ посѣтилъ старинныя церкви Іоанна Богослова и Іоанна Предтечи. Въ одной изъ нихъ Его Высочество восхищался древнимъ Русскимъ стилемъ и украшеніями изъ изразцевъ, а также утварью. Настоятель церкви, обласканный Цесаревичемъ и ободренный его вниманіемъ къ памятнику старины, высказалъ опасеніе, что церковь будетъ закрашена съ тѣмъ, чтобы впредъ не привлекала столькихъ посѣтителей и не вызывала этимъ зависти другихъ причтовъ и нерасположенія преосвященнаго Нила. Его Высочество въ тотъ же вечеръ поѣхалъ къ преосвященному и, входя къ удивленному неожиданнымъ посѣщеніемъ (ибо Цесаревичъ, въ виду отъѣзда на другой день, уже съ нимъ простился) сказалъ: «Я пріѣхалъ къ вамъ только съ тѣмъ, чтобы передать, въ какомъ я восторгѣ отъ вашихъ старинныхъ церквей. Понимаю, какъ вы должны быть счастливы оберегать эти памятники нашей старины и какъ вы гордитесь ими». Конечно этихъ словъ было достаточно для того, чтобы преосвященный Нилъ отказался навсегда отъ мысли, которая внушала столько опасеній настоятелю упомянутаго храма.

По маршруту плаванія по Маріинской системѣ намъ предстояло на станціи Девятины оставить пароходъ и для сокращенія пути и избѣжанія цѣлаго ряда шлюзовъ и подъемныхъ мостовъ ѣхать верстъ около 25 въ экипажахъ. Послѣ завтрака на станціи, гдѣ распоряжался инженеръ-капитанъ Лисяневичъ, и осмотрѣвъ тутъ же шлюзъ, лежащій въ прелестной мѣстности, мы сѣли въ экипажи и отправились въ путь. Въ маленькую коляску, въ родѣ крытыхъ дрожекъ я взялъ съ собою писца моего и кассу, и мы покатили по ровной, отличной дорогѣ. Тутъ на первыхъ порахъ завязался разговоръ, который я передаю по оригинальности его. Писецъ этотъ, родившійся въ Петербургѣ и никогда оттуда не выѣзжавшій, казался въ прекрасномъ расположеніи духа и когда мы въѣхали въ лѣсъ, онъ спросилъ меня, что это такое?

— Какъ, спросилъ я, о чемъ вы спрашиваете?

С. Да то, гдѣ мы ѣдемъ.

Я. Да мы ѣдемъ въ лѣсу.

С. Какой это лѣсъ?

Я. Хвойный.

С. Я не знаю, что значитъ хвойный.

Я. Неужели не знаете, что сосна, ель, пихта?

С. Не знаю.

Я. Вамъ же случалось бывать въ Петергофѣ, въ Царскомъ Селѣ, неужели вы тамъ не видѣли ни ели, ни сосны?

С. Помилуйте, когда мы туда ѣздимъ по службѣ, намъ не до нихъ, а по своей охотѣ туда не ѣздимъ.

Выѣхали изъ лѣсу въ поле, на которомъ былъ разбросанъ навозъ.

С. Это, что за кучки на полѣ?

Р. Неужели вы и этого не знаете? Это навозъ, разбросанный для удобренія почвы.

С. Не знаю, что такое удобреніе, да и почвы не знаю.

Удовлетворивъ любознательность моего спутника, я увидѣлъ на полѣ пасущееся стадо овецъ, и спросилъ его. «А знаете ли вы, какія это животныя?»

С. Нѣтъ, не знаю.

Я. Да это овцы, бараны и ягнята.

С. Никогда не случалось видѣть.

Въ деревнѣ около домовъ суетилась свинья съ поросятами. Увидавъ ихъ, С. съ восторгомъ вскрикнулъ: «А этихъ я знаю».

Я. Почему же вы ихъ знаете?

С. Такой былъ случай. Жена моя очень любитъ жаренаго поросенка. Желая ей сдѣлать удовольствіе, я наканунѣ Рождества пошелъ на рынокъ, купилъ поросенка, завернулъ въ бумагу и, пришедъ домой, говорю женѣ: «Вотъ жена, тебѣ подарокъ; ты любишь поросенка, такъ кушай же въ сласть». Она обняла меня, поцѣловала. «Милый мой, спасибо тебѣ» и развернула. «Какъ, говоритъ, ты обмануть меня вздумалъ, ахъ негодяй!»—«Какъ обмануть, да развѣ ты не видишь, что это не поросенокъ?»—«Господи!» говорю я, «такъ меня надули, а не я тебя!»—«Ступай же опять въ лавку, гдѣ купилъ и возьми поросенка».

«Ну вотъ съ того то дня я ужъ ихъ знаю и не ошибусь».

По всей Маріинской системѣ провожалъ Цесаревича прелюбезный Н. С. Лебедевъ, начальникъ IV округа путей сообщенія. Его резиденція была въ Вытегрѣ, гдѣ онъ жилъ въ весьма скромной обстановкѣ, несравненно скромнѣе во всякомъ случаѣ, чѣмъ его подчиненные на разныхъ станціяхъ. Въ Девятинахъ не только мѣстность, но и домъ начальника дистанціи прелестны, даже заманчивы.

Въ Бѣлозерскѣ въ первый разъ встрѣтилъ я Н. А. Качалова, въ то время предводителя дворянства, только что начинавшаго проявлять свою дѣятельность въ качествѣ земскаго дѣятеля.

Были въ женскомъ монастырѣ въ Кириловѣ, и въ Бѣлозерскомъ мужскомъ. Первый произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе грубостью

монахинь, похожихъ болѣе на переодѣтыхъ мужчинъ. О второмъ разсказывали, будто богатая нѣкогда библіотека лучшія свои сокровища сбыла тайно и будто большая часть этихъ драгоцѣнныхъ книгъ перешла въ собственность покойнаго М. П. Погодина. Не мнѣ конечно судить о томъ, въ какой мѣрѣ толки эти основательны.

По Шексне мы плыли на пароходикѣ братьевъ Милютиныхъ, тогда еще мало извѣстныхъ. Благодаря старшему изъ братьевъ, Череповецъ съ тѣхъ поръ не узнаваемъ.

Во время пребыванія въ Костромѣ А. П. Боголюбовъ и я, гуляя по городу, зашли въ ограду сгорѣвшаго Богоявленскаго монастыря, въ которомъ уцѣлѣли только стѣны нѣкоторыхъ церквей и зданій. Тутъ встрѣтилъ насъ сторожъ, предложившій намъ войти въ кладовую, въ которой было сложено все, что̀ успѣли спасти отъ огня. Войдя въ небольшое сырое помѣщеніе, мы увидали множество утвари, образовъ, напикадилъ, лампадъ, облаченій, покрововъ (между прочимъ великолѣпный алаго бархата Салтыковскій покровъ, на которомъ были нашиты чеканныя вызолоченныя бляхи съ разными изображеніями), наконецъ старинные замкѝ отъ воротъ и дверей и даже маленькія чугунныя орудія, стоявшія нѣкогда на стѣнахъ монастыря. Въ тотъ же день за завтракомъ А. П. Боголюбовъ разсказалъ объ этомъ Цесаревичу и прибавилъ: «Вотъ это все могло бы служить началомъ Русскаго музея, о которомъ Ваше Высочество помышляете. Вы сдѣлаете доброе дѣло, если спасете все это отъ порчи и грабежа». Я тотчасъ же вмѣшался въ разговоръ. «Нѣтъ, сказалъ я, ты забываешь, что тутъ множество предметовъ, жертвованныхъ царями и великими князьями, а также боярами и другими лицами. Если Его Высочество коснется этого, то не будетъ ничего спасено, и всякій признаетъ себя въ правѣ брать оттуда, что̀ удастся получить. Это святыня, и мнѣ кажется, что Его Высочество спасъ бы ее, еслибъ поручилъ мѣстному владыкѣ приказать составить подробную опись всѣмъ предметамъ и перенести въ свой домъ. Какъ знать, можетъ быть воскреснетъ Богоявленскій монастырь, и тогда все будетъ вновь употреблено въ немъ же». Предложеніе это было поддержано гр. Строгановымъ и К. П. Побѣдоносцовымъ, и Цесаревичъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, осмотрѣлъ самъ весь складъ, переговорилъ съ преосвященнымъ Костромскимъ и впослѣдствіи говорилъ въ Петербургѣ съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода о возстановленіи монастыря, который и нынѣ процвѣтаетъ подъ просвѣщеннымъ управленіемъ и руководствомъ почтенной матери Маріи *).

*) Съ тѣхъ поръ обитель эта вновь сдѣлалась жертвою огня, и если кое-что и возобновлено, но уже нѣтъ въ живыхъ матери Маріи.

Въ Костромѣ Цесаревичъ лично принималъ просьбы народа, стоявшаго предъ губернаторскимъ домомъ. Я въ свою очередь бралъ эти просьбы и разныя мелкія приношенія изъ рукъ Его Высочества и клалъ ихъ на подносы. Помнится, что поднесены были старушкою на тарелкѣ бумага, при ней просфора и какая-то изъ бумаги же сдѣланная коробка, въ родѣ ковчега. Все это было принесено въ мою комнату, гдѣ я тотчасъ же занялся разборкою бумагъ и составленіемъ списка просьбъ. Во время этого занятія замѣчаю какой-то странный шелестъ, какъ будто жучки или другія насѣкомыя ползаютъ по бумагѣ. Смотрю, бумажный ковчегъ, стоявшій возлѣ просфоры на тарелкѣ, покачивается. Замѣтивъ въ коробкѣ этой небольшое отверстіе, я взглянулъ внутрь ея и вижу, о ужасъ! множество таракановъ ползаютъ по дну и стѣнкамъ ковчега. Тутъ стало ясно, что старушка поднесла просфору, какъ доказательство, что она утромъ помолилась за Цесаревича, а таракановъ въ коробкѣ, какъ выраженіе пожеланій ему счастія. По просьбѣ, приложенной къ упомянутымъ предметамъ, удалось отыскать старушку, и оказалось, что толкованіе наше было вѣрно.

Въ Саратовѣ Цесаревичъ помѣстился съ своею свитою въ домѣ князя В. А. Щербатова, въ то время еще губернскаго предводителя. Съ утра уже, какъ и въ другихъ городахъ, масса народу стояла предъ домомъ въ ожиданіи выхода Его Высочества. Рѣшено было идти пѣшкомъ на выставку мѣстныхъ произведеній. Наслѣдникъ вошелъ въ толпу и подвигался медленно, окруженный свитою. Подходитъ крестьянка съ ребенкомъ на рукахъ и проситъ Цесаревича благословить младенца. Его Высочество снялъ кепи и исполнилъ желаніе матери. Вслѣдъ затѣмъ стали подходить и другіе, такъ что пришлось остановиться, и пока Цесаревичъ благословлялъ дѣтей, народъ, спявъ шапки, стоялъ какъ вкопанный. Вдругъ изъ толпы выступаетъ старикъ, лѣтъ 80-ти или болѣе, и обращается къ Его Высочеству съ слѣдующею рѣчью: «Батюшка,ненаглядный ты нашъ, всю жизнь свою молилъ Господа, да сподобитъ Онъ меня хоть разъ взглянуть на кого-нибудь изъ царской семьи. И вотъ исполнилась молитва моя: вижу тебя, царскаго первенца, благословляющаго младенцевъ. Жить мнѣ недолго, дай же мнѣ благословить тебя на будущее царство».

Цесаревичъ вновь снялъ кепи и благоговѣйно преклонилъ голову, которую старикъ осѣнилъ широкимъ знаменіемъ креста, и вслѣдъ затѣмъ упалъ ему въ ноги.

Вообще трогательны были заявленія народомъ неподдѣльныхъ чувствъ любви и пожеланій счастья порфирородному юношѣ.

Во время этого путешествія на долю мою выпало немало тяжелыхъ испытаній. Выѣхали мы изъ Царскаго Села 14-го Іюня и отправились на одномъ изъ пароходовъ Сѣвернаго Общества въ Шлиссельбургъ и оттуда по Маріинской системѣ въ Петрозаводскъ, куда прибыли 16-го или 17-го числа. Утромъ на другой день мною овладѣла страшная тоска, и я телеграфировалъ въ Царское, гдѣ оставилъ семью, прося жену увѣдомить, всѣ ли здоровы? Не смотря на интересный обзоръ заводовъ, который долженъ былъ нѣсколько разсѣять меня, я не могъ избавиться, отъ какого-то злаго предчувствія и, возвратившись домой (въ губернаторскій домъ), я засталъ отвѣтъ, въ которомъ жена извѣщаетъ меня: «Всѣ здоровы, Колѣ лучше, Липочка хвораетъ». Нелѣпость этой телеграммы поразила меня и я, задумавшись надъ ней, стоялъ у окна и слѣдилъ за экипажемъ Цесаревича, который ѣхалъ чрезъ площадь и спустился къ дому архіерея. Вдругъ вижу черную собачку; стремглавъ летѣла чрезъ площадь и, остановившись предъ окномъ, у котораго я стоялъ, страшно завыла. Вой собакъ для меня всегда былъ ненавистенъ и хотя, благодаря Бога, я никогда никакихъ предразсудковъ не имѣлъ и не знаю суевѣрія, но собачій вой всегда казался мнѣ дурнымъ предзнаменованіемъ. Совершенно машинально вынулъ я часы и посмотрѣлъ на нихъ. Было безъ 10 минутъ 3 часа. Впослѣдствіи оказалось, изъ письма полученнаго мною отъ жены въ Бѣлозерскѣ, что это была минута кончины младшей дочери нашей Липочки, тотчасъ по отъѣздѣ моемъ заболѣвшей дифтеритомъ, благодаря сырости помѣщенія въ Царскомъ Селѣ, въ такъ-называемомъ полуциркулѣ. Тотчасъ послѣ отъѣзда моего, у дочери, которой было всего $1\frac{1}{2}$ года, показался дифтеритъ. Докторъ Обломіевскій, приглашенный женою моею, пригласилъ въ свою очередь доктора Кареля, и оба рѣшили, что оставалось одно средство: немедленно везти больнаго ребенка въ Петербургъ и просить д-ра Раухфуса сдѣлать трахотомію. Но малютка скончалась до операціи. Жена возвратилась съ похоронъ ея въ Царское Село и въ ту минуту, какъ она подъѣхала къ дому, къ ней обращается прибывшій одновременно военный докторъ съ вопросомъ, гдѣ живетъ г. Оомъ? Тутъ разъяснилось, что старшій сынъ мой лежалъ уже въ агоніи, задыхаясь отъ той же болѣзни. Быстро сдѣлана была операція, мальчикъ (5 лѣтъ) ожилъ, но увы! для дальнѣйшихъ мученій, въ продолженіи 14 лѣтъ. Дифтеритическій ядъ отравилъ глазные первы и часть мозга. Слабость зрѣнія, самое медленное и слабое развитіе умственныхъ способностей и, наконецъ, падучая болѣзнь, были удѣломъ бѣднаго, добраго и такъ горячо меня любившаго Коли. Благодарю Создателя, что онъ не пережилъ меня; потому что какая ожидала его будущность?

Телеграмма, мною полученная въ Петрозаводскѣ, была отправлена одною изъ тетокъ моей жены, болѣзненной нервной старушкой, оставшейся при дѣтяхъ въ Царскомъ Селѣ по случаю отъѣзда жены съ малюткою Липочкой въ городъ и отъ болѣзни Коли окончательно растерявшейся.

Въ Ростовѣ на Дону, 7-го Августа только, узналъ я объ операціи, сдѣланной бѣдному сыну моему. Въ этотъ день въ Ростовъ прибыла Императрица Марія Александровна, и одно изъ лицъ свиты передало мнѣ письмо моей дорогой жены, которая въ предвидѣніи, что истину я узнаю немнуемо отъ кого либо изъ прибывшихъ съ Ея Величествомъ сообщала мнѣ всѣ подробности этой страшной катастрофы въ семьѣ нашей.

Не могу не вспомнить о милостивомъ ко мнѣ вниманіи Императрицы. «Sie, Armer! Was haben Sie in dieser Zeit für schreckliche Prüfungen gehabt» *), были первыя слова Ея Величества.

Другой эпизодъ, разыгравшійся во время путешествія, но о которомъ я узналъ только по возвращеніи моемъ, заключался въ слѣдующемъ.

Въ числѣ денегъ, взятыхъ на расходы по путешествію, было на 6000 р. червонцевъ, сложенныхъ въ свертки, по 30 червонцевъ каждый. Золото это было взято для поѣздки на Кавказъ, на крестины Великаго Князя Георгія Михаиловича. Всѣ деньги, кредитныя и золото, были уложены въ желѣзный ящикъ, внутри выкрашенный красною масляною краскою. Замѣтивъ на первыхъ порахъ, что кредитныя прилипаютъ къ краскѣ, я накрылъ ихъ холщевымъ денежнымъ мѣшкомъ, который вскорѣ такъ крѣпко прилипъ къ крышкѣ ящика, что при вскрытіи не отлипалъ отъ нея, въ особенности когда ящикъ на пароходѣ сдавался подъ караулъ часовому и стоялъ на палубѣ подъ солнцемъ.

Въ Ярославлѣ, въ день прибытія нашего, пришелъ ко мнѣ городской голова Лопатинъ и заявилъ желаніе отъ имени города, чтобы столъ Цесаревича, во время 2-хъ дневнаго пребыванія въ Ярославлѣ, былъ отнесенъ на счетъ городскихъ суммъ, въ виду того, что городъ желалъ бы угощать Его Величество и что необходимая провизія уже заготовлена. Такъ какъ вопросъ объ отнесеніи расходовъ на столъ на счетъ городовъ, могущихъ выразить желаніе принять эти расходы на себя, въ принципѣ былъ предварительно разрѣшенъ Государемъ Императоромъ, то я заявленіе Ярославскаго городскаго головы довелъ до свѣдѣнія гр. Строганова и, по приказанію его, Цесаревича. Его Высочество, принявъ предложеніе, приказалъ мнѣ благодарить городского голову и пригла-

*) Бѣдный! Какія испытанія вынесли вы въ это время.

сить его присутствовать при завтракахъ и обѣдахъ, какъ хозяина. Это было исполнено.

Тутъ же собралось множество отставныхъ нижнихъ чиновъ и инвалидовъ послѣ Турецкой войны, обратившихся къ Его Высочеству съ просьбами о пособіи. О. Б. Рихтеръ объявилъ мнѣ, что Цесаревичъ приказалъ всѣмъ выдать не пособія, а скорѣе на чай, распредѣливъ всѣхъ на категоріи, начиная съ раненыхъ Георгіевскихъ кавалеровъ, унтеръ-офицерскаго званія, которымъ назначено было выдать по червонцу, и кончая отставными рядовыми не имѣвшими знаковъ отличія и не ранеными, которымъ предназначалось по 25 к. На другое утро всѣ эти люди были собраны на дворѣ, въ которомъ помѣщалась свита; заперли ворота, распредѣлили по категоріямъ, и О. Б. Рихтеръ вмѣстѣ со мною раздавалъ деньги.

По прибытіи въ Кострому, я по обыкновенію произвелъ ревизію кассы и не досчитываюсь 18-ти червонцевъ, которые, какъ мнѣ хорошо помнилось, остались изъ свертка въ 30 штукъ неизрасходованными. Послѣ тщетныхъ поисковъ я сообщилъ объ этомъ Рихтеру и говорю, что намѣренъ писать съ отходящимъ въ Ярославль пароходомъ къ Лопатину и просить его взглянуть въ ящикъ письменнаго стола въ комнатѣ, которую я занималъ, не окажется ли тамъ забытыхъ денегъ. Рихтеръ отсовѣтовалъ, говоря, что это можетъ быть истолковано превратно. Помнится мнѣ, какъ я не хотѣлъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ и между прочимъ спросилъ Рихтера: «еслибъ я забылъ свой бумажникъ или часы свои, неужели долженъ былъ бы я умолчать объ этомъ, по одному только предположенію, что могутъ заподозрить меня въ обманѣ?» Ну дѣлайте какъ знаете, отвѣчалъ Рихтеръ. Я написалъ Лопатину и на другой день получилъ отвѣтъ, что ничего имъ въ столѣ не найдено! Да и не могло быть иначе, потому что, когда мы въ тоже утро отправились въ село Иваново, Владимирской губ. и на пути остановились въ Нерехтѣ, гдѣ понадобилось вынуть изъ злополучнаго ящика деньги и подарокъ для жены городскаго головы Крейцера, то въ моментъ вскрытія ящика отсталъ отъ крышки мѣшокъ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ этого разсказа, и къ крышкѣ оказалась прилипшею маленькая бумажная пачка съ 18 червонцами. Дѣло въ томъ, что, передъ отъѣздомъ изъ Ярославля, я оторвалъ мѣшокъ отъ крышки, накрылъ имъ кредитныя и на мѣшокъ положилъ эту маленькую пачку. На пароходѣ мѣшокъ подъ солнечнымъ припекомъ вновь пристalъ къ крышкѣ, конечно вмѣстѣ съ пачкою, а на пути въ Нерехту ящикъ стоялъ не только въ тѣни, но отчасти подъ дождемъ, такъ что крышка остыла, и мѣшокъ отъ нея отсталъ; только пачка держалась на поверхности крышки,

приставъ вѣроятно крѣпче отъ нажима. Упрекаю себя въ томъ, что не извѣстилъ тотчасъ же Лопатина о находкѣ. Что же вышло изъ всего этого? Ярославскій жандармскій штабъ-офицеръ донесъ начальнику III-го Отдѣленія Собств. Его Величества Канцеляріи: 1) Что я скрылъ будто бы отъ Цесаревича о томъ, что городъ принялъ на себя издержки по угощенію, слѣдовательно сунулъ себѣ въ карманъ сумму равняющуюся этому расходу, взявъ ее изъ вояжныхъ суммъ. (Забылъ этотъ штабъ-офицеръ, что для этого слѣдовало предварительно сумму эту выписать въ расходъ по книгѣ, которую велъ мой писецъ). 2) Что я требовалъ отъ городскаго головы якобы забытые мною въ Ярославлѣ 100 червонцевъ, и что, не удовлетворясь высылкою мнѣ этихъ денегъ, я изъ Нижняго Новгорода вторично требовалъ опять таки 100 червонцевъ уже изъ Костромы!

Объ этомъ генералъ Потаповъ оффиціально написалъ гр. Строганову, и какъ я узналъ позже, отношеніе это прибыло къ графу въ Ростовѣ на Дону. Но тутъ же было рѣшено между имъ, Цесаревичемъ и Рихтеромъ, чтобы, въ виду семейнаго моего горя, мнѣ о приключившемся не говорить вовсе, потому въ особенности, что всѣмъ была извѣстна исторія 18 червонцевъ, а клевета на счетъ обмана города и присвоенія мною казенныхъ денегъ опровергалась не только шнуровою книгою, въ которую самъ Цесаревичъ заглядывалъ неоднократно, интересуясь расходами, но и тѣмъ, что Цесаревичъ лично благодарилъ представителей Ярославля за угощеніе и видѣлъ ежедневно за столомъ городскаго голову, который одинъ изъ всѣхъ горожанъ постоянно присутствовалъ, въ качествѣ хозяина.

По возвращеніи нашемъ въ Петербургъ 19-го Октября 1863 г. я узналъ отъ М. С. Сушинскаго всю исторію, т. е. павшія на меня обвиненія. Предоставляю каждому судить, въ какомъ я былъ положеніи! Первымъ конечно движеніемъ моимъ было отправиться къ графу С. Г. Строганову, который, подтвердивъ истину, старался меня успокоить, но напрасно: я до того былъ встревоженъ и оскорбленъ, что отъ графа и съ его вѣдома поѣхалъ къ А. Л. Потапову. Потапова я нѣкогда встрѣчалъ въ домѣ А. Н. Оленина и помню даже день производства его въ офицеры (онъ въ полной формѣ л.-гв. гусарскаго полка пріѣзжалъ съ визитомъ къ Олениннымъ, и очень памятно мнѣ, какъ этого хорошенькаго миніатюрнаго офицера поставили предъ зеркаломъ и любовались его фигуркою).

Потаповъ встрѣтилъ меня чрезвычайно ласково и, догадавшись о причинѣ визита моего, выразилъ сожалѣніе, что наша встрѣча вы-

звана прискорбнымъ обстоятельствомъ. «Крайне прискорбнымъ, отвѣтилъ я, но ваше превосходительство могли бы мнѣ помочь выйти изъ тяжелаго положенія обвиняемаго».—«Какимъ образомъ?» наивно спросилъ онъ. «Предполагая, что на обязанности III-го Отдѣленія лежитъ не только голословное обвиненіе, но и предоставлена обвиняемому возможность оправданія или даже доказательства невиновности его и голословности обвиненія, я хотѣлъ просить васъ дать мнѣ честнаго, надежнаго офицера, съ которымъ я отправился бы тотчасъ въ Ярославль и съ нимъ вмѣстѣ добился бы, на чемъ основаны слухи о злоупотребленіяхъ, на меня возводимыхъ».—«Это ни къ чему бы не повело теперь, потому что штабъ-офицеръ, прислащій мнѣ донесеніе это, бѣжалъ изъ Ярославля съ купеческою женою», отвѣчалъ Александръ Львовичъ. «Впрочемъ, прибавилъ онъ, это донесеніе было частное, а не оффиціальное». Крайне удивленный этимъ замѣчаніемъ, я отвѣчалъ генералу, что, хотя я не понимаю, какимъ образомъ подчиненный его считалъ себя въ правѣ доносить начальству частнымъ письмомъ о поступкахъ лица, пребываніе коего въ Ярославлѣ было конечно оффиціальное, а не частное, мнѣ рѣшительно безразлично, частнымъ или оффиціальнымъ путемъ дошелъ до III-го Отдѣленія этотъ ложный слухъ, и что я вижу въ этомъ дѣлѣ только сторону оффиціальную, потому что, онъ управляющій дѣлами III-го Отдѣленія сообщилъ графу Строганову обвиненіе не частнымъ письмомъ, а оффиціальнымъ отношеніемъ за номеромъ.

Нечего было дѣлать, нужно было покориться горькой судьбѣ. Но тутъ пришла мнѣ другая мысль: во время пребыванія нашего въ Крыму я ежедневно удостоивался приглашенія къ Высочайшему столу и на вечера; если Государь Императоръ зналъ, что я заподозренъ въ грабежѣ и кражѣ (а знать онъ могъ это чрезъ В. А. Долгорукова, начальника III-го Отдѣленія), то какими глазами смотрѣлъ онъ на меня, сидящаго за однимъ съ нимъ столомъ, а между тѣмъ не подозрѣвающаго даже обвиненій на меня падавшихъ? Мысль эта тревожила меня до отчаянія.

На другой день поѣхалъ я въ Царское Село къ Цесаревичу и, войдя въ его кабинетъ, остановился у дверей и спрашиваю: «Дозволите ли, Ваше Высочество, перешагнуть порогъ комнаты человѣку, обвиняемому въ дневномъ грабежѣ и мошенничествѣ?»—«Полноте, Ѳедоръ Адольфовичъ», отвѣчалъ мнѣ Великій Князь; «я понимаю, какъ вы должны быть встревожены. Мнѣ говорилъ уже Оттонъ Борисовичъ, что васъ болѣе всего безпокоитъ мнѣніе о васъ Государя. Я виноватъ въ томъ, что не объяснилъ ему всю нелѣпость клеветы, но обѣщаю, какъ скоро возвратится Государь изъ Крыма, передать ему всю исторію въ подробности». Я чуть не со слезами на глазахъ благодарилъ Цесаревича.

Еще прелестный эпизодъ изъ этого же путешествія. Когда прибыли мы въ Петрозаводскъ, Цесаревичъ выразилъ желаніе присутствовать на выпускномъ актѣ мужской гимназіи. Онъ самъ раздавалъ медали и награды молодымъ людямъ и, сказавъ имъ напутственное слово, обратился къ преподавателямъ, которые поочередно были ему представляемы директоромъ гимназіи. Между ними стоялъ молодой еще человѣкъ, преподаватель Русской Словесности Ив. Петр. Хрущовъ. Изъ разговора съ нимъ Цесаревичъ узналъ, что Хрущовъ былъ ученикомъ Ѳ. И. Буслаева и очень этому обрадовался. Онъ спросилъ между прочимъ, какъ онъ попалъ въ Петрозаводскъ. «Вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ», былъ отвѣтъ. Цесаревичъ очень ласково сказалъ Хрущову: «Очень радъ, что вижу соученика».

Въ этотъ же день Хрущовъ приходитъ ко мнѣ и предлагаетъ привести извѣстнаго сказальщика, старика-слѣпца Кузьму Иванова, который Безсонову и Якушкину пѣлъ свои пѣсни, всѣ ими по словамъ его собранныя и записанныя. Графъ Строгановъ, которому было передано предложеніе это, рѣшилъ, чтобы Кузьма былъ приведенъ послѣ обѣда на пароходъ, на которомъ назначено было вечеромъ идти на островъ Соломенный, гдѣ должно было собраться Петрозаводское общество для угощенія вечернимъ чаемъ. Сказано, сдѣлано. Когда мы отошли отъ берега, Цесаревича подвели къ пѣснопѣвцу. Хрущовъ попросилъ его спѣть одну изъ пѣсень его.

«Что́ тебѣ спѣть, Иванъ Петровичъ? Столько уже разъ ты слушалъ меня, а поваго ничего я не знаю», сказалъ Ивановъ. «Спой, что́ пожелаешь», сказалъ Хрущовъ: «тутъ есть лица, которыя тебя не слыхали и пѣсенъ твоихъ не знаютъ».

Запѣлъ старикъ протяжнымъ, заунывнымъ тономъ пѣснь о Вольгѣ Всеславичѣ и вдругъ пріостановился.

— «Что́ же Кузьма Ивановъ, ты не продолжаешь?» спросилъ Хрущовъ.

— «Слышу, что кто-то мнѣ вто́ритъ; стало, пѣснь знакома».

— «А какъ думаешь, кто поетъ съ тобою?»

— «Да какъ мнѣ знать: вѣдь я не вижу».

— «Вто́ритъ тебѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ».

— «Что́ морочишь меня? Смѣешься надо мною! Гдѣ Цесаревичу знать наши народныя пѣсни? Вѣдь ихъ уже никто, окромя меня, не поетъ».

— «Ты ошибаешься, Кузьма Ивановъ», сказалъ Цесаревичъ, «я не одну эту пѣсню знаю, но много и другихъ. Споемъ вмѣстѣ и другую».

Старикъ былъ видимо пораженъ: нижняя, отвислая губа затряслась, слезы покатились изъ глазъ, и онъ въ восторгѣ воскликнулъ: «Вотъ до чего дожилъ, что Первенецъ Царскій поетъ наши излюбленныя пѣсни!»

Весь почти вечеръ Цесаревичъ не могъ оторваться отъ старика-рапсода. Послѣ чая на островѣ, вскорѣ пустились въ обратный путь, и тутъ Цесаревичъ благодарилъ Хрущова за доставленное ему наслажденіе и сказалъ: «Отзывы о васъ здѣсь самые лучшіе, а потому я радъ помочь вамъ въ случаѣ надобности. Прошу васъ всегда обращаться ко мнѣ. Въ Петербургѣ нуждаются въ хорошихъ преподавателяхъ Русскаго языка и словесности».—«Позвольте же и мнѣ, Ваше Высочество», сказалъ Хрущовъ, открыть вамъ горе мое. Когда въ 1861 г. я былъ замѣшанъ въ исторію студентовъ Московскаго Университета, то хотя былъ вполнѣ оправданъ, но мать моя совершенно отказалась отъ меня и объявила, что средствъ на продолженіе курса уже давать мнѣ не будетъ. Тогда я долженъ былъ искать занятій и, благодаря академику Срезневскому, получилъ настоящую должность. «А гдѣ ваша матушка?» спросилъ Цесаревичъ.—«Живетъ въ своемъ помѣстьѣ Курской губерніи», отвѣчалъ Хрущовъ.

Прошли Іюнь, Іюль, Августъ и Сентябрь, въ первыхъ числахъ Октября мы прибыли въ Курскъ и были между прочимъ на балу въ Дворянскомъ собраніи, гдѣ жена предводителя дворянства (впослѣдствіи Казанскаго губернатора Н. Я. Скарятина), faisant les honneurs представляла Цесаревичу женъ дворянъ. Цесаревичъ вспомнилъ о Хрущовѣ. «Есть между Курскими дворянами помѣщица Хрущова?» спросилъ онъ Скарятину.—«Какъ же, Ваше Высочество, она уже здѣсь на балѣ», было отвѣтомъ. «Пожалуйста познакомьте меня съ нею». Когда отыскали м-мъ Хрущову, Цесаревичъ спросилъ ее, не ея ли сынъ въ Петрозаводскѣ, и когда она отвѣтила утвердительно, «полагаю», сказалъ онъ, что для перваго моего съ вами знакомства не могу вамъ сдѣлать болѣе пріятнаго, какъ сообщивъ вамъ самыя утѣшительныя извѣстія о сынѣ вашемъ; онъ чрезвычайно успѣшно занимается преподаваніемъ словесности въ гимназіи, всѣми чтимъ и уважаемъ, и вы должны быть счастливы имѣть такого прекраснаго сына».

Объ этомъ новомъ знакомствѣ Цесаревичъ однако никому изъ насъ не говорилъ, а я узналъ объ этой прелестной чертѣ уже послѣ кончины его отъ самого Хрущова, при случайной встрѣчѣ въ Новгородѣ, на обратномъ пути изъ Старой Русы, куда былъ я въ Іюнѣ 1865 г. посланъ для устройства помѣщенія Великимъ Князьямъ Владимиру и Алек-

сею Александровичамъ, которымъ тогда Здекауеромъ было предписано леченіе мѣстными ваннами.

Это сближеніе съ матерью дало Ивану Петровичу возможность жениться на дочери академика Полѣнова и перейти на службу въ Новгородъ, оттуда онъ въ послѣдствіи поступилъ инспекторомъ классовъ въ Кіевскій Институтъ, потомъ былъ пожалованъ въ придворное званіе и нынѣ, служа въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, составилъ себѣ прекрасную извѣстность какъ учредитель народныхъ чтеній.

Былъ въ Курскѣ на балѣ эпизодъ довольно оригинальный. Цесаревичу между прочими была представлена г-жа Устимовичъ, рожд. Безакъ. «Вы дочь Александра Павловича?» спросилъ Его Высочество. «Да», отвѣчала она. «А я ея мужъ», неожиданно сказалъ г. Устимовичъ, стоявшій за женою. «А вы гдѣ воспитывались?» спросилъ Цесаревичъ. «Въ Училищѣ Правовѣдѣнія», былъ отвѣтъ.

Когда послѣ бала мы пили дома чай, О. Б. Рихтеръ замѣтилъ, что Его Высочество, вѣроятно безъ намѣренія, далъ хорошій урокъ Устимовичу. Цесаревичъ былъ крайне удивленъ, и когда ему повторили вопросъ, предложенный имъ молодому человѣку, онъ былъ видимо смущенъ и выразилъ даже сожалѣніе по этому поводу. На другой день Его Высочество особенно милостиво обошелся съ Устимовичемъ, который вѣроятно не подозрѣвалъ причины этого отношенія.

Пересматривая бумаги мои, я замѣтилъ, что нѣкоторые эпизоды изъ нашего путешествія по Россіи въ 1863 г. мною не переданы, а между тѣмъ не лишены извѣстнаго интереса.

Такъ напр. я припомнилъ, что когда мы 31-го Іюля прибыли въ Калачъ, и Цесаревичъ встрѣченъ былъ тамъ наказнымъ атаманомъ Войска Донскаго П. Х. Граббе, характеръ нашего плаванія по Дону и пребыванія въ станицахъ совершенно былъ иной, болѣе уютный, семейный, потому что до Новочеркаска не было по всему пути ни одного губернскаго города, а останавливались въ станицахъ, въ скромныхъ весьма помѣщеніяхъ или въ становыхъ управленіяхъ или у зажиточныхъ казаковъ; плыли не на большихъ пароходахъ, а на маленькихъ съ тѣсными помѣщеніями; главная же причина этой перемѣны заключалась въ личности генерала Граббе. Онъ, не разставаясь съ Цесаревичемъ до Старочеркаска, вошелъ какъ бы въ нашу семью и, не смотря на преклонныя лѣта, на высокое положеніе свое и держа себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ (даже въ осанкѣ его и манерѣ выражаться былъ рыцаремъ въ полномъ смыслѣ слова), съумѣлъ съ первой

встрѣчи обворожить всѣхъ. Цесаревичъ привязался тотчасъ же къ нему всею душою и былъ къ нему въ высшей степени внимателенъ. Обѣдали мы въ Нижнечирской станицѣ. За обѣдомъ Его Высочество удостоилъ меня поздравить съ днемъ рожденія моего, и по этому поводу Граббе, который зналъ хорошо матушку мою и видалъ меня ребенкомъ, завелъ рѣчь о матери моей. Это было хвалебное слово, которое было для меня конечно лучшимъ подаркомъ.

Послѣ сладкаго блюда Цесаревичъ вышелъ изъ комнаты и, тотчасъ возвратясь въ столовую съ трубкою и горящимъ фитилемъ, предложилъ старику закурить трубку.

Глубоко тронутый такимъ вниманіемъ, онъ никакъ не хотѣлъ, чтобы Цесаревичъ держалъ фитиль при закуриваніи трубки. «Какъ, Ваше Высочество, вы ходили за трубкою для меня? Этого вниманія я не заслужилъ; благоволите закурить ее вы сами, я же подержу фитиль».—«Нѣтъ, Павелъ Христофоровичъ, замѣтилъ Наслѣдникъ, молодой казакъ съ удовольствіемъ служитъ почтенному наказному атаману своему. Вы не имѣете права отказать мнѣ въ этой услугѣ». Старикъ прослезился и принялъ предложеніе.

Въ Старочеркаскѣ мы пробыли нѣсколько долѣе, чѣмъ предполагали, потому что тутъ были получены извѣстія о томъ, что Государь не прибудетъ въ Новочеркаскъ, что Императрицу намъ слѣдуетъ встрѣтить въ Ростовѣ 12-го Августа и что Цесаревичу разрѣшается вступить въ «Большой Кругъ». Это потребовало нѣкотораго измѣненія въ маршрутѣ, и нужно было дать времени приготовиться въ Новочеркаскѣ къ встрѣчѣ и къ торжеству. Граббе уѣхалъ туда, а между тѣмъ Цесаревичъ самъ сочинилъ ко дню вступленія его въ «кругъ» рескриптъ, опубликованный въ приказѣ наказнаго атамана по Войску Донскому.

Приказъ по Войску Донскому.

Новочеркаскъ. Августа 8 дня 1863 г. № 23.

Спѣшу, любезные товарищи-Донцы, объявить вамъ полученный мною собственноручно написанный Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Августѣйшимъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, приказъ по Войску Донскому.

Подписалъ: Наказной атаманъ Войска Донскаго, генералъ-адъютантъ Граббе.

Копія.

Повелѣніемъ Великаго Государя и Августѣйшаго Родителя моего, я принимаю сегодня въ войсковомъ кругѣ знаки атамана Войска Донскаго.

Десять дней, проведенные мною среди доблестнаго войска, сблизили меня со многими изъ достойныхъ сыновъ его и съ героемъ, наказнымъ атаманомъ вашимъ. Находясь среди васъ, узналъ я васъ ближе. Я понялъ всю важность званія атамана вашего.

Вѣрьте, храбрые Донцы, что вы близки моему сердцу, что я горжусь вами и молю Всевышняго, да сохранитъ Онъ васъ на будущія времена тѣмъ, чѣмъ вы всегда были для славы любезнаго намъ отечества.

Подлинный подписалъ: «Атаманъ Николай».

(8) Августа 1863 г. Новочеркаскъ.

Вѣрно: Наказной атаманъ, генералъ-адъютантъ Граббе.

«Большой Кругъ» представляетъ интересное зрѣлище. Казаки собираются съ регаліями на площади предъ соборомъ. Тутъ на паперти встрѣтилъ Цесаревича маститый архіепископъ Воронежскій и Задонскій Іоаннъ. Послѣ молебствія Наслѣдникъ вошелъ въ кругъ, и тутъ ему поднесли перначъ. Принявъ этотъ жезлъ, Его Высочество сказалъ короткую, но прекрасно обдуманную рѣчь. Нужно замѣтить, что въ это время въ полномъ разгарѣ было Польское возстаніе, и слухи до насъ доходившіе были весьма тревожны. Опасались войны, и Цесаревичъ неоднократно говорилъ намъ послѣ прочтенія писемъ, приходившихъ изъ Петербурга, что насъ вернутъ и что мы въ Крымъ не поѣдемъ. Въ тоже время говорилось въ Петербургѣ также о стремленіи Донскихъ казаковъ къ автономіи и даже независимости. Въ Новочеркаскѣ же услышали мы совсѣмъ иное. Всѣ казаки твердили въ одинъ голосъ, что это клевета, что слухъ этотъ былъ поднятъ и распространенъ лицемъ, которое, для пріобрѣтенія бо́льшаго вѣса въ столицѣ и въ глазахъ Государя и для скорѣйшаго достиженія цѣли, т. е. назначенія наказнымъ атаманомъ, сбивалъ съ толку казаковъ, обнадеживая ихъ разными инсинуаціями и въ тоже время доносилъ въ Петербургъ о мнимыхъ волненіяхъ въ населеніи Земли Войска Донскаго и предлагалъ совѣты свои для успокоенія умовъ. Это былъ бывшій начальникъ штаба войска.... Но его отозвали въ Петербургъ, и всѣ толки улеглись при начальникѣ, каковъ былъ генералъ Граббе, невозмутимо спокойномъ.

Въ Новочеркаскѣ я познакомился съ инженеромъ, строившимъ Грушевскую желѣзную дорогу, В. А. Панаевымъ и восхищался его тремя маленькими дочерьми-красавицами, изъ коихъ вторая впослѣдствіи пѣніемъ своимъ сводила съума стариковъ и молодыхъ людей.

Въ Ростовѣ получены были извѣстія о рожденіи Великаго Князя Георгія Михайловича и приказаніе Цесаревичу изъ Крыма отправиться на Кавказъ для воспріятія новорожденнаго отъ купели.

Когда изъ Ростова пришлось идти на пароходѣ въ Таганрогъ, гдѣ въ тотъ же день былъ назначенъ обѣдъ, на который были приглашены также всѣ предводители Екатеринославской губ., Цесаревичъ, узнавъ отъ меня, что эти господа, считавшіе долгомъ присутствовать при отплытіи Его Высочества изъ Ростова, не успѣютъ прибыть къ обѣду, пригласилъ ихъ на свой пароходъ. Нельзя описать восторга г.г. предводителей, а когда уже на пароходѣ Его Высочество пригласилъ ихъ сѣсть въ кружокъ и завелъ съ ними разговоръ о мѣстныхъ ихъ интересахъ, то общество такъ одушевилось и бесѣда шла такая оживленная и назидательная, что едва ли изгладятся когда либо изъ памяти этихъ господъ часы, проведенные на пути въ Таганрогъ. На память объ этомъ днѣ мнѣ, уже въ Екатеринославлѣ, на обратномъ нашемъ пути, была подарена г.г. предводителями фотографія, изображающая группу ихъ.

Прибывъ въ Крымъ, Цесаревичъ поселился въ Ливадіи съ О. Б. Рихтеромъ. Графъ Строгановъ и лица свиты помѣстились въ Оріандѣ, но не надолго, потому что вскорѣ прибыли изъ Варшавы В. К. Константинъ Николаевичъ и Великая Княгиня Александра Іосифовна. При Ихъ Высочествахъ между прочими состоялъ генералъ Стюрлеръ. Тогда насъ перевели въ Ялту и помѣстили въ частномъ домѣ, биткомъ набитомъ разными лицами, въ числѣ коихъ припоминаю, какъ весьма докучливыхъ: генералъ-адъютанта С.***, напомнившаго мнѣ князя Слюняя въ «Трумфѣ» Крылова, и нѣкоего Клеванова, извѣстнаго переводчика Греческихъ и Латинскихъ классиковъ. Не знаешь, бывало, какъ отдѣлаться отъ этихъ гостей, всегда приходившихъ къ намъ непрошенными. Оба представляли разительный контрастъ: первый страшный цинникъ, а второй—строгій классикъ.

Но и въ Ялтѣ я пробылъ недолго, потому что 22-го Августа на пароходѣ «Тигръ», въ свитѣ Цесаревича, отправился въ Поти и, переночевавъ, мы поднялись по Ріону въ Орпири (гдѣ былъ выставленъ почетный караулъ изъ скопцевъ), оттуда въ Кутаисъ и чрезъ Сурамскій перевалъ въ Тифлисъ. Крещеніе происходило въ Бѣломъ Ключѣ. Цесаревичъ остановился въ домѣ командира Грузинскаго полка, полковника Свѣчина. Но поѣздка наша на Кавказъ была совершена на курьерскихъ, и мы ничего не успѣли осмотрѣть, ни съ чѣмъ не познакомились. Были мы на двухъ балахъ, въ Итальянской оперѣ въ прелестномъ Тифлисскомъ театрѣ, и опять покатили обратно тою же дорогою. Конечно, мы

успѣли и на лету увидѣть красоты природы и мѣстности, но для меня это показалось искушеніемъ: такъ охотно провелъ бы я нѣсколько дней въ разныхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Мцхетѣ.

Пароходъ «Тигръ» былъ порученъ адмиралу Дюгамелю, командиромъ же парохода былъ капитанъ 2-го ранга Шмидтъ.

Изъ Бѣлаго Ключа взяли мы съ собою почтеннаго Шмидта (лейбъ-акушера). Въ долинѣ Ріона былъ устроенъ обѣдъ княземъ Дадіяномъ, при чемъ было выпито много вина изъ невозможныхъ сосудовъ (кулы, озарпеши и турьи рога). Говорю невозможные или безпощадные, потому что, коли они наполнены, ихъ поставить нельзя, а нужно поневолѣ выпить все до дна. Такимъ образомъ каждый изъ насъ невольно выпилъ болѣе, чѣмъ слѣдовало, и результатомъ всего было общее безпредѣльное веселье. Старикъ Шмидтъ, бывшій Дерптскій студентъ, вспоминалъ молодость и всякому изъ насъ повторялъ: «Wir haben heute für eine Idee getrunken, und das liebe ich; freilich ist es mir zweimal vorgekommen, dass ich, als Student, auch ohne eine Idee getrunken habe, dies ist aber ecklich. Nun, was geschehen ist—ist geschehen; man kann es doch nicht wieder gut machen». Д-ръ Шестовъ также былъ хорошъ и Шмидта все называлъ Штейномъ.

На Кавказѣ встрѣтилъ я давнишнихъ знакомыхъ, которымъ искренно обрадовался. Это были В. В. Зиновьевъ, статсъ-секретарь Крузенштернъ и генералъ-адъютантъ Карцевъ. Второй доживалъ послѣдніе дни въ Тифлисѣ, потому что при насъ пріѣхалъ преемникъ его баронъ Николаи. Гофмейстеромъ у Великаго Князя Намѣстника былъ Алфредъ Ѳедоровичъ Гротъ, адъютантами Его Высочества князь С. Н. Трубецкой, баронъ Мейндорфъ и Философовъ. Мейндорфъ командовалъ тогда лихимъ конвоемъ Великаго Князя. Но никогда не забуду прелестнѣйшаго старичка князя Дмитрія Григорьевича Орбеліани. Сомнѣваюсь, чтобы теперь много нашлось такихъ почтенныхъ и симпатичныхъ старичковъ, какъ гр. С. Г. Строгановъ, П. Х. Граббе и Д. Г. Орбеліани: и тѣста нѣтъ, и форма разбита!

Пребываніе въ Крыму, до дня отъѣзда нашего 29-го Сентября, было чисто оффиціальное: каждый день я въ числѣ другихъ удостоивался приглашеній къ царскимъ обѣдамъ и вечерамъ, по утрамъ же велъ оживленную переписку по поводу предстоящаго переѣзда изъ Бердянска до Москвы въ экипажахъ. Возни было немало: нужно было всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ почтмейстерамъ сообщать маршрутъ съ указаніемъ числа экипажей, лошадей и о томъ, что, по желанію Цесаревича, прогоны должны были быть уплачиваемы на каждой

станціи мною лично (потому что фельдъегерямъ онъ не довѣрялъ) и чтобы не задерживать крестьянъ съ обывательскими лошадьми.

Послѣ одного изъ обѣдовъ въ Ливадіи, Государь поздравилъ К. П. Побѣдоносцова съ назначеніемъ оберъ-прокуроромъ Московскаго департамента Сената и пропзводствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Наконецъ, мы тронулись въ обратный путь. Всѣ были рады возвратиться домой, а Цесаревича влекло къ брату. Онъ неоднократно повторялъ, что соскучился по Сашѣ.

Моремъ дошли до Бердянска, откуда всѣ, кромѣ Побѣдоносцова и Боголюбова, проѣхали въ экипажахъ въ Нѣмецкія колоніи и потомъ въ Екатеринославъ и т. д.

31-го Октября родился мой дорогой Ѳедя, а 8-го Ноября жена моя скончалась отъ родильной горячки. Бѣдняжка не устояла противъ физическихъ и нравственныхъ страданій, перенесенныхъ въ теченіи лѣта. Потеря любимой дочери, болѣзнь сына, операція со всѣми послѣдствіями, требовавшими самого заботливаго ухода днемъ и ночью, воспаленіе въ легкихъ, послѣ вынутія изъ горла больнаго трубочки, потомъ пожаръ въ Царскосельскомъ дворцѣ, сильно перепугавшій ее ночью, и все это во время разлуки со мною, до того на нее подѣйствовали, что когда я возвратился 19-го Октября, то ее засталъ крайне грустною и убѣжденною въ дурномъ исходѣ предстоящаго ей разрѣшенія.

Къ несчастію, предчувствіе это оправдалось. Кончина ея помирила меня съ мыслію о смерти; потому что, благодаря Бога, она была безъ страданій физическихъ, а глубокая вѣра придала столько нравственныхъ силъ этой молодой, непорочной душѣ, что оставалось только возносить ко Всевышнему молитвы благодарности за ниспосланную Имъ праведницѣ кончину, которая подробно описана мною въ отдѣльной запискѣ для дѣтей моихъ.

На другой день кончины, Цесаревичъ съ О. Б. Рихтеромъ пріѣхалъ изъ Царскаго Села, чтобы выразить мнѣ свое соболѣзнованіе. Цесаревичъ, какъ всегда, и на этотъ разъ сдержалъ слово. По возвращеніи изъ Ливадіи, Государь потребовалъ меня къ себѣ и встрѣтилъ меня слѣдующими словами: «Ты бѣдный, сколько перенесъ мукъ во время путешествія, и здѣсь ожидало тебя несчастіе! Я знаю, какую клевету на тебя взвели; но я тебѣ вѣрю, и это должно тебя успокоить, Спасибо тебѣ за твои труды во время путешествія сына».

Если труда было много во время приготовленій къ путешествію, для того, чтобы организовать всѣ средства сообщеній (ибо до того никто

не совершалъ поѣздки водой изъ Петербурга до Астрахани), если много было приложено стараній для того, чтобы, вездѣ придерживаясь маршрута, поспѣвать во время, никого не заставлять ждать понапрасну (и дѣйствительно мы всюду прибывали въ опредѣленные заранѣе дни и часы): то всѣ эти хлопоты были значительно мнѣ облегчаемы людьми, съ которыми я имѣлъ дѣло.

Такого начальника, какъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, я никогда не имѣлъ. Если, при вступленіи его въ обязанности попечителя, онъ съ недовѣріемъ относился ко всему персоналу, который онъ нашелъ при Цесаревичѣ, или съ нѣкоторыми лицами онъ обошелся крайне круто, или наконецъ и на меня онъ почти не обращалъ вниманія, а при случаѣ, о которомъ передамъ тотчасъ же, мое положеніе показалось мнѣ очень шаткимъ: то впослѣдствіи я убѣдился, что, однажды подаривъ человѣка довѣріемъ, онъ предоставлялъ ему полную свободу дѣйствій, лишь бы намѣченная имъ цѣль была достигаема. Понятно, что, видя это довѣріе, я изъ кожи лѣзъ, лишь бы исполнить порученіе такъ, какъ графъ этого желалъ.

Часто отдавая приказаніе, онъ самъ намечалъ пути и средства къ исполненію его. Приступивъ однако къ самому исполненію и обдумывая эти пути и средства, я приходилъ къ убѣжденію, что таже цѣль могла быть успѣшнѣе достигнута инымъ способомъ. Нисколько не стѣсняясь, я сообщалъ свое мнѣніе графу, и долженъ сознаться, что если онъ самъ убѣждался въ основательности моихъ предложеній, не только никогда не противился имъ, но даже благодарилъ. Съ такимъ начальникомъ всякое дѣло должно спориться.

Кромѣ графа, я имѣлъ постоянныя сношенія съ помощникомъ его О. Б. Рихтеромъ. Всякій знающій его, долженъ сознаться, что, по благородству, честности, человѣчности, трудно, въ особенности въ настоящее время, найти людей ему подобныхъ. Единственный упрекъ, который можно было бы ему сдѣлать: это, можетъ быть, излишнее довѣріе къ людямъ, того не заслуживающимъ, и чрезмѣрная доброта.

Графа Строганова многіе чуждались, боялись, потому что онъ неприступностію своею, гордостію, могъ дѣйствительно оттолкнуть человѣка его незнающаго и особенно ему, графу, неизвѣстнаго. Онъ бывалъ рѣзокъ именно съ людьми, которыхъ или вовсе не зналъ, или зналъ съ невыгодной стороны. Нѣсколько лѣтъ ежедневныхъ встрѣчъ, работы съ нимъ и даже жизнь дверь о дверь во время продолжительныхъ путешествій по Россіи и за границею, привели меня къ заключенію, что если графъ Сергѣй Григорьевичъ по высокому образованію и начитан-

ности стоялъ выше большей части государственныхъ людей его эпохи, то сердце его всегда брало верхъ надъ умомъ. Я его видѣлъ въ самыя тяжелыя минуты жизни его: при полученіи извѣстія о кончинѣ старшаго сына его, у гроба жены его, и наконецъ былъ неразлученъ съ нимъ во время болѣзни, послѣднихъ минутъ жизни и послѣ кончины Цесаревича, котораго онъ любилъ не менѣе сыновей своихъ, потому что имѣлъ право гордиться молодымъ человѣкомъ, развивавшимся такъ удачно, подъ его, графа, руководствомъ, по его плану и указаніямъ и при помощи людей имъ же избранныхъ.

Вскорѣ послѣ назначенія графа попечителемъ Цесаревича, онъ однажды засталъ меня въ кабинетѣ Его Высочества, гдѣ я устанавливалъ нѣкоторыя книги, хранившіяся, по желанію Его Высочества, не въ библіотекѣ, а въ кабинетѣ».—Что вы тутъ дѣлаете?» спросилъ меня графъ. «Привожу въ порядокъ часть библіотеки, здѣсь установленной».—«Что это за отдѣлъ?» спросилъ графъ, указывая на небольшой шкафъ.—«Русская словесность», былъ мой отвѣтъ. — «Гдѣ же тутъ лѣтописи и акты историческіе?»—«Въ отдѣлѣ Исторіи».

Въ это время въ кабинетъ вошелъ Цесаревичъ. «Послушайте, что за взгляды у вашего библіотекаря на Русскую словесность», обратился графъ къ Его Высочеству.—«Не знаю, ваше сіятельство, въ обширномъ ли или въ тѣсномъ смыслѣ вы понимаете слово словесность. Я разумѣю подъ отдѣломъ Русской словесности, здѣсь въ кабинетѣ находящемся, собраніе сочиненій Русскихъ авторовъ, т. е. въ тѣсномъ смыслѣ слова; что же касается до актовъ историческихъ и лѣтописей, то по самому названію они должны принадлежать къ отдѣлу Исторіи».

Затѣмъ я вышелъ изъ кабинета.

Въ тотъ же день я встрѣтилъ Цесаревича въ одной изъ залъ Зимняго дворца. Увидѣвъ меня издали, онъ улыбнулся очаровательною, ему свойственною улыбкою и спросилъ меня: «Ну что, Ѳ. А., переставите вы книги въ моей библіотекѣ по желанію графа?»—«Нѣтъ, Ваше Высочество, не могу, потому что требованіе графа, по моему, неосновательно. Что сказалъ бы С. М. Соловьевъ, еслибъ увидѣлъ акты и лѣтописи возлѣ Лермонтова, Жуковскаго, Ломоносова и проч.? У всякого барона свои фантазіи, а ежедневно передѣлывать каталоги, на основаніи различныхъ воззрѣній, трудъ слишкомъ большой и не къ чему не ведущій».—«Дѣлайте какъ знаете», отвѣчалъ все же улыбаясь Цесаревичъ, «вижу, что и вы правы».

Чрезъ нѣкоторое время до меня дошелъ слухъ, будто графъ Строгановъ имѣетъ въ виду назначить извѣстнаго Забѣлина на мое мѣсто.

Я тотчасъ же пошелъ къ графу, передалъ ему слышанное и говорю: «Я очень понимаю, что ваше сіятельство имѣете причины желать видѣть на моемъ мѣстѣ лице другое; но, будучи женатъ, имѣя дѣтей и живя трудомъ своимъ, я долженъ просить васъ сказать мнѣ заранѣе о намѣреніи вашемъ замѣстить меня другимъ лицемъ, съ тѣмъ чтобы дать мнѣ возможность пріискать другія занятія; я, графъ имѣю право ожидать этого вниманія отъ васъ, потому что я слишкомъ высокаго мнѣнія о васъ, чтобы допустить возможность со стороны вашей поступка, который, собственно безъ вины со стороны моей, поставилъ бы меня и семейство мое въ безъисходное положеніе».

«Вы правы», отвѣчалъ графъ, «никогда я не позволилъ бы себѣ подобнаго распоряженія; обѣщаю, что предупрежу васъ, еслибъ представилась надобность; но такъ какъ это пустой слухъ, то не думайте о перемѣнѣ службы, а оставайтесь спокойно при вашихъ занятіяхъ».

Это произошло въ промежутокъ отъ 8-го Сентября 1859-го до весны 1860.

Лѣто 1860 г. мы провели въ Либавѣ, и тутъ установились совсѣмъ иныя отношенія. Графъ видѣлъ меня съ утра до поздняго вечера. Каждое утро я приходилъ къ нему съ бумагами и за приказаніями. Дѣла было довольно много, и пребываніе въ Либавѣ сошло чрезвычайно благополучно. Предъ прибытіемъ въ Петергофъ, Цесаревичъ и графъ Строгановъ благодарили меня за труды, и Государь Императоръ, при представленіи нашемъ, выразилъ мнѣ всемилостивѣйшее благоволеніе, прибавивъ: «сынъ и графъ мнѣ говорили, что многимъ тебѣ обязаны». Съ тѣхъ поръ не только не было ни малѣйшаго недоразумѣнія въ сношеніяхъ съ графомъ, но онъ оказывалъ мнѣ безграничное довѣріе, которымъ я конечно дорожилъ болѣе всего со стороны такого человѣка и начальника. До сихъ поръ чувствую потребность хоть изрѣдка видѣть графа, къ которому сохраню всю жизнь глубокое уваженіе и нелицемѣрную привязанность. (Увы, его уже не стало!)

ЕЩЕ О ПЕРЕНЕСЕНІИ ПРАХА КНЯЗЯ И ГРАФОВЪ ОРЛОВЫХЪ.

Въ статью, появившуюся въ Іюньской книжкѣ (№ 6) „Русскаго Архива": *Историческая справка о перенесеніи праха князя и графовъ Орловыхъ изъ Отрады въ Юрьевъ монастырь*, за подписью г. А. Львова, вкрались нѣкоторыя неточности, о коихъ считаю долгомъ заявить.

Четверо Орловыхъ, князь Григорій и графы Иванъ, Алексѣй и Ѳедоръ, одинъ за другимъ, были похоронены въ Отрадѣ младшимъ ихъ братомъ графомъ Владиміромъ Григорьевичемъ, въ склепѣ, подъ построенною имъ по сосѣдству съ Князе-Владимирскою приходскою церковью (имъ же построенною) большою кругообразною часовнею, съ высокимъ куполомъ и каменною вокругъ нея оградою. Склепъ этотъ находится на сажень глубины подъ поломъ часовни и слѣдовательно *подъ поверхностью* земли. На плитномъ полу этого *подземнаго* склепа и слѣдовательно на глубинѣ сажени отъ общаго уровня земли, стояли мѣдные, запаянные гроба четырехъ братьевъ. Къ нимъ въ 1831 году присоединился и пятый гробъ самого хозяина Отрады, восьмидесяти-восьмилѣтняго графа Владимира Григорьевича, который и понынѣ стоитъ въ томъ же склепѣ (на сажень глубины *подъ*, а не *надъ* поверхностью земли), въ числѣ пятнадцати другихъ гробовъ многихъ, умершихъ съ тѣхъ поръ, моихъ ближайшихъ родственниковъ. Гроба эти впослѣдствіи были накрыты надгробіями изъ бѣлаго мрамора. Самая же часовня обращена была въ церковь во имя Успенія Божіей Матери въ 1835 году, вскорѣ послѣ погребенія подъ нею графа Владимира Григорьевича, его родною дочерью Екатериною Владимировною Новосильцовою, тогдашнею владѣлицею Отрады.

Когда графиня Анна Алексѣевна Орлова, по внушенію архимандрита Фотія, въ 1832 году, пожелала перевезти своего отца и двухъ дядей изъ Отрадинскаго склепа, гдѣ они уже покоились почти полвѣка, въ Юрьевъ монастырь, ей потребовался благовидный предлогъ, для полученія на то Высочайшаго соизволенія. Предлогомъ этимъ послужило совершенно невѣрное представленіе въ Святѣйшій Синодъ, будто тѣла Орловыхъ *никогда не были преданы землѣ*, но временно поставлены на полу часовни, *на поверхности* земли. На основаніи этого невѣрнаго донесенія, послѣдовало

согласіе тогдашняго Петербургскаго митрополита Серафима, одобреніе Синода и Высочайшее соизволеніе на перенесеніе праха вышеозначенныхъ трехъ братьевъ Орловыхъ изъ Отрадинскаго фамильнаго склепа въ Юрьевъ монастырь, что̀ и было исполнено въ Январѣ 1832 года.

Во всемъ христіанскомъ мірѣ подъ именемъ склепа разумѣется подземелье или подвалъ (будь онъ подъ зданіемъ церкви или часовни), въ коемъ ставятся запаянные металлическіе гроба усопшихъ. Въ эти склепы обыкновенно бываютъ устроены лѣстницы для спуска въ нихъ черезъ небольшія входныя двери. Такъ было устроено въ Отрадѣ, и точно также было устроено и въ Юрьевомъ монастырѣ, гдѣ привезенные изъ Отрадинскаго склепа гроба были точно также поставлены *на полу склепа* подъ папертью Георгіевскаго собора Юрьевской обители, что̀ я могу засвидѣтельствовать, такъ какъ мнѣ, въ прошломъ Февралѣ нынѣшняго 1896 года, пришлось лично спускаться по каменной лѣстницѣ въ этотъ монастырскій склепъ, гдѣ на кирпичномъ *полу*, совершенно также, какъ было въ Отрадинскомъ склепѣ и какъ бываетъ въ большинствѣ существующихъ склеповъ, стояли *рядомъ и незасыпанные землею* три мѣдныхъ гроба братьевъ Орловыхъ.

Изложеніе дѣла въ статьѣ г. Львова, построенное, конечно, не по его винѣ, на вышеупомянутомъ недоразумѣніи, требовало настоящаго разъясненія.

Мнѣ только остается прибавить, что графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, человѣкъ глубоко религіозный, построившій множество церквей, по нынѣ существующихъ, въ своихъ вотчинахъ, рѣдко пропускавшій церковныя службы и воспитавшій своихъ дѣтей и внуковъ въ страхѣ Божіемъ, не похоронилъ бы своихъ горячо любимыхъ братьевъ, а затѣмъ жену, сына и, наконецъ, по завѣщанію, и самого себя въ какомъ либо помѣщеніи *на поверхности* земли, въ чемъ, впрочемъ, каждый можетъ лично убѣдиться въ самой Отрадѣ *).

Графъ А. Орловъ-Давыдовъ.

---

*) Что̀ касается помянутаго въ справкѣ г. Львова родства между графомъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ и господами Михаиломъ, Ѳедоромъ и Григоріемъ Ѳедоровичами Орловыми, съ графинею Анною Алексѣевною Орловою-Чесменскою, оно также не вѣрно. Было знакомство и дружба, по крайней мѣрѣ, съ первымъ изъ нихъ; но родства въ юридическомъ смыслѣ между ними и графинею не было (см. Біографію графа В. Г. Орлова т. I, стр. 13). Относительно высказываемаго авторомъ справки удивленія, что дѣло начато въ годъ кончины дяди ихъ владѣльца Отрады графа В. Г. Орлова, можно смѣло сказать, что графиня Анна Алексѣевна никогда не рѣшилась бы затѣять его при жизни своего дяди. А. О.-Д.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПРОШЕНІЕ ФИЛОСОФА КАНТА ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ.

Еммануэль Кантъ, магистръ, всеподданнѣйше умоляетъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше назначить его на освободившееся мѣсто ординарнаго профессора по каѳедрѣ логики и метафизики въ Кёнигсбергскомъ университетѣ.

Пресвѣтлѣйшая, великодержавнѣйшая Императрица, Самодержица всея Россіи, всемилостивѣйшая Императрица и великая жена!

Со смертью покойнаго доктора и профессора Кипсе каѳедра ординарнаго профессора логики и метафизики въ нашей Кёнигсбергской академіи сдѣлалась свободною. Эти обѣ науки были доселѣ предметомъ особенно внимательнаго изученія съ моей стороны.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался доцентомъ въ здѣшнемъ университетѣ, каждое полугодіе я читалъ лекціи по обѣимъ этимъ наукамъ. Я написалъ по этимъ наукамъ двѣ диссертаціи, кромѣ того старался представить нѣкоторую пробу своихъ занятій въ четырехъ статьяхъ, напечатанныхъ въ Кёнигсбергской ученой газетѣ, въ трехъ программахъ и трехъ другихъ философскихъ трактатахъ.

Надежда, каковою я себя льщу быть назначеннымъ на академическую службу по предмету сихъ наукъ, особенно же всемилостивѣйшее расположеніе вашего императорскаго величества оказывать наукамъ ваше высочайшее покровительство и снисходительное попечительство, побуждаютъ меня всеподданнѣйше просить ваше императорское величество всемилостивѣйше соблаговолить благосклонно утвердить меня на вакантную каѳедру ординарнаго профессора, такъ какъ я надѣюсь, что академическій Сенатъ въ разсужденіи требуемой на сей предметъ способности будетъ сопровождать мое вѣрноподданическое исканіе не неблагопріятными показаніями. Готовъ умереть въ

моей глубочайшей преданности вашего императорскаго величества наивѣрноподданнѣйшій рабъ Еммануэль Кантъ.

Кёнигсбергъ, 14 Декабря 1758.

*

Переведено съ разрѣшенія издателя, профессора Вайхингера, изъ его журнала „Kantstudien“ 1896, кн. 2-я.

Кёнигсбергъ или Кролевецъ Прусскій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ главнымъ городомъ завоеванной нами въ Семилѣтнюю войну Восточной Пруссіи. Все управленіе было Русское, и потому утвержденіе ординарнымъ профессоромъ величайшаго мыслителя новаго времени зависѣло отъ Русскаго правительства. Всеподданнѣйшее прошеніе Канта почему-то не было уважено, равно какъ его ходатайство по тому же поводу передъ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ Пруссіи, барономъ Корфомъ, и на мѣсто умершаго Кипсе былъ назначенъ докторъ Букъ.

Интересно знать, гдѣ теперь находится подлинное прошеніе Канта и кто именно докладывалъ о немъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Надо замѣтить, что въ то время Кантъ еще вовсе не былъ извѣстенъ и находился въ своемъ „догматическомъ снѣ“.

Юрій Бартеневъ.

Галлэ на Заалѣ,
24 Іюня 1896 года.

XII. Письма гр. П. В. Завадовскаго къ братьямъ Воронцовымъ, кн. Е. Р. Дашковой къ гр. А. Р. Воронцову, Д. П. Трощинскаго, А. Н. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письмо гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ.

XIII. Письма князя А. А. Безбородки (1776—1799).

XIV. Письма кн. Кочубея, гр. А. И. Маркова, кн. А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова, И. П. Страхова.

XV. Письма А. Я. Протасова. Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ. Записка графа С. Р. Воронцова о внутреннемъ управленіи въ Россіи. Записка его о Питтѣ.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу, къ П. В. Завадовскому, гр. А. А. Безбородкѣ. Переписка съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею, письма къ гр. Остерману, М. К. Макарову, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ.

XVII. Письма гр. С. Г. Воронцова къ его сыну (1798—1830).

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову. Д. П. Татищева къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ. Н. Н. Новосильцова.

XIX. Переписка графовъ Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ и С. К. Грейгомъ.

XX. Письма гр. А. И. Моркова къ гр. С. Р. Воронцову, В. С. Тамары, А. Я. Италинскаго, барона Грима, В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова. Моск. оберъ-полиц. П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятій Русскаго министра въ Римѣ.

XXI. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіей Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову.

XXII. Переписка гр. С. Р. и Л. Р. Воронцовыхъ съ бар. А. Л. и П. А. Николаи.

XXIII. Письма Н. М. Лонгинова къ гр. С. Р. Воронцову.

XXIV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма И. И. Голикова, А. В. Храповицкаго, гр. П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича. Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Основательно изслѣдованныя и изысканныя причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова. О царствованіи Іоанна III, регентство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и о восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc du Brunswic (1748). La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères. L'arrêt du comte de L'Estoq. Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ. Rélation de la révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Записка о Малороссіи. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ гр. А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесеніе гр. З. Г. Чернышова Екатеринѣ Второй объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

Цѣна каждой книгѣ „Архива Князя Воронцова“ съ пересылкой ДВА рубля. Выписывающіе изъ конторы „Русскаго Архива“ не менѣе 10 книгъ пользуются уступкою 10%.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1896 года.

„Русскій Архивъ“ въ 1896 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга „Архива Князя Воронцова“).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1896 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1881, 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 5 р., съ пересылкою по 6 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ Петръ Бартеневъ.